УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

УЛЬЯНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА

ВЫПУСК 1-й

г. УЛЬЯНОВСК, 1948 г.

СПИСОК

важнейших опечаток

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
15	13 сн.	признание	призвание
22	10 св.	лауретами	лауреатами
23	4 сн.	отчества	отечества
32	5 сн.	Фадеву	Фадееву
33	„	рецензированные	рецензированные
58	1 сн.	срдества	средства
74	17 сн.	половина	половину
78	6 св.	подателей	податей
96	3-4 св.	людей", он бросил писать список и стал рядовым.	людей, я бросил писать список и стал рядовым".
104	14 св.	Энеглье	Энгельс
117	„ сн.	харкатер	характер
„	21 сн.	Гонту и Железняка	Гонта и Железняк
„	8 св.	происходящих	происходивших
124	14 сн.	основываясь	основывался
133	10 сн.	архирее	архиерее
146	2 сн.	„Отчизма	„Отчизна
154	5 сн.	интересы	интересны
160	18 сн.	окликом	откликом
176	4 сн.	фарнцуза	француза
178	14 св.	известа	известна
187	19 сн.	помощник	помещик
190	1 сн.	краснорекия	красноречия
193	4 св.	„ Страна в	„ Страна, в
„	5 св.	учат читать	учат читать,
194	16 св.	и черния	и черчения

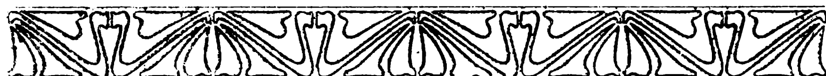
УЛЬЯНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ВЫПУСК I-й

г. Ульяновск 1948 г.

Т. Д. КОРНЕЙЧИК
кандидат педагогических наук

О профессионально-педагогической направленности студентов Ульяновского педагогического института

1.

Выбор профессии имеет большое государственное и политическое значение. Государство, партия, народ заинтересованы в том, чтобы каждый выбирал такую профессию, которая в максимальной степени выявляет и развивает творческие способности личности, профессию, в которой личность может принести наибольшую пользу своему отечеству, отдать ему все силы своего ума, сердца и воли, всю жизнь свою в избранной ею области.

Профессия — это основная форма социалистического труда, основной вид общественно-полезной деятельности гражданина советского государства, поэтому выбор профессии— не только и не столько личное дело молодых людей нашей страны, сколько дело общественное и государственное. У нас тысячи профессий. Каждая из них, как определенная форма социалистического труда, полезна, необходима, ценна. У нас нет и не может быть плохих профессий, но все еще встречаются плохие специалисты. Чтобы не было плохих специалистов, равнодушных, бесстрастных, беспринципных и безидейных ремесленников, необходимо со всей серьезностью и ответственностью подходить к выбору профессии. Выбор профессии—большая общественная и культурно-воспитательная проблема.

Школа, высшие учебные заведения, родители, комсомол, печать, широкая советская общественность должны помогать нашей молодежи в выборе профессии.

Ведущая роль здесь принадлежит школе, учителю и осо-

бенно классному руководителю. Вопрос о выборе профессии нужно ставить не в десятом классе, а за три—четыре года до окончания школы. Роль учителя, классного руководителя в выборе профессии исключительно велика и ответственна. Академик Е. В. Тарле, вспоминая своего учителя по Херсонской гимназии, пишет: «Привитая мне Кустовским любовь к истории и привела меня на поприще той науки, которой я посвятил свою жизнь». Профессор М. Карякин, учившийся в Нижегородской гимназии у Ильи Николаевича Ульянова, вспоминает: «Обаяние личности И. Н. оказывало на нас благотворное влияние. Некоторые из нас полюбили математику и впоследствии, как, например, лично я, избрали математику своей специальностью».[1]

Велико значение встреч учащихся средней школы с учеными, крупными специалистами, инженерами, врачами, агрономами, командирами Советской Армии, новаторами сельского хозяйства, Героями Социалистического Труда, рабочими-стахановцами, студентами различных вузов, писателями, художниками, артистами, музыкантами и т. д. Каждый из них может красочно и убедительно рассказать о своеобразии, увлекательности, трудностях, перспективах развития, о праздниках и буднях своей профессии, о достижениях и радостях своего творческого труда.

Огромное влияние на выбор профессии оказывают прочитанные в детстве и юности книги. Чтение художественных произведений классиков литературы и советских писателей, чтение гениальных работ Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, знакомство с научно-популярной литературой, — все это помогает выявлению и развитию определенных способностей, наклонностей, определенных интересов и жизненной направленности учащегося, обогащает его знаниями, расширяет умственный кругозор, вырабатывает целеустремленность и перспективу.

Каждый учитель-воспитатель обязан глубоко изучать индивидуальные особенности и способности подростка, его интересы, вовлекать его в соответствующие кружки, рекомендовать ему нужную литературу, раскрывать перед ним перспективы его будущей деятельности, давать дополнительные задания, связанные с намеченной профессией, — словом, всеми доступными средствами помогать учащемуся опреде-

---

[1] М. Карякин. И. Н. Ульянов (По воспоминаниям его ученика). «Юбилейный сборник памяти Ильи Николаевича Ульянова» (1855—1925), Пенза, стр. 20.

лить свое место в великой созидательной работе по построению коммунистического общества.

К сожалению, приходится иногда наблюдать несерьезное отношение к выбору профессии как со стороны руководителей школ, учителей, так и со стороны самих учащихся.

Так, некоторые выпускники ульяновских средних школ, получившие аттестаты зрелости в 1946 — 1948 гг., не могли точно сказать, куда, в какой вуз они хотят поступить, какая отрасль труда их привлекает, какя профессия больше всего их интересует. Такое же явление имеет место и в других городах.

Михаил Иванович Калинин, выступая на совещании учащихся восьмых, девятых и десятых классов полных средних школ Бауманского района г. Москвы, спрашивал:

«А все-таки, куда же итти? Или вы вовсе не интересуетесь этим вопросом? Тогда это плохой признак. И если из вашего обсуждения выпал такой важный вопрос, то, по-моему, это большая ошибка. Между прочим, мне очень хотелось узнать, куда стремится большинство учащихся, какая профессия является любимой профессией нашей молодежи.. пришла пора, когда вам надо определиться, когда вы должны дать окончательный ответ: куда итти..

Определиться серьезно—это значит наметить свой жизненный путь, выработать свой характер, свои убеждения, найти свое призвание, необходимо, чтобы у человека как можно раньше выработался характер и сложилось твердое мировоззрение. Если он скажет — буду зоологом, то в этом все. И все, что у него есть, он отдает работе в области зоологии на пользу своей родины. В этом разница между советским зоологом и зоологом капиталистической страны. Советский зоолог скажет: на этом поприще я обязательно принесу максимум пользы своей родине. И он добьется своего, он сделает большое дело . . .

Я лично очень уважаю людей, которые выработали свои убеждения и свой характер. Но, может быть, вам еще рано об этом беспокоиться? Нет, товарищи, не рано. Вероятно, вы хорошо знаете жизненный путь товарища Сталина. Уже в пятнадцатилетнем возрасте он стал марксистом, а семнадцати лет его изгнали из семинарии за то, что он имел определенные политические убеждения, целиком направленные против царского самодержавия, против капиталистов. Вот видите, как рано самоопределился товарищ Сталин. Но если

прежде люди могли так рано самоопределяться, то вам теперь куда легче решить эту задачу».[1]

Ежегодно десятки тысяч советских юношей и девушек, решая задачу самоопределения, поступают в педагогические учебные заведения.

2.

Начиная с 1945 года, кафедра педагогики Ульяновского педагогического института проводит среди студентов первого курса небольшую анонимную анкету, состоящую из следующих трех вопросов: «Почему я избрал педагогическую деятельность? Какую художественную и педагогическую литературу я читал о детях, школе и учителе? Чего я жду от педагогического института?»

Мы не претендуем на исчерпывающие ответы на поставленные вопросы, хотя и требуем полной искренности и откровенности от каждого студента. Анкета помогает преподавателю психолого-педагогических дисциплин составить общее, предварительное представление о мотивах, побудивших студентов поступить в педагогический институт, о степени их интереса к школе и детям, об имеющихся у них предварительных знаниях по педагогике и психологии, о их надеждах и их требованиях к институту,—это с одной стороны. С другой, — анкета заставляет студента более глубоко продумать вопрос о своей будущей профессии, еще раз проверить себя, вводит его с первых дней пребывания в институте в круг педагогических интересов, требует от него серьезного и ответственного отношения к обязанностям студента, будущего учителя советской школы.

Нами изучены и проанализированы 166 таких анкет.

Ответы на первый вопрос—«Почему я избрал педагогическую деятельность?» — можно разбить на четыре категории или группы.

К **первой** категории относятся ответы студентов, решивших без всяких сомнений и колебаний еще до окончания средней школы избрать своей профессией педагогическую деятельность. Таких ответов 115 из 166, или около 70 проц.

Это наиболее интересная группа ответов. В числе причин и мотивов, побудивших студентов поступить в педагогиче-

---

[1] М. Калинин. О коммунистическом воспитании. М. 1946 г., стр. 57—59.

ский институт, встречаем: стремление быть максимально полезным своей родине, воспитывать таких советских патриотов, как Зоя Космодемьянская, Олег Кошевой, Александр Матросов, любовь к детям, призвание к учительской работе, желание изучить психику ребенка, влияние семьи (отца, матери — педагогов), влияние школы, любимого учителя, работа в качестве пионервожатого, временная работа с детьми в младших классах школы по поручению учителя, пребывание в Советской Армии, любовь к литературе, математике, истории и т. д.

У одного и того же студента сочетаются разные мотивы: тут и любовь к детям, и влияние семьи, учителя, школы, игра «в школу» в детстве.

Вот ответ студентки естественного факультета:

«С десятилетнего возраста я уже увлекалась «педагогической» деятельностью. Мне очень нравилось учить моих подруг, еще не посещавших школу. Помню, у нас был «класс» для занятий, была доска, тетради, своя библиотека. Мои «ученицы» приносили домашние детские книжки, из этого фонда мы и давали читать. Часто после «уроков» мы занимались художественной самодеятельностью, и родители наши были очень довольны. Однажды мы занимались на улице. Мимо нас проходила учительница. Она остановилась, внимательно посмотрела на нас, улыбнулась и сказала: «Когда-то и я точно также учила ребят, мечтала, а вот теперь моя мечта сбылась. Да и ты тоже будешь настоящей учительницей». Я смутилась, покраснела... Время шло. И вот летом этого года я стала счастливейшим человеком. 2-ое сентября, день начала занятий в институте, самый счастливый день в моей жизни. И я буду всегда с благоговением помнить тот день, когда мне сказала учительница: «И ты будешь настоящей учительницей».

Такое несколько романтическое, окрашенное в глубокие эмоциональные тона отношение к педагогической профессии характерно для многих наших юных студентов. Очень важно не только не погасить этого горения, этого молодого яркого и искреннего порыва, этой веры в святость своего дела, но систематически, умело и любовно углублять и укреплять этот педагогический оптимизм.

Студентка физико-математического факультета с большим чувством, прямотой и искренностью говорит:

«И я решила стать народной учительницей... Когда я училась в 9 классе, нам дали писать сочинение на тему:

«Кем я хочу быть?» Я, не задумываясь, ответила, что хочу быть только учительницей. Я очень люблю детей и сейчас часто задаю им уроки, даю им различные планы и, что интересно, они меня всегда слушаются и выполняют все аккуратно. И как радостно становится на душе, когда они внимательно меня слушают, спрашивают непонятное, а, главное, когда называют по имени и отчеству. И я тогда совсем ухожу в эту деятельность. Еще раз повторяю, что я очень люблю детей. Ведь они наше будущее».

Сколько здесь неподдельного, хорошего чувства, любви к детям, гордости своими успехами у детей и несколько наивного, но такого непосредственного удовлетворения тем, что ее уже называют по имени и отчеству!

Некоторые полюбили воспитательную работу, выполняя в школе различные общественные обязанности: классного организатора, пионервожатого, председателя учкома, редактора стенной газеты. Одна из таких студенток физико-математического факультета пишет:

«Мне нравится всегда быть в кругу людей. Когда я училась, то всегда выполняла общественную работу... Я была всегда в кругу своих товарищей и подруг. Они любили меня, я это чувствовала... Быть педагогом — великое дело. На твоих глазах растут и формируются люди, а потом они будут (может быть некоторые) великими людьми нашей Родины».

Но тут увлекшийся будущий педагог спешит поправить себя: «Пусть не великими, но настоящими советскими людьми».

Несколько человек студентов указывают, что на выбор профессии педагога повлияли родители—учителя. «Педагогическую деятельность я избрала потому, что люблю эту профессию... Моя мать — учитель, я решила итти по ее стопам (пишу откровенно, от чистой души)». И другая студентка заявляет: «Выбор мой не случаен: моя мать — учитель. На ее примере я видела благородное дело советского учителя». А вот еще лаконичный, но твердый и решительный ответ: «Я хочу продолжить славные традиции своих родителей». Или: «Большую роль в выборе мною специальности педагога сыграла школа, а также семья. Еще в детстве я мечтала быть педагогом. Мой отец педагог, по специальности физик».

Многие студенты подчеркивают, что они хотят быть не просто педагогами, а виртуозными мастерами педагогическо-

го дела. «Когда я поступила в школу,—отвечает студентка факультета языка и литературы,—у меня была уверенность в том, что учитель является каким-то волшебником, способным разрешить любой мой вопрос. И чем дальше я училась, тем больше убеждалась в этом. Мне тоже хочется быть таким волшебником, чтобы разрешать все большие вопросы маленького народа». А студент исторического факультета пишет: «Я хочу быть одним из тех преподавателей, которые воспитали таких сыновей и дочерей нашей Родины, как Валерий Чкалов, Зоя Космодемьянская, Олег Кошевой, Лиза Чайкина и многие другие». Двое студентов заявляют, что на выбор педагогической профессии повлияло пребывание в Советской Армии. Один из них пишет:

«В армии я был командиром взвода, воспитывал своих бойцов. Работа эта мне очень понравилась, и я решил стать педагогом на всю жизнь» (студ. историч. факультета).

Огромное значение имеет любимый педагог.

«Я хорошо помню образ своей учительницы по русскому языку: она в зеленой кофточке, в черной юбке, с простой прической. Энергичными шагами, в то же время плавно, входила она в класс, и ее вид заставлял нас, учеников 5-го класса, подтянуться... Трудностей в ее работе было много, ибо она учила русскому языку тех, кто привык с детства говорить на чувашском языке. И русский язык давался нам с большим трудом. Она терпеливо и упорно добивалась и добилась своего. Мы хорошо овладели русским языком. Таким педагогом — мастером хочу быть и я» (ст-ка исторического факультета).

Значительное число студентов пришло в педагогический институт под влиянием глубокой любви и интереса к избранной науке.

«Литература — это моя стихия! — восклицает один студент. — Где могу я удовлетворить свою страсть к литературе? Я ответил на этот вопрос так: «На поприще педагога-литератора». Находясь последние годы в тесной связи с учителями и детьми, я пришел к выводу, что я буду хорошим педагогом».

И этому юноше можно поверить.

Интересно, что в ответах отдельных студентов отражены те споры, которые ведутся среди десятиклассников между сторонниками педагогической профессии, с одной стороны, и приверженцами профессии врача, с другой. Вот ответ одной из студенток, явно находившейся под впечатлением таких

споров: «Медики говорят: «Хорошо возвращать человека к жизни». А я говорю: «Еще лучше направлять его в эту жизнь». Поэтому я избрала педагогическую деятельность».

Другая студентка пишет:

«Я избрала педагогическую деятельность. Почему?... Почему не пойти учиться в мединститут? Но у меня нет желания ехать в мединститут, и я не хочу подчиняться этой «моде». Некоторые девушки, не имея призвания, подчиняются этой «моде». Любя детей, я хочу всю свою жизнь вращаться среди них. Это я задумала очень давно. За это меня некоторые ругали, некоторые хвалили. Но у меня не было колебаний» (естественный факультет).

Из приведенных двух ответов видно, что вокруг выбора профессии ведется своеобразная борьба с полемическим задором, с выпадами против «моды». Одни ругают за то, за что другие хвалят.

Студентка факультета языка и литературы заявляет, что ее запугивали работой в глухой деревне. «Когда я избрала себе, — пишет она, — профессию педагога, многие запугивали меня: пошлют тебя по окончании института в глухую далекую деревушку».

С большим достоинством и верой в творческий труд педагога отвечает на обывательские запугивания юная патриотка:

«Настоящее счастье советского человека заключается в труде, напряженном творческом труде на благо Родины... Я сознаю величие труда педагога, воспитывающего в ребенке лучшие качества советского гражданина. И этот труд велик и полезен в деревне, как и в городе».

Для многих школа за десять лет учебы стала настолько близкой, родной, настоящей второй семьей, что они решили вновь вернуться в школу, но уже учителями. С теплым чувством вспоминают они свои школьные годы.

«Вот пришел и знаменательный день 1 сентября 1936 года, первый день посещения школы, той школы, память о которой я буду свято хранить всю жизнь», — пишет студентка физико-математического факультета. А студентка исторического факультета, вспоминая свою родную школу, приводит следующие слова из любимой ею «Песни о школе»:

«Пропоем эту песню, ребята,
Эту песню о школе своей,
Где букварь мы открыли когда-то,
Где еще проведем много дней»...

Глубоко прочувствованное, содержательное, весьма популярное среди учащихся стихотворение, рисующее образ любимой учительницы, приводит студентка исторического факультета:

Мы с нею дружим много лет,
Таких, что только раз бывают,
И золотой веселый след
Счастливым детством называют.

Простая, скромная, она
Бывает строгой. — Тише, дети!
И светлый зайчик из окна
Вдруг все лицо ее осветит.

Учительница! Кто здесь из нас
В семье родной, придя из школы,
Не вспоминает в поздний час
Ее глаза, походку, голос.

Она ведь учит нас любить
Наш отчий край, чтоб в час тревожный
Могли мы для отчизны быть
Защитой стойкой и надежной.

Окончив школу, вместе с ней
Мы выберем себе дороги
И разойдемся по стране,
По всем краям ее далеким.

Но всюду будем вспоминать
Наш каждый год, что с нею прожит,
И ту, что нам сейчас, как мать,
И всех друзей она дороже.

Так и живет средь нас она,
В Ульяновске, на Волге,
Со всех сторон окружена
Большою детскою любовью.

Нельзя не отметить, что эти 115 человек, избравшие еще на школьной скамье профессию педагога, по общей и стилистической грамотности, по своему развитию, стоят на достаточно высоком уровне. Видно, что учились они в хороших школах, у хороших учителей, которых поминают добрым словом и похожими на которых они хотят быть, когда окончат педагогический институт и сами станут учителями.

Студентов, ответы которых мы разобрали и которые составляют подавляющее большинство первокурсников (70 проц), можно считать золотым фондом педагогического института: они определяют педагогическое лицо и педагогическую направленность института, они придают всему коллективу студентов четкую целеустремленность, и можно с уверенностью сказать, что все они, при условии правильно организованных теоретических и практических занятий, выйдут из института настоящими учителями лучшей в мире советской школы.

3.

Интересны и показательны ответы второй группы студентов, никогда не мечтавших быть педагогами, увлекавшихся на школьной скамье различными профессиями, определенно не знавших, куда их влечет, но потом, под влиянием тех или иных причин, решивших твердо и безоговорочно стать учителями. Таких ответов 40 из 166, или 24 процента.

Характерно для данной категории ответов следующее искреннее признание студентки литературного факультета.

«Прямо говоря, я никогда не хотела быть педагогом. На вопрос, кем же я хотела быть, мне ответить трудно. До восьмого класса я любила математику и хотела стать инженером, но потом... детская мечта пролетела бесследно. Математику стали преподавать плохо, я перестала ее любить. С этих пор я на всю жизнь решила покончить с математикой. Я любила литературу. Чтение книг доставляло мне огромное удовольствие, т. к. я узнавала очень много нового. Но настоящая любовь к литературе у меня появилась в 8 классе, когда я часто стала посещать театр. Театр! Невольно на язык просятся цитаты из Станиславского и Бирман о театре. Я жадно стала поглощать театральную литературу... Я очень любила театр, но не мечтала никогда о театральном институте или училище... В 10 классе я поняла, как сильна моя любовь к театру. Появилось огромное желание попасть в театральный институт, на театроведческий факультет. Но желанию моему не суждено было осуществиться. Домашние как-то подозрительно отнеслись к моему увлечению театром. И я решила поступить в педагогический институт. **Но не необходимость заставила итти меня в этот институт, а любовь к литературе.** Я хочу, чтобы педагогический институт сделал из меня **хорошего педагога, педагога артиста,** безукоризненно знающего литературу» (подчеркнуто мною. — Т. К.).

Этот случай, как и многие другие, лишний раз показывает, какой исключительно ответственной задачей является педагогическая работа по формированию интересов у подростков и юношей, стоящих перед выбором профессии, определяющих свой жизненный путь. Каждому юноше и каждой девушке необходимы руководство, помощь, дружеская направляющая рука, разумный совет, так как устойчивый профессиональный интерес без такой помощи у некоторых складывается весьма извилистым путем.

Другая студентка (физико-математический факультет) пишет следующее:

«Год тому назад я совершенно не думала когда-либо поступить в педагогический институт, но работа в школе в качестве преподавателя произвела настоящий переворот в моих взглядах на педагогическую деятельность. Находясь непосредственно среди детей 11—12-летнего возраста, ведя с ними и внеклассную работу, я незаметно для себя так увлеклась педагогической работой, что разговоров о поступлении в другой институт не могло и быть: я твердо решила стать преподавателем математики».

В данном случае временное приобщение к профессии педагога раскрыло перед девушкой всю привлекательность учительского труда, в котором она нашла свое призвание. В процессе самой работы начали формироваться интересы к педагогической деятельности, обнаруживаться способности к ней, о которых сама девушка и не подозревала. Педагогические способности и интересы, являясь условием и предпосылкой плодотворной и творческой работы учителя, вместе с тем являются и результатом этой работы. Всякая творческая работа вызывает и углубляет интерес к ней и мобилизует все силы и способности человека. Наряду с привлекательностью педагогической деятельности студентка отмечает и ее трудности. «Безусловно, — пишет она, — в этой работе много трудностей, много неразрешенных вопросов, но это не страшит меня: ведь на пути всегда можно встретить препятствия, и грош цена тому, кто не сумеет преодолеть их». Студентка глубоко верит в свои силы и возможности, в силы и творчество советского человека, который должен уметь преодолевать все и всяческие препятствия... «Больше всего пользы нашей Родине я принесу именно на поприще учительском, поэтому я и пошла в педагогический институт», — заканчивает студентка свой ответ, еще год тому назад и не думавшая о профессии педагога.

А вот юная путешественница, также искренно сменившая мечту о дальних путешествиях в новые земли на деятельность в школе. «Больше всего меня интересовали путешествия, — сообщает эта девушка, ставшая студенткой естественного факультета педагогического института, — мне всегда хотелось увидеть многие незнакомые края и земли. А потом я решила, что о далеких краях я могу узнать в педагогическом институте, из книг и лекций. Как естественник, я буду совершать дальние и ближние экскурсии, буду изучать природу, стану путешествовать вместе с учениками. Я очень люблю такую жизнь, которая каждый день открывает для меня новое. Педагогическая деятельность очень благородная и полезная. Воспитание детей — серьезный и почетный труд».

Студентка физико-математического факультета долго не могла, по ее словам, найти настоящей дороги. Ни одна специальность не нравилась ей больше другой. В 10 классе она сблизилась с учительницей литературы. «Ее жизнь, насколько она была мне известна, очень понравилась мне, — пишет студентка о своей учительнице. — Я видела, как к ней приезжали пожилые и молодые люди, когда-то бывшие ее учениками, и видела, как высоко они ценят нашу учительницу за то, что она много дала им. Мне кажется, что К. прожила жизнь так, как надо ее прожить каждому: принесла она много пользы людям».

Школьный учитель, отдавший всю свою жизнь детям, своим высоким моральным обликом увлек молодую девушку и помог ей найти свой жизненный путь. Учительница К., ставшая идеалом для своей ученицы, в глазах последней была не просто школьным учителем, но и учителем жизни.

Педагогическая работа, протекающая «среди детей и молодежи, никогда не станет однообразной и скучной, — пишет та же студентка. — Если работать по-настоящему, с увлечением, то она может целиком заполнить жизнь и сделать ее интересной и содержательной, как это я видела на примере учительницы К. Я не уверена ,что из меня получится такой же преподаватель, как К., но я бы очень хотела быть такой: суметь заинтересовать учеников своим предметом, сделать так, чтобы учить физику или математику для них стало бы удовольствием, а не принудительной работой.»

Стремление стать таким же мастером педагогом, как любимый учитель, присуще большинству студентов, избравших профессию педагога.

Некоторые студенты данной категории сначала считали себя более пригодными к профессии агронома, врача, юриста, нежели к профессии педагога. «Мне, как и некоторым другим девушкам, нравился сельскохозяйственный институт, — пишет студентка естественного факультета, — но, когда я поехала в Ульяновский сельскохозяйственный институт, то по дороге меня разговорили, мне сказали, что девушки не справляются с работой агронома. Педагогом быть я никогда не мечтала, но так как я люблю естественные науки, то и решила, чтобы передавать любимые науки другим, поступить в педагогический институт. Мое решение окончательное и твердое».

Одна из студенток заявляет, что ей нравятся две профессии: врача и учителя. Сначала она держала экзамен в медицинский институт, но «не прошла по конкурсу». Тогда она решила поступить в педагогический институт: «Мне специальность учителя нравится не меньше, чем специальность врача, если не больше». Первые дни пребывания в педагогическом институте убедили девушку, что она ничего не потеряла, не попав в мединститут, а скорее даже выиграла.

В таком же положении очутилась и студентка, которой в одинаковой степени нравилась деятельность юридическая и педагогическая. Победило стремление — стать учительницей. Этому помогла любовь к математике. «Я твердо решила стать преподавателем математики, получить как можно больше знаний и передавать их детям».

Одной девушке дома постоянно внушали, что ее призвание — быть медиком. У нее же самой никаких определенных планов на будущее не было. По окончании средней школы перед ней сразу же возникли вопросы: куда итти учиться? где ее признание? какую специальность ей избрать? Домашние попрежнему настаивали на медицинском институте, но сама девушка не чувствовала призвания к профессии медика. После длительного и зрелого размышления, взвесив все за и против, девушка избрала педагогический институт. «Родители мои были недовольны моим выбором. Когда я стала учиться в институте, я поняла, что правильно выбрала себе профессию. Я люблю детей, я буду всегда с детьми. Я буду воспитывать в них честность, правдивость, трудолюбие, силу воли, патриотические чувства, любовь к родине. Мы, учителя, — инженеры человеческих душ... Мы воспитываем поколение, которое построит коммунистическое общество. Вот цель учителя. Какая благород-

ная работа. Учитель должен оправдать себя перед партией, правительством и родителями и с честью выполнять возложенные на него задачи».

Так, вопреки воле родителей, с которыми пришлось выдержать даже некоторую борьбу, девушка нашла свое истинное призвание, поступив в педагогический институт.

Сложен и извилист путь студентки физико-математического факультета, которая, будучи еще в 7классе, мечтала поступить в театральный институт, на актерское отделение. «Но идет время, взгляды мои меняются, я стала серьезнее смотреть на жизнь, — сообщает студентка, — и у меня появились новые мечты — стать архитектором». Окончив среднюю школу и трезво оценив свои возможности и способности, девушка поступает на физико-математический факультет педагогического института, так как еще в школе больше всех предметов ей нравилась математика. Ее привлекает школа еще потому, что в ней «будешь видеть свое прошлое» и определять будущее других, «которые с заложенными тобой знаниями пойдут в высшие учебные заведения, вынося благодарность за твой труд».

Студентка естественного факультета едет в Мичуринск, в плодоовощный институт.

«Но поехала я туда не по желанию, а просто случайно, — пишет она, — с подругами. И поэтому у меня не было желания сдавать экзамены и попасть в данный институт. И я их сдавала неважно, по конкурсу не прошла. У меня было другое желание, другая мечта — стать педагогом. Я искренне желаю стать педагогом и воспитывать молодежь нашей страны в духе марксизма-ленинизма».

Двое студентов, принадлежащих к данной группе, уже работали в качестве специалистов до поступления в педагогический институт: один из них был агрономом, а другой счетным работником. Оба они решили переквалифицироваться и стать учителями. Бывший агроном считает, что педагогическая деятельность больше чем какая-либо другая соответствует его интересам, а бывшему счетному работнику надоела его однообразная, сидячая работа, к тому же, по его выражению, почти совершенно не связанная с массами, тогда как работа педагога — это живая разнообразная работа с коллективом бойких и любознательных детей.

Анализ ответов второй группы студентов, прошедших в отдельных случаях довольно сложный путь исканий, стремлений, увлечений, и в конечном счете, решивших твердо, соз-

нательно и окончательно стать учителями, показывает, что эта группа студентов также является весьма ценной в педагогическом отношении. Их прежние желания и мечты быть артистами, архитекторами, медиками, юристами, геологами, инженерами, путешественниками и т. д. вполне естественны для юношеского возраста, когда каждому хочется как можно больше узнать неизведанного, когда каждому хочется совершить особый подвиг во славу Родины и своего народа. «У молодежи всегда есть желание самопожертвования, — говорил М. И. Калинин, изумительный знаток и искренний друг советских детей и юношества, — у молодежи всегда есть желание обойти весь свет пешком, пойти в моряки, быть капитаном, открывать новые части света и т. д. и т. д. И, товарищи, это естественно... Я не думаю, чтобы эти стремления к чудесному, стремления быть чудо-богатырем, делать большие дела для народа, и в области науки, и в других областях, — чтобы все эти качества не были свойственны современной молодежи».[1]

Они свойственны нашей молодежи, перед которой открываются чудесные перспективы и необъятные просторы по преобразованию жизни на коммунистических началах. Молодежь многое влечет, интересует. И ничего зазорного нет, когда мечта сделаться артистом, инженером, или ученым садоводом с течением времени сменяется мечтой стать педагогом-артистом, инженером детских и юношеских душ, мудрым садовником, любовно и терпеливо выращивающим славное поколение строителей коммунистического общества.

Тем более это естественно и законно, что, пожалуй, ни одна профессия не может в такой степени удовлетворить самые разносторонние интересы, запросы и способности молодого человека, как профессия педагога, требующая огромных знаний, исключительной эрудиции, практических умений и артистического мастерства.

Математик, физик, химик, биолог, историк, географ, лингвист, литератор, — каждый из них может найти полное приложение своих сил и способностей в педагогической деятельности.

По существу все великие русские ученые были педагогами в самом лучшем и благородном смысле этого слова. Лобачевский, Остроградский, Чебышев — математики, Сто-

---

[1] М. И. Калинин. О коммунистическом воспитании. М. 1945 г., стр. 4.

летов, Умов, Лебедев, — физики, Зинин, Бутлеров, Менделеев — химики, Рулье, Усов, Мензбир, Тимирязев — зоологи и ботаники, — все они были настоящими педагогами-воспитателями. Многие из них начинали работать в средней школе, а некоторые как, например, Усов, Шокальский, продолжали заниматься в гимназии, будучи известными и прославленными учеными. Белинский и Чернышевский были учителями русской словесности. Добролюбов получил специальное педагогическое образование и был репетитором.

40 человек (24 проц.) второй группы студентов — это хороший отряд, будем надеяться, хороших будущих учителей.

4.

Шесть человек из 166. (3½ проц.) заявляют, что они поступили в педагогический институт случайно, без всякого намерения в будущем стать учителями. Педагогическая профессия их не интересует, работать в школе они не собираются. Им нужен только диплом об окончании высшего учебного заведения.

Один студент пишет, что он с детства увлекается радиотехникой. По окончании строительного техникума он подал заявление в институт связи, на радиотехнический факультет, но поступить туда не удалось. И он поступил на физико-математический факультет педагогического института, по окончании которого не знает, что будет делать, но «карьера учителя» его не прельщает.

Два других студента отвечают, что у них не было другого выбора, кроме педагогического института, что они хотят быть вообще культурными и образованными людьми, «но никак не преподавателями».

Четвертый студент пишет: «Во всяком случае деятельность педагога меня никогда не привлекала, как и другие профессии, и я учусь здесь по материальным соображениям». Дальше он говорит, что до сих пор не знает, чего он хочет и кем хочет быть. Ему внушили, что у него блестящие математичексие способности, что ему легко будет учиться в педагогическом институте и что его могут оставить для научной работы при институте. Сам он более скромного мнения о себе, считает, что отличником ему не быть, так как у него не развита ни устная, ни письменная речь.

Пятая студентка этой же категории отвечает: «Я никогда не мечтала о педагогическом институте и педагогической

деятельности... К профессии учителя я безразлична». Ей нужны только знания по математике и диплом об окончании высшего учебного заведения. Она так же безграмотна, как и предыдущий студент.

Все шесть человек **третьей** категории, не желая быть учителями, хотят получить диплом об окончании вуза, причем все они не отличаются большой грамотностью.

К **четвертой** категории я отношу пять человек студентов, которые поступили в педагогический институт на время, на год, чтобы не терять времени. Через год все они думают уйти из педагогического института и поступить в другой вуз. Вот ответы студентов этой категории:

«В педагогическом институте мое пребывание кратковременное. Только год! А потом я перенесусь в другую область, в область авиации. Меня может интересовать только авиация». Или: «Моя мечта — технический вуз, но попасть туда в этом году я не мог, а чтобы год не пропадал, я решил пойти на физико-математический факультет педагогического института. Призвания быть педагогом не имею». Так же звучит и следующий ответ студентки: «При первой возможности я покину стены педагогического института и перейду в медицинский».

* * *

Итак, из 166 человек 115 еще в средней школе, почувствовав призвание и любовь к педагогической деятельности и работе с детьми, решили поступить в педагогический институт и стать педагогами. 40 человек после некоторых колебаний, увлечений другими вузами и профессиями, также пришли к заключению, что для них наиболее приемлемой и целесообразной формой служения народу является профессия учителя.

Таким образом, 155 (115+40) человек из 166 (94 проц.) пришли в институт с определенной педагогической направленностью.

11 человек (6 проц.) не думают быть педагогами. Шесть из них хотят получить только диплом, и пять человек собираются уйти из педагогического института в другие вузы.

В ответах студентов на вопрос—«Почему я избрал педагогическую деятельность?» — отражены замечательные моральные качества, идеалы, стремления, общественно-политическая направленность нашей молодежи, формировавшей-

ся в годы Великой Отечественной войны и живущей в период осуществления послевоенной Сталинской пятилетки.

У нас создан новый моральный облик молодого советского человека качественно, принципиально отличный от морального облика современной буржуазной молодежи. Буржуазные психологи и педагоги описывают изучаемых ими юношей и девушек, как пессимистов, на пороге жизни потерявших веру в жизнь, уходящих в мир беспочвенных фантазий; как убежденных негативистов, отрицающих все окружающее якобы из одной юношескому возрасту свойственной приверженности к отрицанию ради отрицания; как своеобразных носителей и представителей «мировой скорби», как одиночек, живущих замкнуто, ушедших в свои личные переживания, в самоанализ, оторванных от жизни и от людей.

Все эти свойства и качества буржуазной молодежи, которая воспитывается в духе частно-собственнической идеологии и психологии, выдаются за вечные и неизменные свойства подростков и юношей всех времен, стран, народов, классов, как свойства, обусловленные якобы биологическими особенностями возраста.

Это антинаучное, ложное и лживое объяснение и толкование поведения и психики молодого человека буржуазного общества наглядным и убедительным образом опровергается идеологией, поведением и психикой нашей советской молодежи.

Вместо пессимизма буржуазного молодого человека нашим юношам и девушкам присущи оптимизм, бодрость, вера в свои собственные силы, вера в творческие силы победившего народа, вера в торжество коммунизма.

Вместо негативизма — сознательная творческая деятельность на благо своей Родины, утверждение и создание новой жизни, радостный свободный труд в социалистическом обществе.

Вместо так называемой «мировой скорби» буржуазного молодого человека, советский молодой человек, тоже думая о мировых проблемах, но совершенно иного характера, стремится к разрешению этих проблем через участие в грандиозных строительных работах своего края, своего отечества и тем самым оказать посильную помощь и человечеству.

Вместо одиночества, индивидуалистических переживаний и ухода от жизни и людей, свойственных буржуазной моло-

дежи, у нас коллективная творческая жизнь, дружба, товарищество, светлый социалистический гуманизм.

Совершенно очевидно, что пессимизм и оптимизм, негативизм и позитивизм, индивидуализм и коллективизм являются результатом не биологических особенностей и свойств определенного возраста, а порождением и производными качествами определенного экономического, государственного и политического строя, определенных общественных отношений и общественной идеологии.

Капиталистический строй порождает и воспитывает пессимизм, негативизм, индивидуализм, эгоизм.

Социалистический строй порождает и воспитывает оптимизм, социалистический гуманизм, коллективизм, патриотизм, веру в победу коммунизма.

Не вся молодежь в капиталистическом обществе подвержена пессимизму, бесперспективному негативизму и нигилизму, оголтелому индивидуализму и эгоизму. Есть и в капиталистическом мире демократическая и революционная молодежь, которая в борьбе с капиталистическим строем очищается от скверны буржуазной морали и идеологии и приобретает новые черты и качества, необходимые для победы рабочего класса и идей социализма и коммунизма.

Есть еще и у нас «пережитки вчерашнего дня, мешающие советским людям итти вперед» (А. Жданов). Еще встречается иногда недобросовестное отношение к труду, к социалистической собственности, к требованиям коммунистической нравственности, карьеризм, тщеславие, эгоизм, преклонение перед иностранщиной, беспринципность.

Из 166 ответов 3 ответа несколько диссонируют с общей идейной направленностью нашей молодежи. Неприятно читать такого характера заявления:

«Мне хотелось бы стать весьма почитаемым человеком, но педагогу, как я сужу на основании всего виденного мною, это удается значительно труднее, чем, скажем, врачу или инженеру». Здесь налицо мелкое тщеславие, погоня за личной славой, почетом, независимо от интересов дела, интересов и блага коллектива, общества, независимо от способностей к тому или другому делу. Чувствуется, что все это у юноши наносное, ненастоящее, временное, результат чьего-то влияния. Сам автор этого заявления спешит оговориться: «Может быть, со временем мои взгляды изменятся». Обязательно изменятся, можем мы сказать юноше. Очевидно, никто ему не объяснил, не показал, не доказал, что в

социалистическом обществе слава и почет посещают человека не тогда, когда они являются самоцелью и когда человек работает ради славы, а не ради дела, а тогда, когда он прежде всего думает о деле, вкладывает в него все свои силы, свои способности и знания, свой ум, волю и чувство, когда он работает беззаветно для блага Родины и народа, тогда к нему приходят почет, уважение и слава. Партия, государство, народ умеют ценить и прославлять достойных сынов нашей великой Родины. Тому тысячи и тысячи примеров со стахановцами, орденоносцами, лауретами Сталинской премии и т. д.

Необычно для советского юноши звучат и такие слова:

«По окончании института хотел бы получить место в городе... Преподавательская работа меня не удовлетворит, добьюсь, в крайнем случае, директорства средней школы». Человек пока только на первом курсе, но уже претендует на место в городе, с некоторым пренебрежением говорит о преподавательской работе и, как о меньшем зле («в крайнем случае»), мечтает о директорстве. Неприятен и несвойственен подавляющему большинству нашей молодежи этот черствый карьеризм, это выпирание на передний план своих маленьких личных интересов. Не творческая работа по коммунистическому воспитанию детей прежде всего интересует молодого человека, а место в городе, место директора. Конечно, плох тот солдат, который не мечтает о жезле маршала. Но для осуществления такой мечты необходимы упорный труд, постоянное стремление к обогащению себя знаниями, беззаветная храбрость, мужество и многое, многое другое. Чтобы стать директором, необходимы педагогические знания, опыт, любовь к преподавательской деятельности, знание людей и особенно детей, уменье руководить по-большевистски и многое, многое другое, чего пока у юноши нет и к чему он, судя по ответу, и не стремится. Без труда и без заботы, без стажа и опыта, он хочет превратиться в уважаемого и почитаемого всеми директора средней школы. Это стремление карьериста, будущего бюрократа. Надо надеяться, что у юноши карьеристические наклонности внушены людьми, не понимающими самой сущности социалистического труда в советском государстве, и что он основательно и навсегда от них избавится, что не исключает возможности в будущем стать ему не только директором школы, но и министром просвещения, если только он этого заслужит.

ибо беспредельны возможности роста, развития и расцвета способностей, дарований и талантов в нашей стране.

Только стремлением к оригинальничанию, желанием быть непохожей на других, какой-то временной депрессией и нарочитым бравированием можно объяснить следующие слова студентки:

«Я вообще не люблю маленьких людей—детей. Педагогическая деятельность заключается именно в работе с этими маленькими людьми, или вообще с людьми... Меня не интересует жизнь детей, работа учителей, так как все, что касается работы с людьми, меня сильно отталкивает».

Весьма странное заявление, которое можно объяснить только вышеуказанными причинами, которые, само собою разумеется, носят временный и преходящий характер. Здесь вина школы, которая не сумела у своей ученицы привить любовь к общественной коллективной жизни, любовь и уважение к людям, друзьям и товарищам по учебе, борьбе и строительству.

Девушка — хорошая советская патриотка. Она мечтает о смелых полетах авиатора, о подвигах в честь и славу своей Родины.

«Меня может интересовать только авиация!» — патетически восклицает девушка. Весь ее ответ, написанный на двух страницах, посвящен прославлению авиации и посрамлению педагогики, и пестрит многочисленными восклицательными знаками, что свидетельствует о высокой эмоциональной возбудимости автора и недостаточно объективном анализе окружающего. Ее отрицатильное отношение к детям и людям вообще наивно и наиграно. На будущий год она надеется поступить в авиционный институт.

Несмотря на эту наигранную нелюбовь к детям, рассчитанную на то, чтобы поразить и удивить тех, кто любит детей и школу, несмотря на нарочитое стремление показаться оригинальной, несмотря на явную неустойчивость ее профессиональных интересов, несмотря на все это, она неизмеримо выше, чище, красивее, благороднее любой буржуазной девушки, воспитанной в духе буржуазной идеологии и морали. Девушка мечтает о подвигах капитана Гастелло, о славе и счастье своего отечества, следовательно, о счастье всех людей своего отчества, не замечая, что она своим заявлением о нелюбви к людям вступает в противоречие с самой собою.

А вот мечты американской девушки:

«Я не думаю, что мне полезно в деловом мире. (О хоро-

щем бизнесе, о месте в деловом мире думают мужчины. —Т. К.) ... Надеюсь выйти замуж и жить в маленьком загородном доме, где у нас будет садик, лошади, собаки и куры».[1] Таков предел мечтаний американской девушки. Узкий, маленький мирок за городом с собаками и курами.

Наши юноши и девушки, поступившие в 1947—48 учебном году в Ульяновский педагогический институт, являются молодыми советскими людьми, работа с которыми не может не радовать научных работников и не может не дать положительных и ценных результатов в смысле подготовки высокондейных, прекрасно знающих свой предмет, педагогику, психологию, методику, творческих, умелых художников и мастеров педагогического дела; вполне достойных единственной в мире коммунистической школы.

5.

Второй вопрос нашей анонимной анкеты был сформулирован так: «Какую художественную и педагогическую литературу я читал о детях, школе и учителе?».

Ответам на этот вопрос мы придаем также большое значение, так как они показывают, в какой степени и что именно интересует студента из области его будущей профессии, какие у него имеются сведения о детях, их психике, поведении, особенностях их развития, что он знает о школе, об учителе из художественной и педагогической литературы.

Глубоко прав профессор С. Л. Рубинштейн, когда он с искренним пафосом говорит в своих «Основах общей психологии»:

«Путь индивидуального развития человека представляет собою развертывающуюся в узких рамках немногих лет историю замечательных превращений, какие может себе представить человеческая мысль.

Этот путь—короткая и бесконечно патетическая история человеческой жизни — тема и для психолога и для художника-поэта».[2]

Великие художники слова всегда были великими человековедами или человекознавцами, прекрасными знатоками и детской психики.

---

[1] Цитирую по статье члена-корреспондента АПН РСФСР, А. Н. Леонтьева «Промблемы детской и педагогической психологии». Ж. «Советская педагогика, 1948, № 2, стр. 66.

[2]. С. Л. Рубинштейн. «Основы общей психологии». М., 1946 г., изд. 2-ое, стр. 164—165.

Очень многие педагоги заявляют, что они полюбили детей, школу, свое трудное и увлекательное воспитательское дело, благодаря чтению таких художественных произведений, как «Детские годы Багрова внука» С. Аксакова, «Детство, отрочество и юность» Л. Толстого, «Детство» и «В людях» М. Горького, «История моего современника» В. Короленко; чудесные рассказы о детях А. Чехова, «Детство Темы» и «Гимназисты» Н. Гарина, «Детство Никиты» А. Н. Толстого, детские рассказы Д. Мамина-Сибиряка, К. Станюковича, Шолом-Алейхема, Ч. Диккенса, Марка Твена и др.

Исключительное значение в подготовке советского учителя приобретает советская художественная литература о детях и советской молодежи.

«Как закалялась сталь» Н. Островского, «Молодая гвардия» А. Фадеева, «Педагогическая поэма» А. Макаренко, все произведения А. Гайдара и особенно его «Школа» и «Тимур и его команда», «Белеет парус одинокий», «Сын полка» В. Катаева, «Два капитана» В. Каверина — эти книги, как и многие другие, написанные в разные периоды становления социалистического государства, являются книгами о жизни и подвигах советской молодежи, о воспитании и формировании сознания, мышления, чувства и воли наших подростков и детей, о создании волей партии, нашей школой, всей советской действительностью характеров нового, невиданного типа. Книги эти в самом лучшем и благородном смысле слова дидактические, поучающие, вдохновляющие, зовущие на труд и борьбу. Они дают колоссальнейший материал для глубоких педагогических и психологических выводов. Каждый педагог обязан знать эти книги. И не только эти, но и всю детскую литературу и литературу о детях, о школе, об учителе.

Педагогический институт должен знать, с каким запасом сведений о детях, школе и учителе приходят в институт люди, решившие стать педагогами. Каждый молодой человек, готовя себя к той или другой профессии, заранее проявляет к ней повышенный интерес, читает соответствующую литературу, ищет ответы на волнующие его и связанные с профессией вопросы. Естественно, что юноша, посвящающий себя педагогической деятельности, очевидно, кроме интереса к специальной дисциплине, которую он собирается преподавать, должен интересоваться и детьми, и школой.

Ответы на нашу анкету показывают, что огромное большинство студентов приема 1947 года читало многие произ-

ведения о детях, о молодежи, о школе, как классиков, так и советских писателей.

На первом месте по читаемости из советских писателей стоит А. С. Макаренко с его «Педагогической поэмой». Из 166 человек 78 читали «Педагогическую поэму» А. С. Макаренко. На втором месте стоит А. Гайдар, на третьем — А. Фадеев. Дальше следуют — Н. Островский, В. Катаев, В. Каверин, Л. Кассиль, В. Василевская («Комната на чердаке»), М. Бродская («Марийкино детство»), М. Прилежаева («Семиклассницы»), Р. Фраерман, М. Алигер, С. Михалков.

Встречаются (очень редко) имена авторов школьных повестей—Г. Медынского, А. Донченко, Немировой, а также отдельные рассказы, очерки, стихи на детские и школьные темы Е. Кононенко, А. Барто, С. Маршака и др.

Из классиков художественной литературы первое место занимает А. М. Горький, «Детство» и «В людях» которого читали 72 человека из 166. За А. М. Горьким следует Л. Толстой, затем идут—В. Короленко, А. Чехов, С. Аксаков, Н. Гарин, А. Н. Толстой, М. Твэн, Ч. Диккенс, В. Гюго. Упоминаются и второстепенные писатели, а одна студентка пишет, что читала институтские повести Л. Чарской.

17 человек ответили, что не помнят, что они читали о детях и школе, двое совсем не ответили на вопрос, один студент заявил, что он ничего не читал по вопросу, поставленному в анкете.

Особенно сильное впечатление на многих произвела «Педагогическая поэма» А. Макаренко. Вот некоторые отзывы об этой книге:

«Педагогическая поэма» Макаренко произвела большое впечатление. Как прочел, появилась дума: «Хочу быть, как Макаренко».

Таково действенное значение этого замечательного произведения, которое вызывает у читателя немедленный отклик и искреннее стремление быть таким, как автор, талантливый организатор и руководитель колонии.

Другая студентка восхищена силой воли А. С. Макаренко, его пониманием психики ребенка. «Из художественной литературы, — пишет она, — читала «Педагогическую поэму» Макаренко, которая произвела на меня громадное впечатление. Я была восхищена силой воли этого человека, умевшего правильно понимать психику ребенка».

Краткий, но весьма характерный, ответ одного студента

гласит: «Помню хорошо «Педагогическую поэму», которая является моей любимой книгой».

А вот довольно пространная оценка «Педагогической поэмы»: «Я читала «Педагогическую поэму» Макаренко. Книга мне очень понравилась. Особенно хорош заведующий колонией. Его настойчивость, упорство, хладнокровие очень ярко нарисованы. Макаренко пишет о себе. Когда я прочитала эту книгу, мне захотелось быть на месте Макаренко и даже на месте одного из его воспитанников. Мне очень нравится в поэме то, что даже эти мальчики и девочки, которых испортила жизнь, становятся настоящими людьми и строителями социалистического общества. Особенно приятно читать последние строки, когда узнаешь, что один из воспитанников стал летчиком, другой инженером, врачом, кавалеристом и т. д.».

«Секрет» такого сильного влияния на молодежь «Педагогической поэмы» заключается в том, что А. С. Макаренко не только талантливо и с блеском описал рост, развитие, расцвет и торжество коллектива, но он так же талантливо создавал в напряженной творческой жизни этот описанный им коллектив. Он не только создатель замечательного произведения, но и создатель замечательной трудовой колонии имени А. М. Горького, коммуны имени Ф. Э. Дзержинского, которые и стали предметом его художественного описания. «Педагогическая поэма» — произведение социалистического реализма с элементами революционной романтики огромной действенной силы, организующей, направляющей и поучающей читателя, который воочию убеждается в несокрушимой истинности и силе идей марксизма-ленинизма, в превосходстве над буржуазным государством советского государственного строя, открывающего необъятные просторы для творческого преобразования жизни новаторам типа А. С. Макаренко. Вот почему студентке захотелось быть на месте А. С. Макаренко и даже на месте одного из его воспитанников,другими словами, читателю захотелось немедленно включиться в творческую работу по переделке жизни, по созданию людей нового морального облика. Это высокая заслуга произведения, которое так властно зовет читателя на борьбу и на подвиг, что читатель готов немедленно стать на место героев произведения. И неспроста почти все читавшие «Педагогическую поэму» в один голос заявляют, что она повлияла на выбор профессии педагога. И мы вправе надеяться, что студенты, с таким увлечением и любовью читаю-

щие и перечитывающие произведения А. С. Макаренко и под влиянием их избравшие профессию, будут хорошими советскими педагогами.

Интерес к произведениям А. С. Макаренко и глубокому изучению его педагогических взглядов в институте поддерживается всей системой учебной и внеучебной работы. На втором курсе при изучении вопросов дисциплины, методов создания дружного и творческого коллектива учащихся и других разделов теоретического курса педагогики обязательно привлекается и приглашается в качестве умудренного опытом советчика и консультанта А. С. Макаренко. Доклады о нем на расширенных заседаниях педагогического кружка привлекают огромное количество слушателей. На одном из таких заседаний педагогического кружка, происходившем в марте 1948 г., выступали и делились опытом своей работы по системе А. С. Макаренко воспитатели Ульяновской трудовой колонии, что вызвало исключительный интерес среди студентов. А 1-го апреля 1948 г., в девятую годовщину смерти А. С. Макаренко, был организован вечер, посвященный его памяти. На вечере с докладом о жизни и творчестве А. С. Макаренко и воспоминаниями о нем выступил профессор В. Н. Колбановский. На третьем курсе в порядке изучения истории советской педагогики уделяется достаточно места, времени и внимания педагогической деятельности А. С. Макаренко. И на четвертом курсе, на специальном семинаре, А. С. Макаренко отводится два занятия.

Несомненно, что жизнь, творческая, новаторская педагогическая деятельность и художественные произведения А. С. Макаренко углубляют и развивают у студентов педагогическую направленность и педагогические интересы.

Любимым писателем многих и многих студентов является и Аркадий Гайдар:

«Книги Гайдара я перечитывала по несколько раз, и сейчас, если попадутся под руку, то тут же начинаю читать», — пишет одна студентка. Другой студент заявляет: «Мне очень нравится, как писал о детях Гайдар».

Двое студентов вспоминают, как они в начале Великой Отечественной войны под влиянием прочитанной ими повести А. Гайдара «Тимур и его команда» были в школе «тимуровцами», а затем и вожаками «тимуровских» команд. Пример славного пионера Тимура Гараева и его товарищей увлек миллионы советских детей, вызвав к жизни так называемое «тимуровское» движение. Герой книги вызвал массо-

вое ему подражение. Студенты, будущие учителя, не могут не знать и не любить произведений А. Гайдара, который так хорошо знал путь к сердцу детей и подростков. Он горячо любил и знал советских детей, знал, чем живут и дышат они, к чему стремится молодое поколение советского народа. Он входит в жизнь каждого своего героя, как старший друг, которому все понятно, все известно, все доступно: он прекрасно понимает все тайные пружины озорства Чука и Гека, причины раздора и примирения Исайки Гольдина, Кольки. Васьки, Нюрки, его увлекают их игры в лапту, в городки. Недаром Аркадий Гайдар, вспоминая все трудности своей военной службы, писал: «Иной раз, бывало, закрутишься, посмотришь в окошко и подумаешь: а хорошо бы... пойти с ребятишками играть в лапту». Это замечательное признание советского писателя, ставшего большим сердечным другом и умным наставником и воспитателем детей, роднит его с А. С. Макаренко, который писал: «У ребенка есть страсть к игре и надо ее удовлетворять... На меня многие педагоги смотрели, как на чудака, что занимаюсь игрой... Надо играть с ребятами... Я хорошо с ними играл».[1]

«Молодая гвардия» А. Фадеева, вышедшая отдельным изданием в 1947 году, не успела дойти до массового читатателя к тому времени, когда юноши и девушки выпуска из школы того же 1947 г. решали вопрос о выборе профессии. Этим объясняется то, что выдающееся произведение советской литературы из эпохи Великой Отечественной войны о подвигах советской молодежи читало меньшее количество студентов, чем произведения А. Макаренко и А. Гайдара.

Студентка литературного факультета пишет о «Молодой гвардии» А. Фадеева: «Когда я причитала «Молодую гвардию», я и плакала, и торжествовала, и негодовала, и радовалась».

Другая студентка, вспоминая, как Люба Шевцова в детстве любила играть в доктора, как потом легко и весело училась в школе, словно играла в ученицу, как легко выполняла она всякую домашнюю работу, как бы играя в домашнюю хозяйку, как она хотела быть Чапаевым, как прекрасно она выступала на сцене, не будучи артисткой, но скорее играя в артистку, — словом, как не могла найти себя долго широко одаренная и богатая натура Любы Шевцовой, — до-

---

[1] А. С. Макаренко. Избранные педагогические произведения. М. 1946 г., стр. 208.

бавляет: «И я играла в детстве в доктора, потом **в учителя, моя мечта была сделаться таким, как Гастелло,** я также с успехом выступала в драматическом кружке, а теперь я хочу быть такой, как Люба Шевцова».

Произведения А. Фадеева, А. Гайдара, А. Макаренко потому так действенны и так глубоко влияют на чувства, волю и разум молодых читателей, что они жизненны, правдивы, что утверждают они «бытие как деяние, как творчество, цель которого непрерывное развитие ценнейших индивидуальных способностей человека, ради победы его над силами природы, ради его здоровья и долголетия, ради великого счастья жить на земле» **(А. М. Горький).** А. Фадеев, А. Макаренко, А. Гайдар — истинные инженеры детских и юношеских душ.

Из классиков русской литературы, как уже упоминалось выше, по читаемости на первом месте стоит великий пролетарский писатель, зачинатель и создатель теории и практики социалистического реализма и революционного романтизма в советской литературе, А. М. Горький .

Бесконечно разнообразен и богат мир детских образов и детских переживаний в произведениях А. М. Горького. Его художественное творчество — богатейший источник познания детей. Разумная, сердечная, большая любовь к детям, постоянная забота о них, стремление как можно больше сделать им добра, обогатить и украсить их жизнь, — эти замечательные свойства души А. М. Горького должны стать примером и образцом для каждого настоящего учителя. Любовь и уважение к детям были органической частью мировоззрения великого гуманиста.

Читая художественные и публицистические произведения А. М. Горького, студенты не могут не обратить внимания на высокие требования, предъявляемые к учителю писателем. Учителя — это «люди, которые по природе своей тяготеют к этому делу, требующему великой любви к ребятишкам, великого терпения и чуткой осторожности в обращении с будущими строителями нового мира, — писал, А. М. Горький. — Рабочий класс, воспитывая и выдвигая из своей среды мастеров культуры, обязан строго и тщательно отбирать из них людей, способных к педагогической деятельности. Основными качествами таких людей должны быть, прежде всего, **любовь к детям, затем широкое образование».** (Подчеркнуто нами. — Т. К.).

Все творчество гениального писателя, его изумительная жизнь поучают читателя, расширяют его кругозор, приобщают к высокой культуре и высоким идеям, зовут к активному участию в преобразовании мира, в строительстве коммунистического общества. А. М. Горький высказал много глубоких и ценных мыслей о детях, об учителях, о новой семейной морали, об отношении отцов к детям, о коллективизме, о великой дружбе народов Советского Союза, о ненависти к врагам и особенно к фашистам, о сказках, играх, литературе для детей. Исключительно содержательные, продуманные, действенные и страстные высказывания А. М. Горького о воспитании детей, обогащая и украшая нашу теорию воспитания, давно вошли золотым фондом в советскую педагогику. Вот почему мы не можем не радоваться тому, что многие студенты первого курса приходят к нам знающими лучшие произведения о детях и детстве великого писателя земли советской.

Читали некоторые юноши и девушки, будущие советские учителя, произведения о детях Л. Толстого (44 чел.), С. Аксакова, А. Чехова, В. Короленко, Н. Гарина, А. Н. Толстого, М. Твэна, Ч. Диккенса, В. Гюго и др.

Нет сомнения, что студенты читали о детях, школе и учителе больше художественных произведений, чем могли припомнить, и не подлежит сомнению, что они могли бы прочесть гораздо больше, если бы наши школьные библиотеки, особенно в сельской местности, отвечали своему назначению. Сельские районные и школьные библиотеки бедны художественной литературой и не укомплектованы в соответствии с читательскими интересами молодежи. Большинство студентов, читавших произведения о детях и школе, падает на учащихся городских средних школ.

Специально педагогическую литературу — научную и популярную — читали весьма немногие. Сравнительно большое количество студентов читало статьи о школе, воспитании и детях в «Учительской газете», «Комсомольской правде», «Пионерской правде», в «Правде». Всего таких студентов из 166 человек — 43. Некоторые читали журналы: «Семья и школа» (7 чел.), «Начальная школа» (3 ч.), «Советская педагогика» (2 ч.), «Вожатый» (2 ч.). И буквально единицы упоминают имена советских педагогов и педагогов-классиков: Н. К. Крупскую, Н. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, К .Д. Ушинского, Я. А. Коменского, И. Г. Песталоцци. Один из студентов пишет: «Читал Белин-

ского. Белинский воистину великий критик. Когда читаешь его статьи, даже просто рецензии о детских книгах и учебниках, не можешь оторваться: как будто читаешь интересный роман»... Тот же студент по возвращении из Москвы записал: «Далеко светят звезды Кремля. Далеко растекается слава о Москве. Шире и шире становятся ее просторы, больше и больше становится ее слава. И, кажется, пройдут годы, и Москва займет всю землю. На всей земле будет один город — Москва».

Эти вдохновенные слова о Москве и Кремле, символизирующих мировое культурное значение, экономическую и политическую мощь Страны Советов, принадлежащие одному из миллионов тех правнуков, которым так благородно, чисто и откровенно завидовал великий мыслитель и борец, человек, живший в далеком прошлом мечтами о светлом будущем своей Родины, — эти слова говорят о свершении гениального предвидения Виссариона Григорьевича Белинского:

«Завидую внукам и правнукам нашим, которым суждено видеть Россию в 1940 году стоящей во главе образованного мира, дающей законы и науке и искусству, и принимающей благоговейную дань уважения от всего просвещенного человечества».

Мечты о будущем В. Г. Белинский связывал с детьми, с молодежью, которой это будущее принадлежит. Пути и средства воспитания и формирования борцов за прекрасное будущее привлекали внимание и были предметом самого пристального изучения и глубокой научной разработки В. Г. Белинского с юных лет до последних дней его жизни. Педагогическое наследство его должен знать каждый студент педагогического института.

* * *

Подводя итоги читательским педагогическим интересам первокурсников, мы можем сказать, что около 50 проц. всех студентов приема 1947 года читали художественные произведения о детях, школе, воспитании, учителе. Причем читали первоклассные произведения, принадлежащие перу первоклассных писателей: А. М. Горькому, Л. Н. Толстому, С. Т. Аксакову, В. Г. Короленко, А. П. Чехову А. А. Фадеву А. С. Макаренко, А. П. Гайдару и др. Это свидетельствует о том, что определенная часть юношей и девушек, решивших посвятить свою жизнь коммунистическому воспитанию детей и подростков, глубоко интересуется развитием

психики, сознания и поведения детей, условиями зарождения и формирования интересов, идеалов, мировоззрения молодежи.

Одной из задач педагогического института и всех его научных работников, партийной и комсомольской организации, профкома и месткома заключается в том, чтобы систематически, в течение всех четырех лет, приобщать студентов к художественной и педагогической литературе о школе, детях, учителе.

Ч. Дарвин когда-то писал о значении художественной литературы и музыки:

«Если бы мне довелось вторично пережить свою жизнь, я бы поставил себе за правило читать поэтические произведения и слушать музыку хоть раз в неделю—так частицы моего мозга, теперь атрофированные, сохранили бы свою живучесть.

Утрата этих вкусов является утратой известной частицы счастья и, может быть, вредно отражается на умственных способностях, а еще вероятнее — на моральном облике, ибо ослабляет эмоциональную сторону нашей природы».

Еще большее значение имеет художественная литература для учителя, который особенно нуждается в повышении всей эмоциональной стороны своей жизни и деятельности, иначе ему грозит опасность превращения в сухого педанта, убийственно скучного и равнодушного ремесленника.

Кафедре педагогики совместно с кафедрой литературы необходимо разработать минимум художественной и педагогической литературы, который каждый студент обязан прочесть за четыре года пребывания в институте. Нужно добиться, чтобы студенты читали «Учительскую газету», «Комсомольскую правду», «Пионерскую правду», детские и юношеские журналы — «Пионер», «Вожатый»; педагогические журналы—«Советская педагогика», «Семья и школа», «Народное образование», а также методические журналы по специальным дисциплинам.

В 1947—48 учебном году кафедра педагогики организовала рецензированные студентами III и IV курсов всех факультетов журналов: «Семья и школа», «Советская педагогика» и «Учительской газеты». Опыт оказался удачным. Многие студенты представили вполне квалифицированные рецензии как на статьи, так и на отдельные номера журна-

лов в целом. Студентка естественного факультета IV курса, тов. Важневич в своей рецензии на журнал «Семья и школа» № 1, 1948 г., пишет:

«Журнал «Семья и школа» очень молодой, издается всего лишь третий год, но, думаю, что он очень много хорошего сделал как для преподавателей, так и для родителей... Прочитав ряд статей в различных номерах журнала, я еще раз убедилась в том, что правильно выбрала свой путь в жизни. Быть воспитателем наших советских детей — очень трудная, серьезная и ответственная задача, но сколько радости и счастья приносят дети. Очень трудно было решить, о каких статьях писать. Все статьи настолько хороши, что даже не знаешь, какая же больше понравилась».

Дальше тов. Важневич разбирает две статьи из первого номера журнала за 1948 г. Она дает правильный педагогический анализ статей, указывает на достоинства и недостатки их.

Глубокий разбор статьи «Воспитание мужества», напечатанной во 2-ом номере журнала «Семья и школа» за 1947 год, дает студентка IV курса исторического факультета тов. Перченко. Перечисляя методы воспитания мужества, указанные в статье, она пишет: «Я хочу добавить еще третий метод воспитания мужества у детей: это широкое использование художественной литературы, имеющей громадное воспитательное значение. Герои Краснодона — Уля Громова, Сережа Тюленин, Олег Кошевой и др. воспитывались в советской школе, на произведениях классических и советских писателей. В дневнике Ульяны Громовой много изречений замечательных людей, цитаты из книги Н. Островского «Как закалялась сталь» и других книг. Зоя Космодемьянская, будучи ученицей школы, записала в своем дневнике слова А. М. Горького: «Человек — это звучит гордо». Все это воспитывало мужество и гордость советского человека». Отметив, что в статье приводится пример мужества, взятый из истории древнего мира (Муций Сцевола), тов. Перченко возражает автору статьи: «Нам незачем обращаться за примерами мужества к истории древнего мира. История нашего народа исключительно богата мужественными подвигами. Прошедшая Великая Отечественная война показала такие примеры мужества, каких еще не знал мир». Дальше тов. Перченко перечисляет бессмертные подвиги советских людей. Студентка проявила самостоятельность, большие знания, культуру, высокую идейно-политическую сознательность

при разборе статьи известного педагога, которой в целом она дает положительную оценку.

Зрелый критический анализ статей, напечатанных во втором номере за 1948 г. журнала «Советская педагогика», дает студент IV курса литературного факультета тов. Виторган.

Многие рецензии обсуждались студентами на семинарских занятиях. В нашем распоряжении имеется более 100 таких рецензий. Они показывают уменье студентов критически разбираться в текущей педагогической литературе, отбирать ценное и полезное в ней, отбрасывать то, что является надуманным, нежизненным и ненужным. Рецензии заставляют студентов систематически следить за периодической педагогической литературой, читать ее, интересоваться тем новым, что ежедневно дает теория и практика единственной в мире коммунистической школы. Передовая педагогическая литература обогащает личный опыт педагога и облегчает его творческую деятельность. Глубоко прав великий русский педагог К. Д. Ушинский, который говорил, что настоящая педагогическая литература должна раскрыть учителю «весь глубокий и заманчивый интерес воспитательной деятельности. Педагогическая литература, — продолжает К. Д. Ушинский,—живая, современная и обширная, вырывает воспитателя из его замкнутой, усыпительной сферы, вводит его в благородный круг мыслителей, посвятивших всю свою жизнь делу воспитания... Он видит, что вопросы относительно его деятельности, рождающиеся в его мыслях, занимают... тысячи благородных умов, постигших глубоко всю важность воспитания».[1]

6.

На третий вопрос — «Чего я жду от педагогического института?» — все отвечают в различных выражениях, что они ждут от института глубоких и прочных знаний в избранной науке, уменья самостоятельно работать, вооружения их культурой педагогического труда, глубокого знания основ педагогики, психики ребенка, методов и приемов обучения, расширения культурного кругозора, овладения марксистско-ленинской теорией, навыками общественной работы.

«От педагогического института, — пишет одна из студенток, — я жду очень многого. Во-первых, я хочу быть высококвалифицированным специалистом. Во-вторых, я хочу быть человеком всесторонне развитым. Дети—народ любо-

---

[1] К. Д. Ушинский. О пользе педагогической литературы. П. 1895 г., стр. 20.

знательный, и нужны большие знания, чтобы ответить на каждый из их вопросов. Вот почему я считаю, что институт каждый день должен давать мне что-либо новое, неизвестное, будить во мне мысли, прививать любовь к наукам, прививать еще большее желание быть педагогом, хотя во мне это желание уже есть».

Другая студентка отвечает: «От педагогического института я хочу получить много знаний по естественным наукам, повысить свой политический и культурный уровень, стать культурным и достойным гражданином своей страны, умелым воспитателем молодого поколения в коммунистическом духе».

Третья студентка пишет: «Институт мне мало даст, если я не буду сама работать. Я стараюсь уловить каждое слово преподавателя, стараюсь получить побольше знаний, чтобы впоследствии передать их своим будущим ученикам. Я хочу быть образованной и культурной и надеюсь добиться этого в педагогическом институте».

Есть ответы, предъявляющие определенные требования к качеству лекций, как, например: «Хочу, чтобы были интересные лекции по всем наукам, чтобы я с охотой ходила на занятия, и чтобы лекции не читались формально». Дальше эта же студентка перечисляет дисциплины, лекции по которым ей больше всего нравятся. Одна из студенток пишет: «От педагогического института я жду очень многого: хороших знаний своего предмета и педагогики, жду, что институт привьет мне еще большую любовь к педагогической деятельности. Правда, для этого нужно систематически заниматься, нужно много сил и труда приложить с моей стороны, но здесь большая роль принадлежит институту и преподавателям, которые должны своими интересными и содержательными лекциями помочь мне овладеть науками и воспитать во мне лучшие качества советского учителя».

Об этом же пишет и студент физико-математического факультета: «Я жду от профессоров, доцентов и преподавателей настоящих научных знаний, разъяснения трудных лекций и вопросов в процессе самостоятельного изучения материала .А сам я буду работать напряженно».

Другая студентка того же факультета заявляет, что она хочет, чтобы ее научили правильно воспитывать детей, хочет получить как можно больше знаний в институте, научиться самостоятельно работать и принимать активное участие в общественной жизни института. «Мне нравится быть всег-

да в кругу людей, — пишет она. — Когда я училась в школе, то всегда исполняла общественную работу: была пионервожатой, классным организатором, председателем учкома, редактором стенгазеты... Я всегда была в кругу своих товарищей и подруг». Эта девушка, без сомнения, будет прекрасным педагогом-общественником.

Некоторые студенты подчеркивают в своих ответах моральные качества советского педагога, которые они надеются развить в себе за время учебы в институте.

Вот высказывания этого характера: «Институт должен привить нам лучшие моральные качества советского учителя». «Я очень люблю детей, ко мне дети быстро привыкают. Но я хочу быть сильным, волевым, тактичным, достойным нашей школы педагогом. Хочу много знать. Я знаю, что педагогу нужно очень много работать над собой. И я буду работать, учиться, чтобы потом учить других. Первые дни пребывания в институте убедили меня в том, что если студент действительно хочет быть педагогом, то знания он получит здесь прочные и твердые».

Встречаются трогательные заявления, овеянные юношеской романтикой, полные мечтаний о творческой коллективной жизни, о студенческой дружбе и товариществе. «Мечтаю сблизиться с товарищами по факультету, надеюсь, что эти 4 года мы проживем дружной студенческой семьей. Будем вместе учиться, работать, спорить, дружить; устраивать собрания, вечера; ходить вместе в театр, кино, проводить практику в школах. Конечно, будем и танцовать и веселиться. Может быть, я написала не все: за один час трудно собраться с мыслями»,—заканчивает свой ответ студентка.

Есть нетерпеливые студенты, желающие как можно скорее окончить педагогический институт и поступить на работу, но только не в школы Европейской части Советского Союза, а в школы Дальнего Востока. «Камчатка, Сахалин, Курильские острова и др. восточные районы — моя давнишняя мечта,—пишет одна из студенток. — Я хочу, чтобы там расцвела наша советская культура, как и в центральной части нашей Родины. Для Дальнего Востока институт должен подготовить меня».

* * *

В своих требованиях к институту, в своих желаниях как можно больше приобрести знаний, умений, навыков, выработать в себе моральные черты, необходимые для будущей профессии учителя, во всем этом видно искреннее стремле-

ние большинства студентов выйти из института прекрасно подготовленными, вооруженными всем необходимым советскими педагогами.

Все они горячие патриоты, искренне желающие отдать свои силы, знания и жизнь служению Родине, народу.

Исходя из целей и задач педагогического института и советской школы, определенных партией и правительством, основываясь на высказываниях самих студентов, мы можем установить следующее понимание воспитания профессионально-педагогической направленности у студентов.

Во-первых, воспитание у студентов, будущих педагогов, марксистско-ленинского мировоззрения, как единственно научного мировоззрения, основанного на истинном, глубоком познании законов развития природы и человеческого общества. Идеи марксизма-ленинизма должны войти в плоть и кровь советского учителя, который являясь партийным или непартийным большевиком, не может не быть глубоко убежденным, идейным проводником коммунизма в сознание детей, подростков и взрослых.

Беспринципный, безидейный, не вооруженный великими идеями Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, педагог, не воодушевленный высокой целью — воспитать строителей коммунистического общества, не убежденный в правоте своего дела, — такой педагог в нашей школе нетерпим и немыслим.

Марксистско-ленинское мировоззрение есть основное содержание идейного и морального облика советского учителя, коренным образом отличающее его от учителя дореволюционной России и от современного западно-европейского и американского учителя.

Во-вторых, воспитать у студентов качества педагога — общественника. Советское учительство с честью выполняет завет В. И. Ленина, который говорил:

«Нужно сказать, что сотни тысяч учителей — это есть аппарат, который должен двигать работу, будить мысль, бороться с предрассудками, которые еще до сих пор существуют в массах».[1]

Советский учитель выступает в роли истинного просветителя народа. Он — лектор, агитатор, пропагандист, он активный деятель самой передовой в мире советской культуры. Учитель органически связан с народом, с его нуждами, интересами. Советский учитель непременный участник полити-

---

[1] В. И. Ленин. Соч. т. XXV, стр. 453.

ческих, хозяйственных и просветительных мероприятий партии и правительства на селе и в городе. Он организует работу с родителями, проводит педагогическую пропаганду.

В-третьих, каждого студента нужно вооружить глубокими, разносторонними, прочными, истинно научными знаниями в избранной им специальной дисциплине, постоянно ориентируя его на то, что эту дисциплину, дидактически и методически обработанную, он будет преподавать в школе.

Когда-то К. Д. Ушинский писал: «Чем яснее предмет в голове учителя, тем яснее он отразится в головах учеников, но во всяком случае менее ясно, чем у учителя.

Если же степень ясности предмета невелика и в голове учителя, то в голове ученика будет совершенный мрак».

Мы не имеем права допускать такого положения, чтобы степень ясности предмета в голове студента была невелика и чтобы он своим невежественным преподаванием вносил мрак в головы советских учеников. Надо привить любовь и вкус у студента к науке, которую он собирается преподавать, надо познакомить его с методами исследования данной науки, научить его наблюдать, собирать факты, документы, научно обрабатывать их, делать свои выводы, заключения. Надо приучить студента быть в курсе всех новейших достижений своей науки, приучить его следить за научной литературой, читать ее, пользоваться ею в своей практической работе.

В-четвертых, каждый студент должен иметь основательные знания по психологии, по педагогике, истории педагогики, дидактике, школьной гигиене, методике. Эта группа дисциплин в основном и определяет то специфическое, особенное, что отличает педагогический институт от любого другого высшего учебного заведения. Физика, математика, химия, биология, история, литература и другие науки преподаются в сотнях других вузов. Глубокое и всестороннее знание той или иной науки, какое студент может получить в другом любом вузе, не делает его педагогом, ибо не всякий хорошо знающий научную дисциплину может быть хорошим учителем. Для того, чтобы быть настоящим советским учителем, необходимо получить такую общепедагогическую теоретическую подготовку и такие специальные педагогические знания, умения и навыки, которые бы помогли студенту, будущему учителю, осознать, осмыслить цель коммунистического воспитания, содержание воспитания, овладеть средствами и методами их осуществления.

«Искусство воспитания, — писал когда-то К. Д. Ушинский, — имеет ту особенность, что почти всем оно кажется делом знакомым и понятным, а иным даже делом лёгким, — и тем понятнее и легче кажется оно, чем менее человек с ним знаком, теоретически или практически».[1] Такое отношение к педагогической науке и искусству воспитания сохранилось кое-у-кого и до наших дней. Педагогическое мастерство и искусство воспитания требуют, кроме глубоких знаний психологии, педагогики, истории педагогики, огромного количества специальных навыков и умений, без которых нельзя быть хорошим педагогом.

«Педагогическое мастерство — совсем не пустое дело, — говорил А. С. Макаренко. — В педагогических вузах этим педагогическим мастерством и не пахнет. . . Мастерство воспитателя... это специальность, которой надо учить, как надо учить врача его мастерству, как надо учить музыканта... Педагогическое мастерство заключается и в постановке голоса воспитателя и в управлении своим лицом».[2]

И в другом месте говорит А. С. Макаренко: «Я, например, считаю, что у нас в педагогических институтах надо ввести как обязательный предмет постановку голоса. Без постановки голоса очень трудно, это ведь инструмент нашей работы, надо его отточить. Я видел многих педагогов, знающих, советских патриотов, которые, однако, разговаривать ни с родителями, ни с учениками не умеют».[3]

Подготовить настоящего воспитателя советских детей и подростков — дело большое и ответственное. Нигде, никогда, никто в мире не занимался коммунистическим воспитанием молодого поколения. Мы — первые. И мы первые в мире на основе учения В. И. Ленина и И. В. Сталина разрабатываем свою методику и технику коммунистического воспитания, которой мы обязаны вооружить наших студентов.

Воспитатель нашей молодежи — это человек социалистического гуманизма, педагогического оптимизма; человек большой любви, большого уважения и большой требовательности к воспитанникам; это человек социалистического отношения к труду, советского педагогического такта, горячий патриот своей Родины, гордящийся тем, что партия и народ доверили ему самое дорогое: своих детей, свое будущее. Ис-

---

[1] К. Д. Ушинский. — Человек как предмет воспитания, П, 1875, стр. 1.

[2] А. С. Макаренко. Избранные педагогические сочинения. 1946 г., стр. 205.

[3] Там же, стр. 185.

тинный педагог-воспитатель отличается ясностью и стройностью своего мышления, большой целеустремленностью, инициативностью, настойчивостью, силой воли и характера, выдержкой и самообладанием. Сама профессия педагога требует именно этих качеств, этого требует от него советская педагогическая этика. Воспитатель должен постоянно сам воспитывать себя. «Развивая у себя лучшие морально-психологические качества, волевые и эмоциональные черты цельного характера, воспитатель овладевает и своим темпераментом и тем самым совершенствует себя как педагога», — пишет профессор Страхов.[1]

Такими совершенными педагогами-воспитателями хотят быть наши студенты, которые многого ждут от педагогического института и на многое надеются, проявляя в этих своих надеждах здоровый советский оптимизм.

Институт должен полностью реализовать цели и задачи, поставленные перед ним партией и правительством, народом, оправдать надежды своих славных питомцев, которые жаждут знаний и труда и хотят быть педагогами-воспитателями, педагогами-мастерами, педагогами-артистами своего дела.

7.

В «Скучной истории» А. П. Чехова профессор Николай Степанович говорит:

«Студент... на каждом шагу, там, где он учится, должен видеть перед собою только высокое, сильное и изящное». Развивая эту мысль, мы можем сказать, что студент педагогического института должен видеть перед собою не только высокое, сильное и изящное, но идейно-политически, педагогически, дидактически и методически абсолютно правильное, научно-обоснованное и практически проверенное.

Педагогический институт должен всем строем своей жизни, содержанием, организацией, методами и стилем занятий, лекциями, научно-исследовательской работой, педагогической практикой, связью со школами и учителями, кружками, конференциями, общественно-политическими мероприятиями, художественной самодеятельностью, всеми силами и средствами воспитывать у студентов на основе полноценных научных знаний марксистско-ленинское мировоззрение, советские педагогические убеждения, устойчивые профессионально-педагогические интересы и педагогическое мастерство.

---

[1] И. В. Страхов, проф. Изучение и воспитание темперамента школьника. Ж. «Начальная школа», 1948, № 1, стр. 35,

Мы придаем большое значение первым дням пребывания студента в институте. Студент, поступивший в педагогический институт, с нетерпением ждет первых лекций, надеясь услышать нечто новое, истинно-научное, расширяющее его умственный кругозор, открывающее перед ним новые горизонты и захватывающие перспективы и укрепляющее его в правильности выбора им вуза и профессии. Очень важно, чтобы на первом курсе по всем дисциплинам лекции читались наиболее авторитетными и квалифицированными научными работниками.

В целях укрепления интереса к педагогической профессии мы после анализа ответов на анонимную анкету проводим небольшую беседу со студентами первого курса о роли и значении советского учителя в нашей стране. Не предвосхищая и не предрешая проблем и задач, связанных с изучением систематических курсов психолого-педагогических наук, мы раскрываем перед студентами государственный и политический смысл педагогического труда в социалистическом обществе. На конкретных примерах, взятых из жизни и литературы, мы показываем моральный облик советского учителя, подчеркиваем то качественно, принципиально новое, что коренным образом отличает советскую интеллигенцию и советского учителя от буржуазной интеллигенции и буржуазного учителя.

На первом курсе значительное место в подготовке будущего педагога занимает психология, к которой студенты проявляют повышенный интерес. Лекции по общей психологии должны связываться с детской и педагогической психологией и иллюстрироваться конкретными примерами, взятыми из жизни советских детей, подростков и юношей, а также примерами, заимствованными из лучших произведений художественной литературы. Последняя тема в курсе психологии посвящена жизненному пути личности. Тема эта, подытоживающая все, что относится к многообразным психическим процессам человеческой личности и ее деятельности, подводит студентов к правильному пониманию происхождения, развития и становления потребностей, стремлений, интересов, идеалов, мировоззрения, подводит их к осознанию и осмысливанию процесса развития и формирования способностей и дарований личности. В этой теме мы подчеркиваем, что профессиональные интересы и способности к определенному виду деятельности не только выявляются, но и формируются и развиваются в процессе практической деятельности.

С 1946—47 учебного года студенты первого курса проводят психологическую практику в школах г. Ульяновска. Первый опыт этой практики дал положительные результаты. Студенты в течение почти двух недель, а некоторые и больше двух недель, вели систематическое наблюдение в классе за одним учеником по данной им схеме. Схема включает вопросы: 1) внимание ученика на уроке — а) произвольное или непроизвольное, б) концентрированное или рассеянное, в) устойчивое или неустойчивое, г) интенсивное или слабое, д) степень переключаемости и распределяемости внимания; 2) интересы ученика: а) непосредственный или опосредственный интерес к учебе, б) содержание интересов (математические, литературные, общественные, географические, биологические, спортивные, художественные и проч.), в) устойчивость интересов, г) глубина интересов, д) влияние школы, комсомольской и пионерской организации, семьи, товарищей, книг на выработку интересов ученика.

Внимание изучалось, главным образом, методом наблюдения на уроках. Интересы изучались не только методом наблюдения, но и методом беседы с учеником, его родителями, учителем, а также путем ознакомления с продуктами творчества ученика, его любимыми книгами и кинокартинами.

Некоторые студенты ответили не на все вопросы схемы, другие вышли за рамки схемы и дали почти полную характеристику ученика.

Большинство представленных характеристик свидетельствует о серьезном и ответственном отношении студентов к вопросам индивидуального изучения учащихся и о стремлении не только изучить психологические особенности ученика, но и повлиять на выработку положительных свойств и качеств его характера и поведения.

Психологическая практика на первом курсе приобщает студентов к школе, впервые вводит их в атмосферу школьных интересов, детских переживаний, дает возможность проверить свои знания по психологии и уменье применять их на практике в педагогических целях.

Об ответственном отношении к психологической практике говорят многочисленные заявления студентов.

Студентка литературного факультета Л. Гагушина пишет:

«Семнадцатого марта я пошла на психологическую практику во вторую мужскую среднюю школу. Мне нравится профессия, выбранная мною, поэтому я хотела как можно

глубже изучить психику ребенка. Ведь мне придется работать с детьми, быть «инженером детских душ». Как хорошо иметь дело с подростками и юношами, созревание которых происходит на твоих глазах. Хочется как можно лучше и правильнее их обучить и воспитать и в то же время, трудясь, развиваться и совершенствоваться самой».

Объектом своего наблюдения студентка избрала самого неорганизованного ученика в классе, рассеянного, с неустойчивым и слабым вниманием, открыто заявлявшего, что он не желает учиться. Студентка Л. Гагушина сблизилась с ребенком, нашла дорогу к его душе, к сокровенным мечтам и желаниям мальчика. Она узнала, что мальчик любит заниматься спортом, особенно катаньем на лыжах, хочет заниматься военным делом, изучением винтовки, любит рисовать, читать книги о героях, о подвигах. Отсюда студентка делает совершенно правильный вывод: у мальчика есть много хорошего и положительного, обязанность учителя это хорошее и положительное найти, развить, углубить, отшлифовать. «И тогда Сережа будет хорошо учиться и вырастет полноценным и полезным гражданином своей Родины», — заканчивает характеристику мальчика тов. Гагушина.

Здесь обнаружен правильный педагогический подход к ребенку, правильная оцека его возможностей и способностей, и правильный вывод относительно учителя, который должен помочь мальчику найти самого себя.

Другая студентка литературного факультета В. Ермолаева пишет:

«На практику по психологии я ходила в 4-ю женскую среднюю школу. В первый день практики я шла в школу с плохо скрываемым волнением, ожиданием чего-то нового, интересного, в то же время ответственного, шла с чувством радости, что я сейчас буду в среде настоящих учеников, горя желанием проверить свои знания, узнать — смогу-ли я, сумею-ли воплотить их на деле. Изучать, понимать душу, психику ребенка — это большое, ответственное дело. Мы должны обратить особенное внимание на изучение психологии. Практика дает нам возможность познакомиться впервые с ученической средой, познакомиться ближе с духовным миром школьника».

Студентка дает хороший психологический портрет одной из учениц третьего класса.

Замечательную характеристику ученицы 9-го класса 4

женской средней школы дает студентка физико-математического факультета Н. Путятина.

Приводим эту характеристику полностью.

«На самом первом уроке в 9-м классе, к которому я была прикреплена для прохождения психологической практики, меня очень заинтересовала ученица Лена Пикман. Ее ответ на этом уроке, проникнутый логичностью и глубиной мысли, вызвал у меня интерес, и я решила взять эту девочку под наблюдение. Лена на всех уроках очень внимательно слушает преподавателей; внимание ее является преимущественно произвольным, оно распределяется быстро и быстро переключается с одного предмета на другой, но является устойчивым. Девочка проявляет непосредственный интерес к сообщаемому материалу. Особый интерес Лена проявляет к литературе. Она очень много читает произведений наших классиков и современных писателей. Чтение художественной литературы, посещение театра, кино обусловили в ней наклонность к театральному исскуству. Еще с детства девочка обнаружила интерес к декламации. В результате домашнего воспитания и влияния детского сада, который она посещала в дошкольном возрасте, у нее вырабатывалась способность выразительно читать стихи и рассказы. Обучаясь в 6—7 классах, девочка была членом драматического кружка Дворца пионеров. Лена принимает активное участие в художественной самодеятельности школы, является членом школьной редколлегии, она комсомолка. Ее поступки, ее дружеское отношение к одноклассницам, выполнение до конца порученного ей дела — все говорит о непосредственном стремлении Лены сделать как можно больше лучшего, полезного для коллектива класса и школы. Из беседы с классным руководителем я узнала, как девочка дорожит честью своего класса, о ее переживаниях за каждую плохую оценку в классе, о ее помощи отстающим. Сама она имеет только отличные и хорошие оценки.

Как-то я попросила Лену рассказать мне что-нибудь из прочитанного ею за последнее время с целью узнать, на чем больше всего сосредотачивается ее внимание, как воспринимает она прочитанное. Она рассказала мне о недавно прочитанном романе Фадеева «Молодая гвардия». Несмотря на то, что этот роман мне был известен,я с большим интересом прослушала Лену. Из ее рассказа я поняла, насколько глубок и непосредственен ее интерес к художественной лите-

ратуре, насколько сильно ее стремление стать полезным членом нашего общества, как горяча ее любовь к Родине.

На мой вопрос: «Кем хочешь быть?» Лена ответила: «Я хочу быть народной артисткой».

Задачи советской педагогики состоят не только в раскрытии основных особенностей развития ребенка, но и в правильном формировании, направлении его развития.

Что влияло на формирование интересов Лены?

Прежде всего необходимо отметить влияние семьи, в которой воспитывалась девочка. Родители Лены уделяли большое внимание воспитанию своих детей. Они много читали им детских книг, много рассказывали, отсюда интерес Лены к чтению. В формировании интересов девочки большую роль сыграла школа, учителя. В школе проводилось немало литературных вечеров, посвященных творчеству лучших писателей, а именно, были вечера, посвященные творчеству Пушкина, Некрасова, Горького и Маяковского. Это способствовало выработке и укреплению интересов учащихся к литературе, к творчеству. Громадную роль в деле воспитания патриотического чувства учащихся (в том числе и Лены) сыграл ряд лекций на тему «Воспитание лучших качеств советской молодежи» и комсомольские собрания, на которых обсуждались недостойные поступки комсомольцев и вопросы идейно-политического воспитания молодежи».

Студентка Н. Путятина, написавшая такую характеристику, будучи на первом курсе, без сомнения, обещает стать прекрасным педагогом — наблюдательным, серьезным, зорким, чутким, тактичным и внимательным. Она хорошо подметила основные качества внимания ученицы, проанализировала ее интересы, точно установила факторы, повлиявшие на формирование интересов девушки, и сделала зрелый вывод относительно одной из задач советской педагогики: не только раскрывать основные особенности развития ребенка, но и правильно формировать и направлять это развитие.

Не останавливаясь за неимением места на других характеристиках, часто весьма глубоких и метких, отмечая вместе с тем и ряд поверхностных и формальных работ, в общем мы должны сказать, что первый опыт практических занятий по психологии в школе оказался удачным: психологическая практика расширила психолого-педагогический кругозор большинства студентов, углубила и сделала более действенным интерес к психологии, дала некоторые навыки изучения индивидуальных особенностей детской психики, поз-

знакомила в общих чертах с жизнью школы, ввела в круг важных и актуальных проблем советской психологии и педагогики и обнадежила тех из студентов, кто сомневался в своих возможностях и способностях правильно обращаться с детьми и находить путь к их сердцу.

После практики по психологии некоторые студенты просили продолжить с ними занятия по детской и педагогической психологии.

Из недостатков практики нужно отметить плохо организованную консультацию студентов и неудобное время для практических занятий в школе (конец третьей четверти).

На втором курсе при изучении теории советской педагогики студенты должны быть вооружены марксистско-ленинским учением о воспитании, обучении и образовании молодого поколения в коммунистическом духе. Задача исключительно большая и ответственная. От того или иного ее разрешения в значительной степени зависит отношение студента к педагогике и педагогической деятельности: или он действительно глубоко заинтересуется, изучит и полюбит теорию советской педагогики, как надежное руководство к действию и практической деятельности, или же он отвернется от теории педагогики и будет впоследствии ограничиваться узким эмпиризмом, готовыми схемами, штампами, рецептами, применяя их механически и ремесленнически во всех случаях своей работы, не считаясь с особенностями той или другой конкретной педагогической ситуации.

Советская педагогика, как единственно научная теория воспитания и образования, основанная на бессмертном учении Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, имеет мировое значение. Надо показать студентам, что наша педагогика и наша школа представляют собою новую, социалистическую культуру, неизмеримо более высокую, чем культура буржуазная. Наша педагогика и наша школа подлинно народные и подлинно общечеловеческие. Буржуазная педагогика и школа враждебны прогрессивному человечеству. Расовая дискриминация, национализм, шовинизм, религиозно-мистическая пропаганда, фальсификация науки; идеалистические, реакционные, средневеково-схоластические и человеконенавистнические идеи, подавление личности ребенка и дискриминация детей трудящихся масс, антинаучность, антинародность, антипедагогичность — таковы основные свойства и качества современной империалистической, антидемократической педагогики.

Наша педагогика и наша школа ставят перед собой самые возвышенные и благородные цели—подготовить широко образованного, культурного, вооруженного идеями марксизма-ленинизма и достижениями современной передовой науки, всестороне развитого строителя новой жизни и борца за коммунизм, за счастье своего народа и всего человечества. Мы даем нашим детям истинно научные,не фальсифицированные знания об окружающем нас мире, о законах развития природы, человека и общества, воспитываем молодое поколение в духе благороднейшей коммунистической морали, вооружаем его знаниями, умениями и навыками для предстоящей трудовой деятельности на благо всего народа Вот почему советская педагогика и советская школа привлекают к себе внимание всего передового человечества. Особенно велико влияние нашей педагогики и школы на страны новой демократии — на Югославию, Болгарию, Албанию, Чехословакию, Польшу, Румынию. Нужно показать студентам, что советская педагогика и советская школа являются фактором огромного международного значения.

В таком направлении преподаватели Ульяновского педагогического института и стремятся излагать теорию советской педагогики, но трудности, испытываемые ими в преподавании педагогики, весьма значительны. Учебники педагогики далеки от совершенства, к тому же они устарели, не освещают полностью новых задач советской педагогики и не отражают передового опыта советской школы, накопившегося с 1939 года по настоящее время. Первоисточники не всегда доступны, и, кроме того, для углубленного их изучения недостаточно времени отводится по учебному плану. Все же основные высказывания по вопросам воспитания Маркса и Энгельса, и особенно Ленина и Сталина, все постановления ЦК ВКП (б) о школе должны быть глубоко и всесторонне изучены при изложении философских и политических основ советской педагогики, теории обучения и нравственного воспитания. Надо научить студента творческому изучению классиков марксизма-ленинизма и творческому применению их идей к практическим вопросам воспитания и образования. Надо научить студентов пользоваться текущей педагогической литературой, систематически читать педагогические и методические журналы, «Учительскую газету». Как уже упоминалось выше, это чтение педагогических журналов превращается на третьем и четвертом курсах в рецензирование и критический разбор отдельных статей и номеров журналов.

Курс педагогики должен быть идейно-политически выдержанным, научным, содержательным, глубоко действенным, интересным, захватывающим, организующим и направляющим ум, чувство и волю будущего педагога. Мы требуем от преподавателя педагогики полного и глубокого овладения идеями марксизма-ленинизма, методом диалектического и исторического материализма в его применении к вопросам школьной практики, исчерпывающего знания своей науки, творческой исследовательской работы, широкой эрудиции, как общей, так и специально педагогической, досконального знания советской школы, высокой политической сознательности, любви к педагогическому делу, к детям, к школе, постоянного воодушевления, страсти, живости, творческого воображения, ясности ума, глубины чувства и силы воли, — другими словами, преподаватель педагогики, впрочем, как и всякий другой преподаватель в педагогическом институте, должен быть образцом, примером для студентов, которые всегда должны «видеть перед собою только высокое, сильное и изящное». (А. Чехов).

В целях оживления курса педагогики мы широко используем на лекциях и семинарских занятиях художественную литертуру, особенно произведения таких советских писателей, как Н. Островский, А. Фадеев, А. Макаренко, А. Гайдар, В. Катаев, Б. Полевой и др.

Большой интерес среди студентов вызвала работа научно-педагогического кружка, на открытых заседаниях которого присутствуют до 200 ч. студентов, а также учителя ульяновских школ, воспитатели детских домов и трудовой колонии.

В 1948 году в институте проводились специальные встречи студентов с городскими учителями, устраивались общеинститутские лекции на педагогические темы, на которые приглашались учителя базовых школ.

Все эти мероприятия, без сомнения, углубляют и укрепляют профессионально-педагогическую направленность студентов, расширяют круг их педагогических интересов, приближают их к школе и учителям.

На втором курсе студенты вторично, и уже более основательно, чем на первом, знакомятся со школой, проводя в ней практические занятия по курсу советской педагогики. Посещая школу, студенты знакомятся с планом работы школы, директора, завуча, классных руководителей, комсомольских, пионерских, ученических организаций, с планом

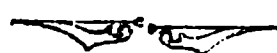
внеклассной работы и работы родительских комитетов, педагогических советов, предметных комиссий, сравнивая и сопоставляя планы и работу школы с соответствующими разделами теоретического курса педагогики.

Впервые студенты приступают к наблюдению и анализу уроков с точки зрения требований советской дидактики и методики. Отдельные студенты не только наблюдали и анализировали уроки учителей, но по договоренности с администрацией школы заменяли отсутствующих учителей и самостоятельно занимались с учащимися, при чем другие студенты наблюдали и анализировали уроки своих товарищей. Многие студенты в период практических занятий вели внеклассную работу, посещали учащихся на дому, проводили с родителями педагогические беседы.

К сожалению, не все студенты принимали активное участие в жизни школы: часть студентов отнеслась формально к практическим занятиям в школе, что является недоработкой кафедры педагогики.

Но все же совершенно очевидно, что большинство студентов в результате систематического изучения курса советской педагогики, добросовестного отношения к практическим занятиям и занятиям педагогического кружка к концу второго года пребывания в институте почувствовало себя отчасти уже педагогами.

(Окончание в следующем выпуске),

И. Н. ТРЕГУБОВ.
доцент, кандидат экономических наук

Капиталистическое расслоение крестьянства Симбирской губернии

Общетеоретические замечания.

В основе развития капитализма в сельском хозяйстве лежит процесс разложения крестьян как самостоятельных производителей и образование двух полярно-противоположных классов: с одной стороны—наемных рабочих и с другой — сельской буржуазии. Вопрос о разложении крестьянства чрезвычайно важен, как для понимания всей эволюции сельского хозяйства, так и для уяснения экономических причин революционного движения, которым был так богат XX век.

Следует иметь в виду, что осью революционного движения в России, по замечанию товарища Сталина, служил аграрный вопрос.

Без выяснения аграрных отношений невозможно понять взаимоотношения рабочего класса с крестьянством на протяжении трех революций.

Под «аграрным вопросом» подразумевается группа вопросов, связанных с развитием капитализма в сельском хозяйстве.

Сложность «аграрного вопроса» отмечали все авторы, писавшие по этому предмету.

Если социальные явления вообще отличаются чрезвычайным разнообразием и сложностью, то это тем более относится к экономическим отношениям в деревне.

Одни хозяева ведут обработку полей с помощью наемных рабочих, другие — обрабатывают свои участки собственным трудом, третьи — не обеспеченные или мало обеспеченные средствами производства — являются продавцами рабочей силы.

В русской деревне встречались хозяйства многолошадные, однолошадные, безлошадные, хозяйства многопосев-

ные, малопосевные, хозяйства, имеющие надел, но не имеющие посева и, наоборот, имеющие посев, но не имеющие надела.

В задачу исследователя входит изучение массовых типичных явлений. Неоценимую услугу в этом деле оказывает нам статистика.

Земская статистика состоит из основных материалов, составленных путем экспедиционных обследований, которые производились специально подготовленными для этих целей статистиками-регистраторами. В большинстве случаев это подворные переписи, содержавшие сведения о земле, скоте, аренде, «промыслах» и т. д.

Помимо основной статистики, имеется так называемая текущая статистика, которая отмечала положение сельского хозяйства за текущий год.

Материал этот собирался, главным образом, через добровольных корреспондентов.

Ленин высоко ценил русскую статистику, несмотря на некоторые ее недостатки. Он писал, что наша земская статистика выше европейских анкет и исследований и по замечательной полноте отдельных данных и детализации их обработки.

Однако, при неправильном использовании, статистика из орудия познания и выяснения законов развития сельского хозяйства превращается в средство запутывания тех очень сложных процессов, которые протекают в деревне в период становления капитализма.

Васильчиков еще в 1881 г. заметил, что «. . . метода, принятая для экономических исследований, сама по себе фальшивая; она дает ложное понятие о хозяйственном и общественном быте, представляя его в огульных итогах и в средних числах, вовсе не соответствующих действительному распределению народного богатства. Благосостояние народа измеряется не суммой капиталов и доходов, имеющихся в данной местности, и не воображаемой математической долей, причитающейся на жителя, из имущества и продуктов по расчету, а действительными долями, коими пользуются отдельные лица или семьи, домохозяева и числом жителей или хозяйств, пользующихся большим или меньшим достатком».[1]

[1] Васильчиков. Сельский быт и сельское хозяйство в России, СПБ, 1881, стр. 26.

К сожалению, вполне справедливые замечания Васильчикова не были учтены многими позднейшими писателями и Владимиру Ильичу многократно приходилось критиковать тех исследователей, которые экономический анализ подменяли «игрой в цифирки».

Аграрный строй России привлекал внимание многих исследователей.

Но, несмотря на многочисленную литературу, разбиравшую отдельные стороны сложной, многогранной жизни русской деревни в период ломки старого феодального способа производства и создания нового, капиталистического, вопрос о разложении крестьян разработан далеко не с исчерпывающей полнотой. Особенно слабо освещен в литературе процесс разложения крестьянства в начале XX века.[1]

Это неудивительно. Народники, бывшие одно время «властителями дум» русской интеллигенции, не видели этого процесса, они не могли его видеть, так как с самого начала предпочитали смотреть на него с закрытыми глазами. Даже в конце прошлого века, когда разложение крестьянства стало очевидным фактом, они продолжали утверждать, что крестьянство однородно. Все, созданное ими в этой области, сводилось к одному — отрицанию процесса разложения крестьянства.

Буржуазные авторы как в России, так и за границей, с особым рвением брались за разработку аграрного вопроса. На эту тему написано много книг, в которых «исследователи» старались не столько показать действительные законы развития сельского хозяйства, сколько разгромить ненавистный им марксизм. Многочисленные попытки раскритиковать истинность учения Маркса об индустрии оказались безуспешными. Это признали почти все буржуазные ученые. Тем с большим старанием они взялись за «разработку» аграрных проблем, в надежде, что «аграрный вопрос» окажется тем снарядом, который пробьет брешь в прочно сцеменетированной стене марксизма.

О несостоятельности марксизма в аграрном вопросе заявляли многие буржуазные авторы.

Так, например, Кочаровский во введении к сборнику «Борьба за землю», не скрывая своего восторга, писал:

[1] Ряд работ, появившихся в XX в., как напр. Книповича, Румянцева, построены исключительно на статистическом материале прошлого века. Объясняется это, главным образом, недостаточностью статистических материалов.

«... преобладавший в социализме марксизм потерпел крушение именно на земле».[1]

Еще более резко писал об этом Чернов: «Доказывать, что догматический марксизм в области аграрных вопросов сбит с позиции,—значило бы стучаться в открытую дверь».[2]

Буржуазные авторы, в том числе и так называемые неонародники (народники XX в.), не заметили как феодальный способ производства вытеснялся в деревне капиталистическим, не показали, как сравнительно однородная масса крестьянства раскалывалась на два антагонистических класса.

Этого они и не могли сделать, так как всеми силами стремились доказать неприменимость теории Маркса к сельскому хозяйству.

Глубокий анализ эволюции сельского хозяйства России могли дать и действительно дали только идеологи восходящего класса — пролетариата, класса, готовившегося к захвату власти, класса, который должен был знать истинное положение вещей, подобно армии, готовящейся к наступлению. Исчерпывающий анализ разложения крестьянства дал В. И. Ленин в своем бессмертном произведении «Развитие капитализма в России», вышедшем в апреле месяце 1899 г.

Во II главе, самой большой в названном труде, Владимир Ильич проследил процесс разложения крестьян по материалам земско-статистических подворных переписей и наглядно показал образование в русской деревне в конце XIX в. двух антагонистических классов — пролетариата и буржуазии. Какой успех имела эта работа, можно судить по отзывам народников, которые были ярыми противниками марксистов.

Так, Огановский в своей работе «Закономерность аграрной эволюции» вынужден был признать, что «книга Ильина была для русской интеллигенции настоящим открытием» и что «вторая глава, озаглавленная «Разложение крестьянства» наиболее замечательна и она именно доставила автору такую популярность».[3]

[1] «Борьба за землю», 1908 г., стр. IX.

[2] «Русское богатство», 1900, № 8, стр. 204.

[3] Огановский. «Закономерность аграрной революции». Саратов, 1909 т. I, стр. 7.

Другой противник марксизма, народник Кочаровский, отмечает: «... сравнительно стройно написана также книга Ильина — по моему, единственная из работ по аграрному вопросу русского марксизма, о которой можно еще говорить серьезно и по существу».[1]

Огромное количество тщательно обработанных материалов, неопровержимая аргументация, стройность изложения, убедительность выводов заставили высоко оценить это произведение Ленина не только его единомышленников — марксистов, но и их идейных противников — народников.

Анализ разложения крестьянства Ленин доводит до XX в. К сожалению, исследование разложения крестьянства в XX в. не было никем продолжено.

Произведенные в XX в. в некоторых уездах повторные переписи дают возможность проследить процесс разложения крестьянства не только в статике, но и в динамике.

«По вопросу о том, идет ли вперед разложение крестьянства и как быстро, — писал В. И. Ленин в конце прошлого века, — мы не имеем точных статистических данных, которые бы можно было поставить рядом с данными комбинационных таблиц... Это и неудивительно, ибо до сих пор (как мы уже заметили) не было сделано даже попытки систематически изучить хотя бы статику разложения крестьянства и указать те формы, в которых происходит этот процесс».[2]

Важность изучения аграрных отношений для России, неизученность динамики разложения крестьянских хозяйств, составляющих одну из главнейших проблем аграрного вопроса, и наличие богатого статистического материала для изучения этого вопроса побудили автора попытаться собрать и обработать некоторые данные о разложении крестьянства в России в XX в.

Разложение крестьянства — длительный исторический процесс, в основе которого лежит отделение основной массы производителей от средств производства. Такие «раскрестьянившиеся» крестьяне, в результате отсутствия или недостатка в средствах производства, не могут обеспечить себя средствами существования, не прибегая к продаже рабочей силы.

Таких крестьян не только можно, но и должно рассматривать как сельских пролетариев, безразлично в какой бы

---

[1] «Борьба за землю», 1908, стр. IX.
[2] Ленин. Сочинения, т. 3, стр. 132.

форме они не выступали — постоянными наемными рабочими, как, например, батраки, или как сезонные рабочие, как например, поденщики. В обоих случаях — и это очень важно — продажа рабочей силы является необходимым условием их существования.

А с другой стороны, «раскрестьяниваются», т. е. перестают быть крестьянами, в строго-научном смысле этого слова, те хозяева, в руках которых сосредотачиваются средства производства в таких размерах, когда собственными силами, силами членов своей семьи, невозможно вести хозяйство и они все чаще вынуждены прибегать к найму рабочей силы.

Размер производства в таких хозяйствах значительно превышает потребности семьи, да и целью, ради которой ведется все хозяйство, является не удовлетворение собственных потребностей, а производство прибавочной стоимости.

Таких хозяев не только можно, но и должно рассматривать как сельскую буржуазию.

Образование двух антагонистических классов: крестьянского пролетариата и крестьянской буржуазии — знаменует становление в деревне нового способа производства — капиталистического. Это коренное изменение в экономике русской деревни не было совершенно понято как народниками XIX века, так и их последователями — неонародниками. Однако, их взгляды на происходящие события были далеко не тождественны.

Народники XIX в. в борьбе с марксистами пытались доказать однородность крестьянства, отсутствие антагонизма в общине, братство ее членов и т. д.

Нарождающемуся капиталистическому производству они пытались противопоставить народное производство, обосновывая его тем, что «... работа на собственное хозяйство всегда будет усерднее, тщательнее и успешнее, нежели на чужое хозяйство, а равно и сбережение собственного хозяйства всегда будет рачительнее и лучше, нежели хозяйство чужого ...» Одним словом, «народное производство предпочтительнее капиталистического».[1]

Они не видели совершавшегося на их глазах, разложения крестьянства. Они не замечали образования в деревне двух полярно-противоположных классов — наемных рабочих и буржуазии. Они полагали, что и в будущем формы «народ-

[1] Южаков, «Формы землевладельческого производства в России», «Отечественные записки», 1882 г.; № 7, стр. 3.

ного производства», сдерживая страну от развития пролетариата, не допустят зарождения в России капитализма.

Если народники в конце XIX века, вопреки фактам русской действительности, писали об однородности крестьянской массы, когда крестьянство уже раскололось на сельский пролетариат и буржуазию, то неонародники не могли более утверждать того, о чем писали их духовные отцы.

Разложение крестьянства в XX веке зашло так далеко и стало настолько очевидным, что они вынуждены были под влиянием изменившейся обстановки модернизировать свои взгляды.

При этом они впали в другую крайность, доказывая, что крестьянство всегда представляло из себя разнородную массу.

Один из виднейших представителей неонародничества— Н. К. Черненков, писал: «В дореформенный период положение крестьянских хозяйств недостаточно изучено и потому допускает шаблонное представление «об экономической однородности», «о патриархальном, натуральном» характере производства».

«Наблюдаемая нами неоднородность крестьянства. — писал Черненков, — вовсе не представляет сколько-нибудь нового явления, а могла существовать в приблизительно таких же размерах и в прежнее время (если, конечно, иметь в виду более или менее недавнее, а не неопределенное прошлое)».[1]

Следовательно, Черненков не только признает факт неоднородности крестьянства, но считает, что он имел место в дореформенный период.

Новые изменения, переживыемые деревней, не были замечены Черненковым.

Более резкое заявление о том, что в эволюции сельского хозяйства в XX веке не наблюдается никаких существенных изменений, мы находим у Огановского :«Начиная с XVI века и даже раньше никто не станет отрицать того положения, что крестьянская масса всегда была неоднородна экономически».[2]

Эта неоднородность, по мнению автора, выражалась в том, что существовали и безлошадные и многолошадные, и

---

[1] Н. К. Черненков, «К характеристике крестьянского хозяйства», М 1905 г., стр. 105.

[2] Огановский. «Закономерность аграрной эволюции», Саратов, т. I, стр. 14.

развитая аренда и скупка земель, и наемный труд и рост торгового земледелия.

Итак, народники XIX века, указывая на однородность крестьянства, не замечали становления в русской деревне капиталистического способа производства. Неонародники, признавая неоднородность крестьянства чуть ли не вечным фактом, не видели различия в экономическом положении крестьянства в XVI—XX веках. Они не понимали, что имущественные различия среди крестьянства в XX веке качественно отличаются от имущественных различий в XVI в. Все по-старому — вот общий вывод, к которому пришли народники обоих направлений, несмотря на кажущуюся противоположность их позиций.

Вместе с тем они затушевывали антагонистические противоречия между деревенским пролетариатом и буржуазией, становясь тем самым апологетами капитализма.

Диференциация крестьян при натуральном хозяйстве отличается от диференциации при товарном производстве. Различие это носит как количественный, так и качественный характер. При натуральном хозяйстве крестьянство представляет из себя сравнительно однородную, лишенную больших различий, массу.

Крайние группы — зажиточные и обнищавшие — по отношению ко всей массе крестьян, численно невелики. Да и сами различия в имущественном положении между группами крестьянских хозяйств не так значительны, как при товарном производстве.

Товарное производство усиливает экономическую разнородность среди крестьянства, имевшую место при натуральном хозяйстве. Теперь к крайним группам относится большинство крестьян, группа середняков численно невелика и с развитием простого товарного производства в капиталистическое имеет тенденцию к сокращению.

На первых этапах существования простого товарного производства различия между крестьянами, как самостоятельными производителями, выступают как чисто количественные различия. Они проявляются в различной степени обеспеченности крестьянских хозяйств средствами производства: землей, скотом, сельскохозяйственным инвентарем.

Крестьяне богатые и бедные, одни в большей степени, другие в меньшей, все свои многочисленные потребности удовлетворяют собственными силами. При этом мы имеем в виду не то, что все необходимые срдества существования

непосредственно производятся собственными силами членов семьи, как это имело место при натуральном хозяйстве, а то, что товары производятся своим собственным трудом.

Это объясняется, во-первых, тем, что зажиточные хозяйства, хотя и владеют большими по количеству и лучшими по качеству землями, скотом, сельскохозяйственным инвентарем, однако, в таких размерах, которые позволяют им справиться с ведением хозяйства собственными силами.

С другой стороны, разоряющаяся беднота владеет средствами производства в таких размерах, которые позволяют ей удовлетворять урезанные до минимума потребности доходами со своего хозяйства. Главная масса необходимых средств существования добывалась у них в собственном хозяйстве, собственным трудом.

В представленной нами абстрактной схеме между крестьянами, как самостоятельными товаропроизводителями, нет качественных различий, а имеются лишь различия количественные, которые обусловлены различиями в степени обеспеченности средствами производства. Однако, процесс развития простого товарного производства в капиталистическое следует рассматривать «...не как простой процесс роста, где количественные изменения не ведут к качественным изменениям, — а как такое развитие, которое переходит от незначительных и скрытых количественных изменений к изменениям открытым, к изменениям коренным, к изменениям качественным, где качественные изменения наступают не постепенно, а быстро, внезапно, в виде скачкообразного перехода от одного состояния к другому состоянию, наступают не случайно, а закономерно, наступают в результате накопления незаметных и постепенных количественных изменений».[1]

Исходным моментом разложения крестьян, ведущих товарное производство, является диференциация — возникновение среди них имущественного неравенства. Товаропроизводители обменивают продукты своего труда не в соответствии с количеством труда, действительно в них содержащегося, а в соответствии с количеством труда, которое должно быть в них заключено. Величина стоимости товара определяется не трудом, затраченным на его производство, а трудом общественно-необходимым для его производства.

Под общественно-необходимым трудом Маркс подразумевает такое количество труда, которое требуется для изго-

[1] История ВКП(б). Краткий курс, глава 4, стр. 192.

товления какой-либо потребительной стоимости при наличии общественно-нормальных условий производства и при среднем в данном обществе уровне умелости и интенсивности труда.

Однако, в действительности условия производства у товаропроизводителей различны. Производители, находящиеся в более благоприятных условиях, создают товары, индивидуальная стоимость которых ниже общественной. Продавая свои товары по ценам соответствующим общественной стоимости, они обогащаются. Наоборот, те товаропроизводители, которые находятся в худших условиях, чем общественно-нормальные, производят товары с индивидуальной стоимостью выше общественной. Последние ожесточенной конкурентной борьбой обречены на разорение и гибель.

Следовательно, в основе разложения крестьянства — возвышения одних и гибели других — лежит противоречие между общественно-необходимым трудом и трудом индивидуальным, затрачиваемым при изготовлении товара.

Разложение крестьянства знаменует становление в деревне нового способа производства — капиталистического, новых типов населения — пролетариата и буржуазии.

В нашей советской литературе нередко этот процесс обозначают «диференциацией», т. е. так, как называли его народники. Последние весь процесс разложения крестьянства сводили к диференциации, т. е. имущественным различиям среди крестьян. На этом основании они доказывали, что «диференциация крестьянства явление не только не новое, а такое же старое, как и государство Российское».[1]

Народники не видели или не желали видеть, как количественные различия в условиях товарного производства привели к изменениям качественным — к возникновению капиталистического производства, основанного на наемном труде и частной собственности на средства производства.

В условиях капиталистического способа производства у крестьян не было иного пути: либо превратиться в мелкого капиталиста, либо стать наемным рабочим.

Ленин писал: «большинство авторов, касавшихся данного вопроса, смотрит на разложение крестьянства, как на простое возникновение имущественных неравенств, как на простую «диференциацию»...

Несомненно, что возникновение имущественного неравен-

---

[1] Огановский. «Закономерности...», том. I, стр. 14.

ства есть исходный пункт всего процесса, но одной этой «диференциацией» процесс отнюдь не исчерпывается. Старое крестьянство не только «диференцируется», оно совершенно разрушается, перестает существовать, вытесняемое совершенно новыми типами сельского населения,—типами, которые являются базисом общества с господствующим товарным хозяйством и капиталистическим производством. Это типы — сельская буржуазия, (преимущественно мелкая) и сельский пролетариат»...[1]

Следовательно, сводить процесс разложения к одной диференциации, имевшей место и в условиях натурального хозяйства, совершенно неверно. Это противоречит взглядам классиков марксизма-ленинизма, это противоречит фактам. Диференциация является исходным пунктом процесса разложения крестьянства. Сводить же весь процесс к одному исходному пункту — значит совершать грубую ошибку Ошибка заключается не только в различии терминологии, но касается существа вопроса.

Процесс разложения крестьянства начинается с диференциации. Но диференциация в условиях натурального хозяйства сводится к имущественным различиям непосредственных производителей и лишь в условиях товарного производства количественные изменения приводят к новому качеству: возникновению в деревне нового типа производства — капиталистического, а также новых типов населения — пролетариата и буржуазии.

До перехода к непосредственному анализу матералов о разложении крестьянства следует также установить полную ясность, что следует понимать под сельским пролетариатом и буржуазией.

Это тем более необходимо, что по этому вопросу в литературе нет общего мнения, несмотря на всю кажущуюся простоту этого вопроса.

Не установив точного понимания пролетарита и буржуазии, мы не сможем правильно определить, к какому классу следует отнести ту или иную группу деревенских жителей.

К пролетариату в собственной индустрии относятся люди, не имеющие средств производства и добывающие себе средства существования путем продажи рабочей силы.

Когда говорят, что пролетарий — лицо свободное от средств производства, то это прежде всего относится к зем-

[1] Ленин, Соб. соч., том III, стр. 126:

ле. Действительно, городские наемные рабочие лишены земли.

Если мы будем рассматривать представителей сельскохозяйственного пролетариата как лиц, совершенно лишенных средств производства, то это будет означать слишком упрощенный подход к действительности, против которого возражал Ленин еще в конце прошлого века. Он писал, что в нашей литературе «зачастую слишком шаблонно понимают то положение теории, что капитализм требует свободного, безземельного рабочего. Это вполне верно, как основная тенденция, но в земледелие капитализм проникает особенно медленно и среди чрезвычайного разнообразия форм».[1]

Уже добросовестные буржуазные исследователи прошлого века, как например Постников, не находили существенной разницы между крестьянами, совсем лишившимися средств производства, и крестьянами, которые, хотя и владеют ими и ведут собственное хозяйство, но далеко недостаточное для удовлетворения потребностей семьи. «В сущности, — говорит Постников, — несеющие домохозяева и малосеющие, обрабатывающие свою землю наймом чужого скота, не представляют большой разницы в своем хозяйственном положении. Первые сдают в аренду односельцам всю свою землю, вторые — только часть ее, но как те, так и другие либо служат батраками у своих односельчан, либо промышляют сторонними и большею частью земледельческими же заработками, проживая в собственной усадьбе. Поэтому обе категории крестьян — несеющих и малосеющих — можно рассматривать вместе».[2]

Ленин, вполне соглашаясь с мнением Постникова, дополняет, что «несеющие и малосеющие хозяева ... входят в ряды сельского пролетариата».[3]

Составители «Свободного Сборника» по Самарской губернии, говоря про однолошадные хозяйства, отмечают: «Мы осмеливаемся считать и их за пролетариат, хотя они юридически и располагают тою или другою долею из общинного участка земли: фактически это поденщики... рабочие в крупных хозяйствах».[4]

---

[1] Ленин, Соб. соч., т. III, стр. 129:

[2] Б. Е. Постников. «Южно-русское крестьянское хозяйство», М. 1891. стр. 135.

[3] Ленин, Соб. соч., т. III, стр. 49.

[4] «Сводный Сборник», т. VIII, стр., 57—58.

В. И. Ленин считает вполне правильными мнения тех исследователей, которые «признают пролетариатом не только безлошадных, но и однолошадных крестьян».[5]

Следовательно, Ленин относит к сельскохозяйственному пролетариату не только крестьян безлошадных, безпосевных, т. е. таких, которые уже лишились необходимых для ведения хозяйства средств производства, но и таких, которые ими обеспечены в недостаточной мере.

Переход большинства самостоятельных хозяев в разряд сельскохозяйственного пролетариата совершается, как правило, не мгновенно, а постепенно, мало-по-малу. В условиях капиталистического способа производства, — а в России капитализм в XX веке вступил уже в монополистическую стадию своего развития, — у крестьян, как самостоятельных товаропроизводителей, имелось два пути: либо пополнить ряды пролетариата — удел большинства, либо — ряды деревенской буржуазии — удел немногих избранных.

Процесс превращения крестьянина из самостоятельного хозяина в пролетария совершался путем утраты производителем средств производства. Однако, разоряющийся крестьянин приобретал новое качество сельскохозяйственного пролетария еще до того, как лишался всех средств производства.

Потеря средств производства в крестьянском хозяйстве зависит от тысячи случайностей. Пожар, неурожай, болезнь, падеж скота ускоряют переход крестьян из рядов самостоятельных производителей в ряды пролетариата.

Особенно распространенным явлением в России были неурожаи. Голод заставлял крестьян продавать прежде всего свою «движимость» — скот.

Лишившись скота, крестьянин, естественно, лишался возможности заниматься обработкой земли и вслед за распродажей скота следовала либо сдача земли в аренду, либо продажа ее.

При отнесении сельскохозяйственных производителей к определенному классу чрезвычайно важно не только отметить, есть или нет у них средства производства, но и указать, **в какой степени они обеспечены ими.** Необходимо проследить далее, что является главным источником существования: доходы, получаемые от своего хозяйства, или средства, зарабатываемые продажей рабочей силы.

---

[5] Ленин, Соб. соч., т. III, стр: 60,

Если мы будем подходить к рассмотрению пролетариата указанным образом, — а только такой подход является единственно верным, — то окажется, что большинство хозяев являются таковыми лишь номинально; по существу они являются сельскохозяйственными пролетариями.

Карликовые участки таких крестьян создают видимость, будто они являются самостоятельными производителями, собственниками, и эта видимость ввела в заблуждение многих исследователей, писавших по этому вопросу.[1]

Между пролетариатом города и деревни имеются различия. Промышленный пролетарий — лицо, лишенное средств производства. Сельскохозяйственный пролетарий выступает часто перед нами как собственник, как лицо, владеющее средствами производства. Однако, различие между пролетариатом города и деревни носит формальный характер; оно касается больше формы, а не содержания. Существенных же различий между ними не имеется. Как те, так и другие главный источник существования находят в продаже рабочей силы.

Перед нами один из многочисленных примеров, когда форма проявления не соответствует сущности, и чтобы получить правильное, неискаженное представление о предмете, необходимо учитывать и то и другое.

Термин «крестьянин» в XX веке все более становился анахроническим, так как собственно крестьян, занимающихся сельским хозяйством и живущих доходами со своего хозяйства, по мере развития капитализма становилось все меньше и меньше.

Крестьянами перестают быть бедняки, ибо они по мере лишения основных средств производства все более превращаются в наемных рабочих — в деревенский пролетариат. Перестают быть крестьянами и «хозяйственные мужики», кулаки, которые ведут свое хозяйство с помощью наемных

---

[1] Неправильное понимание сельскохозяйственного пролетариата мы встречаем у Петра Лохтина в его работе «Безземельный пролетариат в России». М., 1905 г.
Он пишет: «Под выражением «безземельный пролетариат» понимаются крестьяне, имевшие раньше землю для ведения сельского хозяйства или право на нее, но лишившиеся их. Этим объясняется прибавление слова «безземельный» к слову «пролетариат», которое уже само по себе означает неимение недвижимой собственности».

Точка зрения, которой придерживается Лохтин, широко распространена не только у буржуазных экономистов, но иногда встречается и у советских исследователей.

рабочих. Основной целью производства является стремление получить как можно больше прибыли. Такой крестьянин выступает как эксплоататор, ибо живет он за счет неоплаченного труда батраков и поденщиков.

Строго говоря, это не крестьянин, а мелкий буржуа. Поэтому было бы неточно, а следовательно и неверно, качественно различные группы деревенских жителей — хозяев, с одной стороны, и наемных рабочих — с другой, обозначать одним и тем же термином «крестьянин».

Крестьянами, в строгом смысле этого слова, в XX веке можно считать только середняков, которые обеспечены в в минимальном количестве средствами производства и живут доходами от хозяйства, основанного на личном труде. Причем, по мере развития капитализма в сельском хозяйстве, все меньшая часть потребностей удовлетворяется продуктами, непосредственно созданными в своем хозяйстве, а большая часть потребностей удовлетворяется через обмен.

Положение таких крестьян неустойчивое, о чем свидетельствуют многочисленные материалы земской статистики.

Большинство из них пополняет ряды пролетариата.

Наемные рабочие в сельском хозяйстве обыкновенно сочетают заработную плату, получаемую за работу по найму, с доходом от своего хозяйства. Небольшой доход не может изменить сущности дела, и деревенские бедняки не перестают быть пролетариями. Сами они прекрасно понимают свое пролетарское положение, явившееся прямым результатом проникновения капитализма в деревню.

«Какое наше крестьянство — одно слово крестьянин, а муку покупай с Покрова; зиму поворочаешь пенья — ну и будешь сыт», — заявили крестьяне Новгородской губернии регистраторам, производившим подворную перепись.[1]

Большую часть времени в году такие крестьяне питаются покупным хлебом, зарабатывая деньги батрачеством, поденщиной.

Некоторые буржуазные экономисты, например Постников, Чупров, рассматривали, какое влияние оказывали хлебные цены на народное хозяйство, и пришли к выводу, что низкие цены на хлеб выгодны для большей части русского крестьянства, так как, не имея достаточного количества

---

[1] Материалы для оценки земель Новогородской губ. Белозерский уезд, стр. 124. Новгород, 1912 г.

хлеба для собственного потребления, они являются не продавцами его, а покупателями.[1]

Следовательно, размер хозяйства у большинства крестьян был таков, что заставлял их выступать на рынке продавцами рабочей силы и покупателями средств существования.

Количество крестьян совершенно разорившихся и живущих в деревне сравнительно невелико.

Чем же объяснить, что число крестьян, лишенных всех средств производства, т. е. «чистых» пролетариев, имелось в деревнях в небольшом количестве? Разве в России процесс разорения не доходил до логического конца — полного лишения производителя всех средств производства? Чем объяснить сравнительную устойчивость мелких и мельчайших крестьянских хозяйств?

Вот вопросы, на которые надлежит нам дать в заключение ответ.

В материалах земской статистики имеется много данных, свидетельствующих о полном разорении крестьян, о потере ими всех средств производства. Но такие «чистые» пролетарии в большом количестве не могли долго оставаться в перенаселенной русской деревне.

Главная причина, заставлявшая их покидать деревни и уходить в город, — чрезвычайно низкий уровень заработной платы. Низкий уровень заработной платы обусловлен рядом причин, укажем лишь главнейшие.

Во-первых, большое предложение рабочих рук и сравнительно небольшой спрос на них, ввиду слабого развития капитализма в русской деревне.

Во-вторых, деревенская беднота соглашалась работать за низкую плату, так как лучшую работу в данной местности найти было очень трудно, а итти «в отход» на заработки требовалось очень много средств, которых беднота не имела.

В-третьих, большинство нанимающихся соглашалось работать за низкую заработную плату, рассчитывая пополнить ее доходом со своего хозяйства.

В-четвертых, наемные рабочие в деревне были более сговорчивы, так как они приходили наниматься к хозяину, который нередко «выручал» их в трудную минуту и от ко-

[1] Сборник статей под редакцией А. И. Чупрова и А. С. Постникова «Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства», СПБ, 1887 г.

Точка зрения Чупрова и др. в этом вопросе ошибочна. Пролетариат не заинтересован в низких ценах на хлеб.

торого они, следовательно, находились в экономической зависимости.

Пятая и последняя причина, объясняющая низкий уровень зарплаты, заключается в том, что деревенский пролетариат обычно слабее организован, чем городской, а это обстоятельство затрудняет борьбу за повышение заработной платы.

Наемный рабочий, «не отягощенный» никакой частной собственностью, не имея, следовательно, никакой привязанности к данному месту, устремляется на тот рынок, где он может, как и всякий продавец вообще, продать свой особый товар — рабочую силу на более выгодных условиях.

Таким местом является город. Там уровень заработной платы несравненно выше, чем в деревне. Туда и устремлялись разорившиеся крестьяне. Они, конечно, не могли рассчитывать, что им удастся пополнить недостаток заработной платы доходами со своего хозяйства, которого они лишились.

Низкая заработная плата и невозможность пополнить ее доходами со своего хозяйства были хотя и важными, но далеко не единственными причинами, заставлявшими совершенно разорившихся крестьян покидать деревню и искать заработка в городе. Стоит только посмотреть на положение сельских рабочих, на их каторжный труд, и нам станет ясной причина бегства их из деревни.

Варб в работе «Наемный сельскохозяйственный рабочий в жизни и законодательстве» дает мрачную картину жизни сельского пролетариата.

«Положение батраков, — пишет он, — представляется далеко незавидным: батраков плохо кормят и одевают, содержат в невозможных помещениях и до крайности нажимают на работе. Лямку усиленного труда он тянет круглый год: не только летом, весной и осенью, но и зимой, когда на долю батрака выпадают все худшие работы в хозяйстве: поездка в непогоду, возня со скотом, присмотр за ним ночью и прочие. Главное, что делает положение батрака особенно тяжелым — это непрерывная зависимость от хозяина.

Обращение с рабочими здесь в высшей степени суровое, отличающееся неукоснительным надзором и вечным стоянием над душой: с рабочего, как говорится, глаз не спускается».[1]

---

[1] Е. Варб. «Наемный сельскохозяйственный рабочий в жизни и законодательстве». М. 1899, стр. 9—10.

Батрак, следовательно, испытывал двойной гнет — физический и моральный.

В итоге разорившиеся крестьяне предпочитали уходить в города, куда их влек больший заработок, где было относительно больше свободы и культуры. Кроме того, бедняку было легче найти постоянную работу в городе, чем в деревне, где сезонный характер работ обусловлен самим характером производства.

Большинство исследователей аграрных отношений отмечает, что вследствие развития капитализма в сельском хозяйстве происходит разорение мелких собственников, превращение их в пролетариев.

Помимо этой преобладающей тенденции, действует другая, противоположная ей. Она вызвана заинтересованностью крупного капиталистического производства в мелком, которое, как правило, является для него поставщиком рабочей силы.

Капитализм, проникая в сельское хозяйство, не только упраздняет мелких собственников, но в известной мере заинтересован в их сохранении.

Крупные хозяйства не могут рассчитывать на наемных рабочих из совершенно разорившихся крестьян, не могут они также рассчитывать на средний слой крестьян, обеспеченных в достаточной степени средствами производства, чтобы жить, не прибегая к продаже рабочей силы. Единственной категорией деревенских жителей, на которых в полной мере может рассчитывать капиталистическое хозяйство, являются разоряющиеся, но еще не вполне разорившиеся крестьяне. Они не смогут в своем хозяйстве сводить концы с концами, не прибегая к продаже рабочей силы. Из них образуется сельскохозяйственная резервная армия, которая используется периодически помещиками и кулаками в производстве.

Капитализм в земледелии не в меньшей мере, чем капитализм в индустрии, заинтересован в резервной армии.

Потребность в резервной армии объясняется прежде всего сезонным характером работ в земледелии. Наиболее остро потребность в рабочей силе ощущается в весенне-летний период, когда происходит пахота, боронование, посевы яровых, посадка картофеля, а также уборка ржи, молотьба и прочее.

Цены на рабочую силу в этот период поднимаются и предприниматели жалуются на нехватку рабочих рук.

На юго-востоке и юге России — и в местах наиболее

развитого капиталистического земледелия — недостаток в рабочей силе не в состоянии были восполнить ни миллионы, так называемых отхожих рабочих, ни интенсивное внедрение сельскохозяйственных машин.

Недостаток сельских рабочих вызвал стремление у капитализирующихся помещиков и кулаков прикрепить пролетариев к земле и таким образом обеспечить свое хозяйство постоянной дешевой рабочей силой.

Ленин писал: «Против Arbeiternot капиталистическое земледелие бессильно бороться, — оно не порождает сил, способных изменить дело».[1]

Предприниматели, стремясь обеспечить себя рабочей силой, вынуждены были прибегать к феодальным приемам, наделяя сельскохозяйственных рабочих землей. Такой, посаженный на землю рабочий, хотя и представляется собственником, но в действительности не перестает быть пролетарием.

Капитализм, проникая в деревню, разоряя крестьян, в то же время не заинтересован в абсолютном их разорении, ибо совершенно разорившиеся предпочитают город деревне.

Предприниматели, испытывая потребность в наличии постоянной резервной армии, не могут создать ее иначе, как путем сохранения мелких земледельцев или наделения землею обезземелившихся крестьян.

Ленин писал: «Крупное и мелкое земледелие обуславливают друг друга, как капиталисты и пролетарии».[2]

Следовательно, если невозможно существование капиталистов без пролетариев, то невозможно и крупное земледельческое производство без мелкого.

Вот почему, когда процесс разорения и вытеснения мелких производителей крупными заходит далеко, начинает с все возрастающей силой действовать другая тенденция, противоположная первой. Она направлена к тому, чтобы предотвратить мелких производителей от окончательного разорения. Происходит это в интересах крупных хозяйств, которые только таким путем и могут обеспечить себя дешевой исполнительной рабочей силой.

Вот почему процесс вытеснения мелких хозяйств крупными, совершающийся в течение многих десятилетий, не привел к окончательному вытеснению из земледелия мелких хозяйств.

---

[1] Ленинский сборник, т. XIX стр. 53.
[2] Ленинский сборник, т. XIX, стр. 47.

Дело совершенно не в том, что мелкое производство конкурентноспособнее, устойчивее крупного.

Совсем напротив, мелкие хозяйства могут существовать только потому, что их владельцы дефицит в хозяйстве покрывают батрачеством и поденщиной. Без них невозможно длительное существование ни мелких землевладельцев, ни их хозяйств.

Разложение крестьянства Симбирской губернии в начале XX века.

Реформа 1861 года, названная официально «великой крестьянской реформой», точнее следовало бы назвать ее помещичьей реформой, так как она проводилась помещиками и в интересах помещечьего класса, — не изменила существенно положения крестьянства в лучшую сторону. Крестьяне были освобождены не только от крепостнической зависимости, но и от важнейшего средства производства—земли.

Формально крестьянин был свободен; фактически, не имея земли, леса, пастбищ, — он был тысячами невидимых нитей привязан к помещику, вчерашнему барину, хотя характер этой зависимости изменился. Прежде, при крепостном праве, крестьянин зависел от помещика в силу личной зависимости, именно потому, что он был крепостным; теперь с отменой крепостного права, крестьянин зависел от помещика не юридически, а экономически; экономическая зависимость, обусловленная отсутствием у крестьян средств производства, гораздо крепче привязывала их к помещику, чем юридическая зависимость.

Падение крепостного права было несомненно прогрессивным явлением, так как в сельском хозяйстве с падением крепостничества открывался сравнительно широкий путь развития производительных сил.

Но освободившись от крепостного права, крестьянин не освободился от крепостнической эксплоатации. Развитие капитализма в сельском хозяйстве привело к тому, что крестьянин попал под пресс двойной эксплоатации—неотжившей крепостнической и нарождающейся капиталистической.

Следовательно, прогресс в сельском хозяйстве покупался дорогой ценой обнищания, разорения и пролетаризации широких слоев трудящегося крестьянства. Такова диалектика развития человеческого общества. Иным путем не может

происходить движение общества вперед в антагонистических формациях.

Переход от феодального способа производства к капиталистическому совершался в Симбирской губернии очень медленно. Главная причина медленных темпов развития сельского хозяйства в пореформенный период коренится в помещичьем землевладении.

В 1867 году в Симбирской губернии находилось 1408 помещичьих имений, владевших в общей сложности 1247792 десятинами земли. Следовательно, в среднем на 1 помещичье хозяйство приходилось 886 десятин земли.[1]

Капиталистические предприятия вытесняли феодальные латифундии. Разорение и гибель помещичьих имений, уменьшение дворянского землевладения в конце прошлого века видны из следующих данных.

К 1901 году количество помещичьих имений сократилось по губернии до 1154, а земли у них — до 901236 десятин. Следовательно, за последнюю треть XIX века количество дворянских имений по губернии уменьшилось на 254, а земли — на 346.556 десятин. Уменьшился и средний размер помещичьего имения. Если в 1867 году помещичье хозяйство в среднем имело 886 десятин, то теперь 780 десятин.

В чем же причина дворянского «оскудения»? Не намереваясь приводить здесь всю совокупность фактов, обусловивших упадок помещичьего хозяйства, укажем лишь на две главнейшие пичины. Во-первых, отсутствие капиталов для организации производства на капиталистических началах. По-капиталистически организованное, рациональное земледелие должно быть основано не на труде закабаленного мелкого крестьянина с примитивной стародедовской техникой, а на наемном труде с применением машин, удобрений и проч. Для этого требовался капитал, которого у помещиков не было в достаточном количестве.

Во-вторых, помещики не умели, а нередко не желали приспособиться к новой обстановке, к запросам всемогущего рынка. «Скромный сельский хозяин», как себя именует гласный Симбирского земского собрания помещик Родионов, пишет:

«Неуверенность в сколько-нибудь вознаграждающих труд землевладельца ценах, действует прямо деморализующе. Важна не высота цен, а постоянство их. Можно хозяйни-

[1] Журнал Симбирского губернского земского собрания очередной сессии 1903 года, Симбирск 1904 год, стр. 85.

чать не без выгоды и при низких ценах, но при колеблющихся ценах все расчеты падают.[2]

Приходится вести дело наобум, без какого-либо расчета. Хозяйство обращается в игру, где, к сожалению, чаще проигрывают, чем выигрывают.

Будь хозяин уверен, что цены на хлеб будут стоять не выше 30 копеек пуд в течение сколько-нибудь продолжительного периода времени, то, очевидно, он перешел бы от фермерского хозяйства на испольное, сдаточное, наконец запустил бы пашню под пастьбу и т. п.

Но, наоборот, если бы хозяин был уверен, что цены будут держаться около 50 копеек пуд, то, конечно, он завел бы усовершенствованное интенсивное хозяйство с усиленным удобрением и обработкою земли усовершенствованными орудиями, стараясь довести свою почву до наибольшей продуктивности. Неустойчивость хлебных цен делает прямо немыслимой какую-либо систему».

И Родионов мечтает: «Другое дело, если бы цены были нормированные», тогда «хозяйство сделалось бы устойчивым и верным предприятием».

Симбирский помещик понимает, что от предлагаемых им мер «пострадала бы сельскохозяйственная техника, уровень хозяйства пал, уменьшилась бы производительность. . .» Но, все это должно быть принесено в жертву помещичьему землевладению. Родионов знает, что нормирование цен при наличии капиталистического производства дело нелегкое, но по своей ограниченности считает, что «для великого централизованного государства, как Россия», «эта вещь не невозможная».[1]

В словах Родионова откровенно выражена беспомощность Симбирских помещиков перед рыночной стихией, неумение приспособиться к новой капиталистической обстановке.

Несмотря на прогрессирующее сокращение помещичьего землевладения в конце XIX и начале XX вв., последнее сохранило свою силу вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции; оно значительно тормозило раз-

---

[2] Родионов не понимает, что без колебания цен немыслимо существование капитализма. Колебание цен является стихийным регулятором бесланового капиталистического хозяйства.

[1] «Труды Симбирского общества сельского хозяйства за 1901 год». Симбирск, 1902 г. стр. 128.

витие производительных сил, развитие капиталистических производственных отношений.

Посмотрим, как же была распределена земля — основное средство производства в крестьянских хозяйствах — в 1910 г.?

По данным подворно-хозяйственной переписи крестьянских хозяйств, произведенной в 1910—1911 гг., в Симбирской губернии имелось 4.781.780 десятин удобной земли: из них 1.637.973 десятин, т. е. всего 40 проц. находилось в общинном пользовании крестьян. К этой цифре нужно прибавить еще 601.185,6 десятин купчих земель, которые приобретены в частную собственность почти исключительно крестьянской буржуазией.

Следовательно, крестьяне Симбирской губернии владели 2275158,6 десятинами или 54,3 проц. общей площади удобных земель губернии. Остальная же земля, т. е. почти половина удобной земли Симбирской губернии, находилась у помещиков, купцов и других лиц «привилегированного сословия».

Всего перепесью учтено 285225 наличных крестьянских хозяйств (примерно, 1700000 лиц обоего пола), следовательно, на одно лицо крестьянского сословия приходилось в среднем 1,38 десятин удобной земли, а на одну крестьянскую семью — 7—8 десятин.

Однако общинная и купчая земля распределена была среди крестьян Симбирской губернии далеко неравномерно. Это видно из следующей таблицы:

Группа хозяйств по земельной обеспеченности	Число хоз-в	В % к итогу
1. Безземельные	18.778	6.6
2. Влад. до 5 десятин	115.080	40,3
3. „ от 5 до 10 дес.	96.690	33,9
4. „ от 10 „ 20 „	44.336	15.6
5. „ от 20 „ 30 „	7 3 6	2,6
6. „ от 30 „ 50 „	2.403	0,8
7. „ более „ 50 „	663	0.4
Всего в губернии	285.225	100

Почти 19000 крестьянских «хозяйств» Симбирской губернии не имели земли. Этих «раскрестьянившихся крестьян», не имеющих клочка земли, следует считать пролетариями,

но подавляющее большинство хозяйств II-й группы являются, несомненно, пролетарскими и полупролетарскими.

Крестьяне, имеющие клочок земли в 5 десятин, при низкой сельскохозяйственной технике, при отсталых примитивных приемах земледелия, не в состоянии были обеспечить себя и свои семьи жизненно-необходимыми средствами существования. Чтобы сводить как-либо концы с концами, малоземельные крестьяне должны периодически или систематически, — от этого суть дела не меняется, — выступать продавцами рабочей силы, и, следовательно, их нельзя отнести к числу крестьян в строго научном смысле этого слова.

Фридрих Энгельс писал: «Под мелким крестьянином мы понимаем собственника или арендатора — в особенности собственника — кусочка земли, не больше того, что он может, по общему правилу, обработать при помощи своей собственной семьи и не менее того, что прокармливает его семью».[1]

Следовательно, крестьянами, как видно из приведенных слов Энгельса, можно считать только тех деревенских жителей, которые имеют хозяйство, размеры которого достаточны для прокормления семьи.

Таким образом, 47 проц., т. е. почти половина всех крестьянских хозяйств Симбирской губернии, следует отнести к числу пролетарских, которые вынуждены скудный доход со своего хозяйства дополнять продажей рабочей силы.

В 3-ю группу хозяйств входят крестьяне с размером землевладения от 5 до 10-ти десятин. Часть хозяйств этой группы (меньшая) также является пролетарской, а большую часть хозяйств следует отнести в разряд середняцких, т. е. собственно крестьян в строгом смысле этого слова.

Однако при отнесении хозяйств к той или другой категории недостаточно одних данных о земле, наряду с землей необходимо иметь другие сведения о хозяйстве, а именно обеспеченность его скотом, инвентарем и т. п.

Следующую группу хозяйств, с размером землевладения от 10 дес. и выше, составляют зажиточные. Значительная часть их нанимает батраков или поденщиков и потому должна быть отнесена к числу кулацких хозяйств.

---

[1] К. Маркс — Ф. Энгельс, Собр. соч., том. XVI, ч. 2, стр. 443.

Посмотрим, как была распределена среди крестьян губернии надельная и купчая земля и какая между этими формами земельной собственности существовала связь.

Группы хозяйств по размерам посевной площади	В среднем на один двор пашни			
	Надельная	Купчая	Арендов	Всего
1. Несеющая	—	—	0,41	0,41
2. Засев до 1 десятины	1,01	0,05	0,12	1,18
3. „ от 1 до 2 дес	2,12	0,08	0,17	2,37
4. „ от 2 до 4 дес	3,74	0,24	0,52	4,50
5. „ от 4 до 6 дес.	5,29	0,61	1,49	7,39
6. „ от 6 до 8 „	6,33	1,39	2,60	10,32
7. „ от 8 до 10 „	7,04	2,48	3,75	13,27
8. „ от 10 „ 15 „	7,76	4,67	5,30	17,37
9. „ от 15 и более	9,65	12,38	9,89	31,92
В среднем по губернии	4,81	1,24	1,47	7,52

Из таблицы видно, что надельная земля распределена среди крестьян далеко неравномерно. Несеющие и малосеющие хозяйства либо совершенно не имеют земли, либо имеют ее в ничтожных, далеко недостаточных для существования семьи, размерах.

По мере возрастания экономической состоятельности хозяйства увеличивается и размер надела. Как известно, надельная или общинная земля находилась в коллективном владении и распределялась между крестьянами во временное пользование в соответствии с количеством в семье «душ» мужского пола.

Периодические переделы общинной земли ставили своей целью не допустить образования безземельных и многоземельных хозяйств, воспрепятствовать зарождению капиталистических отношений в деревне.

Действительно, в конце прошлого века распределение надельной земли, — по замечанию В. И. Ленина, — было «наиболее «уравнительно», хотя и в нем заметно оттеснение низшей группы высшими».[1]

[1] Ленин, соч. т. III, стр. 51.

Под высшей группой Ленин подразумевает зажиточных крестьян, а под низшей — бедноту, т. е. в основе деления на низшие группы и высшие положен принцип экономической состоятельности, а не место положения группы в таблице.

Большой размер надела в высших группах, в известной мере, может быть объяснен большим составом семьи. Однако объяснять неравномерность в распределении надельных земель только различной численностью крестьянской семьи было бы совершенно неверно. «Определителем величины надела, является кроме состава семьи и состоятельность двора».[1]

И в самом деле, если допустить, что зажиточная семья в два раза больше бедняцкой, то и надельной земли должно быть соответственно в два раза больше, а не в 8—9 раз, как это показывают цифры вышеприведенной таблицы. Следовательно, дело здесь не только в количестве членов семьи, и даже не столько в количестве членов семьи, сколько в экономической состоятельности хозяйства.

Таким образом, в распределении надельной земли в начале XX века произошли значительные изменения: уравнительное рапределение исчезло окончательно, количество надельной земли у бедноты уменьшилось, а у крестьянской буржуазии увеличилось.

Общинное землеустройство не предотвратило процесса концентрации надельных земель в руках зажиточных слоев крестьян, оно лишь затормозило переход общинных земель из рук бедняцких хозяйств в руки крестьянской буржуазии и тем самым задержало распространение капиталистических отношений в сельском хозяйстве. Однако, общинное землевладение бессильно было противостоять потребностям общественного развития; оно должно было быть устранено в силу объективной логики вещей, и оно, как это будет показано в дальнейшем, было устранено.

Еще более неравномерно распределена была среди крестьян купчая земля. Последняя почти целиком сосредоточена у крестьянской буржуазии.

По мере возрастания посевных площадей, т. е. по мере возрастания экономической состоятельности крестьянского хозяйства, количество надельной земли, находящееся в распоряжении крестьянского хозяйства, абсолютно возрастает. Но в еще большей степени возрастает количество купчих земель. Вследствие этого роль надельной земли в хозяйствах крестьянской буржуазии относительно сокращается, а роль купчих земель, а также арендованных — возрастает.

С. Н. Крестовский, работник оценочно-статистического отдела Симбирского губернского земства пишет: «Недоста-

---

[1] Ленин. Соч. т. 1, стр. 12, изд. 4,

ток надельной земли заставляет население увеличивать площадь землевладения путем прикупки земли в собственность».[1]

Однако, приведенные данные показывают, что к прикупке земли прибегали, как правило, хозяйства хорошо обеспеченные землей. Беднота не имела купчих земель не потому, что не хотела их иметь, а потому что не могла их иметь. Десятина хорошей земли стоила 140—160 рублей. Конечно, такая цена была не под силу подавляющему большинству крестьян Симбирской губернии.

Более доступным средством увеличения землепользования является аренда земли.

Проследим на примере Сенгилеевского уезда, какие изменения в землепользование вносит аренда.[2]

Группы хозяйств по посевной площади	В %% к общему числу хозяйств с землей		Изменение пашни (в дес.)	Аренд. пашни в сред. на 1 х-во
	Хозяйств сдающ.	Хозяйств аренд.		
1. Несеющие	90,2	27,2	— 5.810.4	0,4
2. Засев до 1 десятины . .	37,9	39,3	— 236 5	0,9
3. „ от 1 до 2 дес . .	21,5	40,6	— 812 5	0,7
4. „ от 2 до 4 дес . .	8,0	56,[illegible]	+ 3 587.7	1,3
5. „ от 4 до 6 „ . .	5,5	69 7	7.676.2	2 4
6. „ от 6 до 8 „ . .	4,1	75 0	+ 97.06 9	3 7
7. „ от 8 до 10 „ . .	4.1	76.9	+ 7.156,6	4 9
8. „ от 10 до 15 „ . .	4.6	75.5	+ 13 567.2	7,3
9. „ свыше 15 д . .	10.3	73,4	+ 12.213 1	13 2
По уезду . .	10,3	56,3	+ 47.248 3	1,2

Из таблицы видно, что сдают землю в аренду главным образом хозяйства несеющие и малосеющие, т. е. те, которые недостаточно обеспечены землей. Бедняцкие хозяйства вынуждены сдавать свои наделы в аренду из-за отсутствия средств производства для их обработки. Нередко крестья-

[1] «Подворная перепись Симбирской губернии 1910—1911 гг., вып. 7-й, стр. 14. Симбирск, 1914 г.

[2] Там же, стр. 19.

ший не мог засеять свой участок из-за отсутствия семян. Сдача надельной земли в аренду происходила чаще всего весной и осенью. Весной беднота сдавала землю в аренду, когда убеждалась, что собственными силами обработать и засеять участок нет никакой возможности; осенью у деревенской бедноты не было средств для уплаты податей, и сдача земли в аренду являлась в этом случае особой формой получения кредита.

Бржескаго, изучавший причины оскуднения земледельческих губерний в центральной полосе Европейской России, писал: «Предложение наделов осенью, при уплате податей, превышает спрос на них со стороны «богатеев». Арендная плата вносится вперед, но размер ее... весьма незначителен».[1]

«Нередко случалось, — указывает тот же автор, — когда надельные участки сдавались лишь за уплату податей и сборов».[2]

Сдача земли в аренду, в приведенных случаях, носит вынужденный характер и является характерным признаком упадка этих хозяйств. Как бы крестьяне-бедняки ни держались крепко за землю, земля уходит у них из под ног, и они переходят из разряда самостоятельных производителей в разряд деревенских пролетариев. Это неизбежный результат проникновения капиталистических производственных отношений в деревню.

Но землю сдают в аренду не только бедняцкие, но и зажиточные, многосеющие хозяйства, хотя число последних сравнительно невелико. При этом различие носит не только количественный, но и качественный характер. Зажиточное хозяйство сдачей земли в аренду преследует спекулятивные цели. Таким образом, у бедноты и у зажиточных крестьян сдача земли в аренду обусловлена различными причинами и преследует различные цели.

Посмотрим, какие же группы хозяйств являются арендаторами земли?

К аренде земли, как это видно из вышеприведенной таблицы, прибегают и бедняцкие, и зажиточные хозяйства.

В конце прошлого века В. И. Ленин писал: «Когда нам говорят, что «крестьянство» арендует землю и «крестьянство» сдает землю, то мы знаем, что первое относится глав-

---

[1] Бржескаго. «Очерки аграрного быта крестьян», СПБ, 1908 г., стр. 8
[2] Там же, стр. 28.

ным образом к крестьянской буржуазии, второе — к крестьянскому пролетариату».[1]

Статистические матерâлы Симбирской губернии целиком и полностью подтверждают справедливость ленинских слов.

Беднота Сенгилеевского уезда, плохо обеспеченная землей, чаще сдает землю в аренду, чем арендует; наоборот, буржуазия, лучше обеспеченная землей, реже сдает, а чаще — и притом в значительных размерах — арендует. В итоге аренда приводит к сокращению земли у бедноты и концентрации ее у сельской буржуазии.

Среди арендаторов имеются и зажиточные, и бедные. Соответственно этому и аренда бывает двух видов: капиталистическая и продовольственная. Продовольственную аренду Ленин часто называл «голодной», подчеркивая названием суть аренды.

Имущественное положение арендатора определяет как размер аренды, так и ее характер. Беднота вынуждена прибегать к аренде, чтобы обеспечить себя средствами существования. Зажиточное хозяйство через аренду, увеличиваст размер производства, которое ведется в погоне за прибылью.

Помещик, пользуясь безвыходным положением бедняка-арендатора, не упускал возможности навязать ему кабальный договор.

«Голодная» аренда обрекала арендаторов на жалкое, нищенское существование, не давая им возможности ни жить, ни умереть.

Нередко арендатор-бедняк в качестве платы за полученную землю обязывался отработать в хозяйстве землевладельца определенное количество дней. Причем дни эти, как правило, назначались землевладельцем по его усмотрению, Обычно они приходились на рабочую пору, когда все крестьяне были заняты на своих полях и достать рабочие руки даже по дорогой цене представлялось делом нелегким. Сдачей земли в аренду крупные земельные собственники обеспечивали свое хозяйство дешевой рабочей силой.

«Голодная» аренда по существу мало чем отличается от феодальной ренты в форме отработок. В «голодной» аренде черты феодальной эксплоатации соединены с капиталистической, причем элементы феодальной эксплоатации превалируют над элементами капиталистической эксплоатации.

---

[1] Ленин, соч. т. III, стр. 96.

Если феодальная отработочная рента представляет из себя присвоение непосредственно прибавочного труда феодалом в силу внеэкономического принуждения, то в условиях капиталистической действительности, эксплоататор, безразлично,—будь то помещик или кулак,—через «голодную» аренду, также эксплоатирует «свободного», «самостоятельного» производителя, как прежде помещик эксплоатировал своего крепостного крестьянина, с той лишь разницей, что при крепостном праве эксплоатация основывалась на внеэкономическом принуждении, а при капитализме, напротив, на экономическом принуждении — в силу необеспеченности крестьян средствами производства. Но как феодальная отработочная рента, так и «голодная» аренда неразрывно связана с эксплоатацией непосредственного производителя-крестьянина — земельным собственником.

Арендатор-бедняк соединяет в себе черты феодального крестьянина и наемного рабочего. С феодальным крестьянином сближает такого арендатора зависимость его от помещика, работа на его хозяйстве при помощи своего инвентаря. С наемным рабочим сближает такого арендатора то, что зависит он от землевладельца не юридически, а экономически. Клочок земли, предоставленный бедняку в аренду, является особой формой натуральной заработной платы.

Совершенно другие производственные отношения возникают при капиталистической аренде, к которой прибегают зажиточные крестьяне. Крестьянская буржуазия арендует не из-за куска хлеба, как беднота, а в погоне за увеличением прибыли.

Чем крупнее хозяйство, тем большую земельную площадь оно имеет возможность снять в аренду. Обработка арендованных земель происходит с помощью наемных рабочих. Если при этом и сам арендатор принимает участие в процессе производства, то это не изменяет капиталистической природы такого хозяйства, так как целью производства, побудительным мотивом расширения его является прибыль.

Как же аренда влияет на разложение крестьянства, на образование капиталистических производственных отношений? Общий недиференцированный ответ не может быть дан, так как существует два диаметрально противоположных вида аренды: капиталистическая и «голодная».

Капиталистическая аренда ведет к концентрации земель в руках зажиточного крестьянства, что способствует распространению капиталистического способа производства в

деревне. Это обстоятельство в свою очередь ведет к «вымыванию» средних слоев крестьянства — пролетаризации большинства и обуржуазиванию меньшинства. Следовательно, развитие капиталистической аренды и разложение крестьянства находятся в прямой зависимости.

Напротив, «голодная» аренда затягивает процесс превращения крестьянина-бедняка в пролетария, живущего продажей рабочей силы. Она порождает всевозможные формы кабалы — зависимости крестьянина от земельного собственника. С другой стороны, «голодная» аренда и тесно связанная с ней система отработок обеспечивают землевладельца дешевой рабочей силой, бесплатным сельскохозяйственным инвентарем, а это обстоятельство ослабляет стимул у землевладельцев к внедрению передовой техники.

Таким образом, «голодная» аренда задерживает развитие производительных сил сельского хозяйства, она тормозит переход помещичьих латифундий к капиталистическим приемам хозяйствования и, следовательно, замедляет распространение капиталистических производственных отношений в деревне.

Мы рассмотрели обеспеченность крестьянских хозяйств важнейшим средством производства, — землей, а также проследили те изменения, которые в землевладение вносит аренда.

Однако, более достоверным показателем экономической состоятельности крестьянского хозяйства является масштаб производства на своей и арендованной земле.

Приведем данные о посевных площадях у различных групп крестьян Симбирской губернии:[1]

Группы хозяйств по посевной площади	Число хозяйств группы	% к общему числу	Средний размер посевной пл. на х-во
1. Несеющие	8.836	10 1	—
2. Зас. до 1 дес.	13.644	4,8	0,76
3. Зас. от 1 до 2 дес.	41.552	14,6	1,55
4. „ от 2 до 4 дес.	78.555	27,6	2,98
5. „ от 4 до 6 дес.	51.303	18,0	4,94
6. „ от 6 до 8 дес.	29.602	10,4	6,93
7. „ от 8 до 10 дес.	15.956	5,6	8,94
8. „ от 10 до 15 „	16.970	5,9	12,00
9. „ более 5 десят	8.607	3,0	21,20
По губернии . .	285.225	100	5,07

[1] К. Воробьев, «Аграрный вопрос в Симбирской губернии», Симбирск, 1917 г.,

Из 285225 крестьянских хозяйств Симбирской губернии 214080, т. е. более чем три четверти хозяйств, принадлежали к числу несеющих и малосеющих (посевная площадь не более 6 дес). Большинство крестьянских хозяйств при таких размерах посевных площадей не могли обеспечить себя средствами существования.

«Для правильной оценки тех условий, в которые поставлено мелкое землевладельческое производство при капитализме, — указывал Ленин, — всего важнее вопрос о положении работника, его заработке, количестве труда, обстановке жизни...».[1]

Одним из важнейших показателей положения крестьянства является вопрос питания. Нормально-ли питаются народные массы или они недоедают, это далеко небезразлично в жизни общества. Поэтому питание является вопросом не только физиологическим, но и социальным.

Ухудшение питания крестьян Симбирской губернии вынуждены были констатировать сами помещики.

Так, симбирский помещик Родионов писал: «... Питание нашего крестьянина ухудшается, а никак не улучшается, — единственно чем кормятся — это ржаным хлебом, да и то во многих местах России и этот-то хлеб идет в пищу в смеси с древесной корой, мякиной и т. п. суррогатами. Продовольствие нашего русского населения обращается все более и более в хроническое недоедание...».[2]

Большая часть крестьян Симбирской губернии жила по их собственному выражению «часом с квасом, порой с водой».

Симбирские помещики в разгар первой революции (декабрь 1905 год) в письме к царю также вынуждены были признать, что «экономическое положение сельского населения представило благоприятную почву для крестьянского движения» и что «благосостояние сельского населения... за последние 15 лет значительно понизилось».[3]

В экономическом положении крестьян лежит ключ к пониманию революционных выступлений крестьянства, которые, слившись с революционными выступлениями пролетариата, хотя и не свалили, но сильно поколебали прогнившее здание самодержавия, рухнувшее десятилетием позже — в 1917 году.

---

[1] Ленин, соч. т. XVI, стр. 477.

[2] «Труды Симбирского общества сельского хозяйства за 1901 г.». Симбирск 1902 г., стр. 129.

[3] Центроархив, Аграрный вопрос в Совете Министров (1906 год) М. Л. 1924 г., стр. 24.

Распределение скота.

Важнейшим после земли средством производства в крестьянском хозяйстве является скот. Скот имеет первостепенное значение и как тягловая сила, и как источник для удобрения земли.

Особенно большое значение имеют в сельском хозяйстве рабочие лошади. «...Рабочие лошади в крестьянском земледельческом хозяйстве, — указывают составители переписи, — имеют первостепенное значение, в силу чего даже мелкие хозяйства, желающие сохранить свою самостоятельность, нелегко расстаются с последней лошадью...».[1]

Посмотрим, как же был распределен скот у крестьян Сенгилеевского уезда.[2]

Группы хоз-в по размерам посевной площади	Всего голов скота (в переводе на крупный)	% хоз-в безлошадных	% хоз-в без всякого скота
Несеющие	0,37	95.1	71.9
Засевающие до 1 дес	0,85	85,5	43,6
от 1 до 2 дес. . . .	1,18	72,8	31,3
„ от 2 „ 4 дес. . . .	1,82	50,4	16,8
„ от 4 „ 6 дес. . . .	2,82	21,2	5,6
„ от 6 „ 8 дес. . . .	3,53	9,8	2,1
„ от 8 „ 10 „ . . .	4,21	4,8	1,4
„ от 10 „ 15 „ . . .	5,18	2,3	0,5
„ свыше 15 дес. . . .	7,05	1,4	0,5
По уезду . . .	2,61	39,8	18,8

Таким образом, в Сенгилеевском уезде 5868 хозяйств, т. е. 18,8 проц. всех хозяйств уезда не имеют никакого скота; 6927 хозяйств, т. е. 22,3 проц., не имеют крупного скота (лошадей, коров). Почти две пятых хозяйств уезда являются безлошадными.

Из приведенной таблицы видно, что по мере возрастания посевных площадей увеличивается и обеспеченность хозяйств скотом.

---

[1] «Подворная перепись Симбирской губ. 1910—1911 гг.»: Выпуск 7, стр. 23.

[2] Там же.

Статистики Симбирской губернии, учитывая скот, ограничились одной лишь количественной стороной и упустили из вида, другую, не менее важную сторону — качественную. Данные земской статистики по другим губерниям подтверждают, что у зажиточных крестьян скот лучшего качества, чем у бедноты.

Наемный труд

Наиболее ярким показателем капиталистического расслоения крестьянства являются данные о наемном труде.

Однако вопрос о наемном труде в земледелии Симбирской губерии отображен переписью 1910—11 гг. совершенно неудовлетворительно.

Так, например, в подворной переписи крестьянских хозяйств Симбирского уезда говорится: «Наем сельскохозяйственных рабочих среди наличного населения уезда развит весьма слабо. К помощи наемных рабочих обращаются всего 259 хозяйств или 0,72 проц. Всех наемных рабочих в уезде переписью зарегистрировано 258 мужчин и только 21 женщина».[1] Из приведенных данных видно, что капиталистические отношения в Симбирском уезде развиты очень слабо. Но через несколько страниц, в разделе «Промыслы» мы встречаем следующие строки: «Профессиональный состав женщин-промышленниц еще более однообразен и примитивен, чем мужчин. Почти треть их составляют краткосрочные сельскохозяйственные работницы, преимущественно поденщицы (1.078)».[2]

Получается, что наемных сельскохозяйственных рабочих в Симбирском уезде нет, а есть только... поденщики и поденщицы. Очевидно, составители переписи не понимают, что большинство наемных рабочих в сельском хозяйстве являются поденщиками и что это обстоятельство обусловлено главным образом спецификой сельскохозяйственного производства. Учитывая только постоянных сельскохозяйственных наемных рабочих—батраков и опуская временных наемных рабочих — поденщиков, работники земства, — умышленно или нет, от этого суть дела не меняется,—уменьшили степень развития капиталистических отношений в Симбирской губернии, завуалировав тем самым противоречия среди крестьянства.

---

[1] «Материалы подворно-хозяйсвенной переписи Симбрской губ. 1910 — 1911 гг.». Вып. 1-й, стр. 10.

[2] Там же. стр. 36.

Промыслы.

Ярким проявлением капиталистического расслоения крестьянства Симбирской губернии является развитие промыслов. «Первое место в ряду явлений, толкающих земледельческое население уезда к внеземледельческим промыслам, без сомнения, занимает малоземелье», — сообщают регистраторы, — и именно это обстоятельство заставляет «искать средства жизни помимо земли».[1]

Промыслы у деревенской бедноты и зажиточных крестьян качественно неоднородны. У бедноты «промыслы» заключаются в продаже рабочей силы, у зажиточных — в торгово-промышленной деятельности.

Между обеспеченностью хозяйства средствами производства и продажей рабочей силы существует тесная связь, которая видна из следующей таблицы:[2]

Группы хозяйств по посевной площади	% мужчин занимающихся „промыслами" круглый год
Несеющие	53,[illegible]
Зас. до 1 дес.	29,0
„ от 1 до 2 „	25,0
„ „ 2 — 4 „	19,7
„ „ 4 — 6 „	13,3
„ „ 6 — 8 „	10,5
„ „ 8 —10 „	9,6
„ „ 10—15 „	9,6
„ свыше 15 „	12,3

Из таблицы видно, что количество «промышленников» с увеличением размера посевной площади сокращается, за исключением последней группы.

Увеличение количества «промышленников» в последней группе составители переписи объясняют «усиленным развитием в этой группе местной торгово-промышленной деятельности (свыше 10 проц. хозяйств этой группы имеют торговые или промышленные заведения»).[3]

---

[1] «Подворная перепись Симбирской губ., 1910—1911 гг.», вып. 1-й, стр. 31—32.

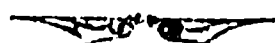
[2] Там же.

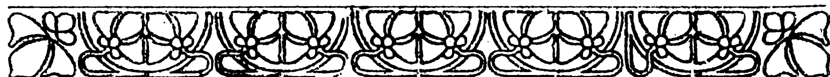
[3] «Подворная перепись Симбирской губ., 1910—1911 гг.», вып. 7-й, стр. 33».

Среди лиц, отнесенных к числу «промышленников», имеются большие различия. У бедноты «промысел» состоит в продаже рабочей силы, у зажиточных крестьян в организации торгово-промышленных предприятий и получении прибыли.

Развитие промыслов как первого, так и второго рода есть важнейший показатель капиталистического расслоения крестьянства.

В каком направлении и в какой степени влияла политика самодержавия на разложение крестьянства, автор изложит в следующем номере «Ученых Записок».

Н. П. ГРИЦЕНКО
доцент, кандидат исторических наук

Колиивщина

(Крестьянская война на Правобережной Украине в 1768-1769 гг.)

АВТОРЕФЕРАТ

1. Крестьянская война 1768—1769 гг. на Правобережной Украине является яркой страницей борьбы украинского народа с польской шляхтой за свое освобождение. Она была направлена против национального и религиозного гнета, против феодальной эксплоатации.

2. В оценке современников и польской историографии эта война была оценена как «бунт дикой черни».[1]

Очевидец Уманских событий, Вероника Кребс, в своем произведении «Уманская резня» все крестьянское движение свела к жажде грабежа и разбоя со стороны хлопа.[2]

Записки польских современников и более поздние работы писались с определенной шляхетской или католической целью для того, чтобы показать «жестокость грубой черни» и оправдать свою «цивилизаторскую» роль на Правобережной Украине.

Если об этом движении писали католики и униаты, они все сваливали на православных священников, которые своей агитацией будили крестьян к восстанию. Если же об этом восстании писали шляхтичи, то всю вину за последствия 1768—1769 годов сваливали на запорожских казаков.

Польские историки более позднего времени также интересовались этим восстанием, но все они трактовали его со своих польских, националистических позиций.

Из русских историков первый, кто обратил внимание на востание 1768 — 1769 гг., был Максимович. В конце первой половины XIX века он написал небольшую работу «Сказание о Колиивщине»,[3] которая при его жизни не была напечата-

на, т .к. автор сам считал, что необходим дополнительный материал для обоснования некоторых положений.

Рукопись Максимовича потом была использована Маркевичем в 56-й главе «История Малороссии». После смерти Максимовича вместе с другими его работами была напечатана статья «Сказание о Колиивщине» в первом томе под редакцией Антоновича.

Автор был знаком только с польскими документами и в некоторых вопросах оказался сознательно или бессознательно в плену польских современников, рассказывающих об этом событии. Он пишет о казаках—гайдамаках, но ни слова о крестьянстве Правобережной Украины, которое являлось основной силой этого движения. Поэтому Максимович все предпочтение отдает не народу, а казацкой старшине, гайдамаки же, по выражению его, были незванными людьми среди этого «кровавого пира». Хотя это восстание носило, по мнению Максимовича, национально-религиозный характер, все же на ту пору это восстание Западной Украины, по его словам, «конечно, было уже безвременным и неуместным делом».

После Максимовича вопросами Правобережной Украины, и в частности крестьянским восстанием 1768—1769 гг., занимался Скальковский. Обладая архивными материалами и вместе с тем искажая исторические факты, Скальковский всячески стремился придать крестьянскому движению на Правобережной Украине «разбойный, воровский» характер.

В 1845 году в Одессе вышла его книга «Наезды гайдамаков на Западную Украину в XVIII столетии», в которой гайдамаки изображались как «степные пираты», которых имя сделалось, наконец, поруганием, а подвиги предавались жестоким казням, как преступление»...

«Ясные доводы, что люди преступные и жестокие известные под названием гайдамак, беглецы из разных славянских земель», «грабители», «воры», «грубая чернь», «мятежники»[4] — такую характеристику дал украинским крестьянам реакционный дворянский историк.

Основная задача Скальковского заключалась в том, чтобы «очистить память славного низового войска от пятна, накинутого на него несколькими преступными его чинами».[5] Скальковский рассматривал днепровских казаков, как «войско царского пресветлого величества», всячески стремился замазать классовые противоречия в Коше Сечи Запорожской. В своих работах Скальковский пытался доказать, что запо-

рожские казаки не принимали участия в восстании 1768—1769 гг., за исключением «нескольких честолюбцев и злодеев». Отрицая народный характер этого движения, Скальковский рассматривал восстание как «скопище» грубой черни, а руководителей Гонту и Железняка назвал «хамами». Работы Скальковского не отражают действительного положения вещей и написаны исключительно тенденциозно.

Крупным историком Правобережной Украины был В. Антонович, работавший во второй половине XIX века. Затушевывая классовую борьбу на Левобережной Украине, Антонович рассмартивал народное движение на Правобережной Украине, как только национально-освободительное.

На Левобережной Украине он не видел классовой борьбы, да и не хотел видеть ее в XVIII веке, потому что, по его мнению, казацкая старшина являлась выразителем интересов всего народа и что здесь «крестьянские волнения невозможны и немыслимы». Положение крестьян Левобережной Украины, по мнению Антоновича, было превосходным.

Работу «Исследование о гайдамачестве»,[6] Антонович писал после реформы 1861 года. Идеализируя реформы на страницах «Киевской старины», он показал себя человеком, рьяно выступавшим против всякого революционного движения, и особенно против крестьян. «Мы, (заявил Антонович от имени редакции «Киевская старина»— Н. Г.),—. . . признаем, что события 1768 года были очень печальны, сцены и убийства и жестокости, где бы ни появлялись, всегда возбуждают отвращение в сколько-нибудь цивилизованном и гуманном человеке».[7]

Колиивщина вызвала, таким образом, осуждение Антоновича.

Крестьянские волнения в XIX веке, по его мнению, «стали невозможны и немыслимы».[8] Вообще, к крестьянам Антонович относился пренебрежительно, как к классу, по его мнению, неспособному мыслить и понимать политические события. Крестьяне, утверждает он, не умеют вести политической борьбы и неспособны к ней.[9] Поэтому в своих исследованиях Антонович так мало уделял внимания крестьянским движениям.

Антоновича называют либералом, но он относится к тем либералам, о которых так метко сказал Ленин: «Либералы были и остаются идеологами буржуазии, которая не может мириться с крепостничеством, но которая боится революции, боится движения масс, способного свергнуть монар-

хню и уничтожить власть помещиков. Либералы ограничиваются поэтому «борьбой за реформы», «борьбой за права», т. е. дележом власти между крепостниками и буржуазией».[10]

В 1870 году вышла историческая монография Д. Л. Мордовцева «Гайдаматчина», в двух томах.[11] Ценность его работы видна из его предисловия: «... народная память освещает известные исторические события и лица вернее, ближе к истине, чем официальные документы. Не всегда искренние, а часто с умыслом лживые». Отношение Мордовцева к документам не требует комментариев. Отсюда все ошибки Мордовцева.

На крестьянское движение в Правобережной Украине и в Поволжье он смотрел как на разбойничьи движения, и это вносило, по его мнению, «мрачный колорит и нередко грязные краски в отжитые русским народом исторические эпохи» (предисловие к первому изданию). На руководителей движения, которых народ выдвинул из своей среды, на «Пугачевых», «чудовищ» Заметаевых «главных разбойников Шагал, Богомоловых, Ханиных, Железняка, Гонту, и всю массу понизовых разбойников»,[12] автор смотрел отрицательно и рисовал их в самых черных красках.

По его мнению, восстание на Правобережной Украине подняли крестьяне Левобережья. «В гайдаматчине по всем имеющимся у нас сведениям, действовали большею частью обитатели не правого, не польского, а левого, русского побережья Днепра ... и так как эти же обитатели составили главное ядро скопищ гайдаматчины да и затеяли ее вообще левобережцы, т. е. русские подданные, а польские примкнули к ним уже после». Это совершенно антиисторическая концепция, а между тем, соответственно ей построена вся его работа.

В 1890 году в Киеве вышла работа Я. Шульгина «Очерк Колиивщины по неизданным и изданным документам».[13] Шульгин, что присуще всем буржуазным историкам, не дал объективного анализа крестьянского восстания. Работа обильна фактами, но не вскрывает социальную сущность явлений. Автор указанной работы стремился всячески затушевать классовую рознь на Правобережье, классовые противоречия в Левобережной Украине, в Сечи Запорожской. Крестьянское восстание 1768—1769 гг., по его мнению, является повторением Хмельнищины.[14]

Книга в целом не представляет научной ценности. Это

краткий сборник биографий участников восстания 1768 — 1769 гг. и то не всех.

О Гонте автор не удосужился обмолвиться ни одним словом.

3. Для написания работы мы использовали главным образом архивные матералы Харьковского Архива Древних актов (в дальнейшем ХАДА) и его фонды Коша Сечи Запорожской, Малороссийской коллегии, Польских канцелярий, фамильный фонд Поповых, Генерального Суда и другие.[15]

Были использованы печатные документы, монографии, касавшиеся данного вопроса.[16]

4. Останавливаясь на истории Правобережной Украины в составе Речи Посполитой, мы должны отметить интересный факт, на который исследователи мало обращали внимания: массовые переселения жителей Правобережной Украины на Левобережье, особенно с 30 годов XVIII века. Это переселение было связано с усилением национального, экономического и религиозного гнета, а также с окончанием «свобод», которые получали украинские крестьяне от польских панов.

Выходцы из Правобережья селились по рекам Днепру, Тясмину, Синюхе и Бугу .Если до 1740 года здесь не было слобод, то уже в 1743 году их было много: Крыловская, Андреевка, Колонтаево, Стецковка, Цебулево, Горцевка, Оробиевка, Уховка, Федорки, Глинское, Быковка, Хомутовка.[17]

Несмотря на зверства по отношению к бежавшим, если они попадались в руки польских панов, крестьяне уходили в заднепровские малороссийские слободки «утеком».[18]

Свободные земли Левобережной Украины стремилось заселить русское правительство Анны Ивановны и Елизаветы Петровны, обещая для поселенцев ряд льгот.[19]

Вопрос о беглых крестьянах являлся предметом спора между Польшей и Россией вплоть до первого раздела Речи Посполитой.

Часть бежавших крестьян уходила в города как Киев, Полтава, Цыбулев, часть — в Сечь Запорожскую.[20]

Выходцы из Правобережья часто организовывали гайдамацкие отряды, уходили на правый берег Днепра, мстили польским панам, а затем, присоединив новых крестьян «со всем их домовством, с сынами, дочерьми, лошадьми, быдлом и со всею их рухлядью», уходили на Левобережье.[21]

Побеги крестьян участились в 60-х годах и особенно в период Барской конфедерации.[22]

Нам теперь будет понятно участие Левобережной Украины и Сечи Запорожской в крестьянском восстании 1768—1769 гг., а также возникновение гайдамацких отрядов на левом берегу Днепра, постоянно беспокоивших польских панов.

5. Не останавливаясь на слове «Гайдамак»[23] и его трактовке дворянско-буржуазными историками,[24] на основании архивных документов можно установить, что движение крестьян, названное гайдамацким, еще в своей начальной стадии носило антифеодальный характер, направленное против крепостничества вообще и польского панства в частности.

Состав так называемых гайдамацких загонов состоял, главным образом, из крестьян Правобережья. В состав загонов входили горожане, «сирома» из Запорожья, бывшие крестьяне Правого берега Днепра.[25]

Те из крестьян, кто не мог бежать на Левобережье, оказывали активную помощь гайдамацким отрядам.

Руководители гайдамацких отрядов были, обычно, запорожские казаки, принимавшие активное участие в крестьянских восстаниях на протяжении всего XVIII века.[26]

В народных движениях XVIII века принимали участие только низы Сечи Запорожской, в большинстве случаев вышедшие из «тогобочной» Украины, или вообще батраки, кому были близки и понятны слезы и горе украинского крестьянства.[27]

Трудно сказать, где возникали гайдамацкие отряды, но с уверенностью можно сказать, что большинство их родилось по рекам Синюхи, Ингульцу, Бугу, а также на Левобережной Украине.[28]

Если же запорожцы или гайдамаки попадали в руки польских панов, то последние придумывали самые жестокие казни.

Излюбленный прием панов — сажать человека на кол, палю. Местом казни избирали городскую площадь, куда сгоняли народ, как на зрелище.[29]

6. Православное сельское духовенство близко стояло к крестьянству и испытывало вместе с ним гнет польского пана, высшее же православное духовенство рассчитывало при освобождении Правобережной Украины от польского ига увеличить свои земельные угодья за счет католических монастырских и церковных земель.

Для крестьян православие было знаменем борьбы против феодалов-крепостников Правобережья. Чем больше паны закрепощали народ, тем острее проходила эта борьба.

Для того, чтобы отнять это знамя борьбы из рук украинского крестьянства, поляки, силой стремились заставить народ отказаться от своей религии, культуры и обычаев. Обращение в унию происходило путем насилия и издевательства.[30]

7. Политика польских панов вызывала беспрерывные восстания крестьян на Правобережной Украине. В 30-х годах XVIII века происходила скрытая классовая борьба, народ ждал момента, чтобы открыто выступить против шляхетства и свергнуть иго польского панства.

В то время, когда русские войска в борьбе за Польшу и кандидатуру Августа осаждали Данциг, на Правобережной Украине в каждом воеводстве, как и во всей Речи Посполитой, действовали конфедерации, защищая свою кандидатуру на польский престол. Шляхта была больше настроена избрать на польский престол Станислава Лещинского. Магнаты стояли за избрание Фридриха—Августа. В воеводствах Брацлавском, Киевском, Волынском и Подольском были образованы конфедерации в пользу Лещинского. Они вели войну с магнатами, разоряя их маетки. Силы были неравны. Такие магнаты как Любомирские, Ржевуцкие, Потоцкие имели свою надворную милицию, укрепленные замки; шляхта этого ничего не имела. Для увеличения своих сил шляхта решила использовать крестьян и натравить их против магнатов. Но игра с огнем всегда опасна. Страницы истории рассказывают нам, что крестьяне никогда не стояли за своих феодалов и не поддерживали их. Первоначально они как бы соглашались со своими помещиками, но когда получали в свои руки оружие, оно всегда направлялось против эксплоататоров. Это мы можем проследить в движении Ивана Болотникова, то же и в движении крестьян на Правобережной Украине.

Поводом к восстанию 1734 года послужил один, незначительный сам по себе факт, которому крестьяне Правобережной Украины придали, однако, большое значение.

За год до смерти Августа II-го, в 1732 году, относительное спокойствие на Правобережной Украине нарушило русское правительство. По «вечному» миру 1686 года территория между реками Тясмином и Стайками, где города и деревни были выжжены, была объявлена нейтральной; ни

русские, ни поляки не населять ее, ни строить там городов не имели права.

Когда в 1714 году Правобережье опять вошло в состав Речи Посполитой и окончательно было закреплено за нею, польская шляхта, не спрашивая разрешения у русского правительства, начала постепенно заселять нейтральную зону и притом выходцами из Левобережной Украины. На протяжении 17 лет (с 1715 по 1732 гг.) здесь уже было выстроено 14203 двора.[31]

Когда русское правительство узнало о том, что нейтральная территория заселена украинцами, а управляют ею польские паны, оно сразу же приказало русскому послу в Варшаве напомнить полякам статьи «вечного» мира и заставить их покинуть города и села, незаконным образом захваченные.

Поляки этого распоряжения не выполнили. Тогда Киевский генерал-губернатор Вейсбах в августе 1732 года посылает на Правобережье генерала Шафирова с большим отрядом казаков и драгун, объявившего жителям деревень, чтобы они находились под державой русской императрицы и не подчинялись бы полякам. Слух об этом факте разнесся по всей Правобережной Украине и зажег искру надежды у крестьян на освобождение.

Летом и осенью 1733 года, когда конфедерации были в полном разгаре и все больше давили этим крестьян, в низах нарастала ненависть. Правда, когда их привлекали шляхтичи на свою сторону, чтобы они выступили против магната, крестьяне не отказывались и от этого, но с энергией делали свое основное дело.

В конце лета 1733 года крестьяне начинают нападать не только на сторонних панов, а выступают и против своего хозяина. Осенью 1733 года в Правобережную Украину выступили из Киева войска во главе с генералом Кейтом и князем Шаховским, чтобы поддержать ставленника царизма Августа III. Среди крестьян стало заметно оживление. Это оживление можно объяснить присутствием русских войск и запорожских казаков, которые с радостью были встречены украинским народом. Крестьяне Правобережья были уверены в том, что русские войска и запорожские казаки изгонят шляхту из пределов Правобережья и присоединят его к России.

Между крестьянами появился слух о том, будто русские военные начальники и их Уманский полковник разрешил по

указу императрицы грабить богатых евреев и панов, «грабить города, деревни и поместья».[32]

На самом деле было совершенно не так. Когда в Умань приехал русский полковник Полянский, он обратился к надворным казакам с призывом, чтобы они вместе с русскими войсками выступили против сторонников Станислава Лещинского. Поняв по своему этот призыв, крестьяне начали восстание в Умане, Шаргороде и в других городах и селах. Во главе восстания стал Верлан, полковник надворных казаков Шаргорода. Как рассказывает писарь, перед восставшими он прочитал указ такого содержания: «Ея императорское величество и пр. и пр. Даю ему команду по Указу ея императорского величества над волохами, казаками и сербами, чтоб служили ея императорскому величеству до смерти».[33]

Во второй половине мая к Верлану начали собираться крестьяне с Качковки, Кузницы, Рожковского ключа, а 30 мая Верлан двинулся с ними в Берсаду. Интересная дата 30 мая, которую избрал Верлан для выступления. Это было воскресенье перед вознесением, когда все крестьяне были дома, и когда можно было легко собрать их под свое знамя. К нему начали приставать восставшие. В начале июня они были в Умани «и там все присягали воевать с иноземцами, а именно ляхами на благо ея императорского величества».[34] Первым здесь присягал Верлан, полковник имений воеводы Сандомирского, сын его, Кыфа, ротмистр из Марковки князя Четвертинского, Саза, сотник из Комаргорода. Через три дня восставшие тронулись из Умани в Комаргород. Крестьяне соседних сел начали силою приводить не приставших к восставшим начальников надворных казаков. Силы восставших все увеличивались. Верлан вместе со своими помощниками расправлялся с теми, кто занимался грабежом в районах восстания. «50 человек послали на тех казаков, которые осмелились грабить Шаргородские земли, а именно на Савву, Комаргородского сотника».[35] Заодно с восставшими действовали и запорожские казаки ,которые так же, как и крестьяне, расправлялись с польскими панами. Во время этого восстания пощады не было и богатым евреям. Были частые случаи, когда зопоржцы крестили евреев в православную веру, и давали им равные права.[36]

Паны в страхе бежали из своих имений в пределы Речи Посполитой. Крестьяне начали захватывать «ляшские стада и скот».[37] Отряды восставших все возрастали. Писарь Кифы

говорит: «Вначале я был писарем у Кифы писал список его отряда по его приказанию... но потом, когда стало собираться все больше людей»,[38] он бросил писать список и стал рядовым. Верлан и Писаренко уже имели до полторы тысячи одних только надворных казаков.[39] Против восставших выступил Роговский, комиссар Сандомирского воеводы, но он был разбит, и район восставших расширился за счет Рашкова. Один из участников восстания показал, что у них «в лагере москали заверяют, что Украина и Русь до Збруча и Случи принадлежит со всем — ея императорскому величеству», а Григорий Горобец показал, что ему и его товарищам Верлан говорил: «Уже вся Украина отдана императрице, и что все доходы и аренды имений идут к ней».[40] Во время восстания народ поднял имя своего национального героя Самуся, наказного гетмана заднепровских казаков, умершего еще в начале XVIII века. Один из участников восстания показывал: «Говорят также, что в Немирове находится Самусь, гетман заднепровских казаков с несколькими сотнями конников».[41] Настолько популярна была личность Самуся среди крестьян, что имя его в народе еще жило, ободряло их в этом восстании.

Восстание начало принимать угрожающий характер. Польские паны начали осаждать русского посла в Варшаве, Киевского генерал-губернатора и даже русское правительство с просьбой подавить восстание. И действительно, при помощи русских войск восстание было подавлено. Верлану с незначительной группой удалось уйти за границу. Месть и расправа польских панов была самой жестокой.

Восстание было подавлено, но крестьяне, затаив злобу, лишь на время примирились с создавшимся положением и ждали нового случая, чтобы с новой силой ударить на врага.

Вторым, более крупным восстанием на Правобережье, было восстание 1750 года. Этого восстания исследователи Правобережной Украины почти не касались. Оно до сих пор остается не изученным до конца. Работа, посвященная гайдамацкому движению—«Исследование о гайдамачестве» Антоновича, этому восстанию, как и восстанию 1734 года, не отводит достаточного места, хотя в начале своего исследования автор заявил: «... прежде, чем приступить к рассказу о событиях 1734 года и последовавших за ним гайдамацких походов и крестьянских восстаний, необходимо остановиться на общей характеристике гайдамацкого движения».[42] Но как первому, так и второму восстаниям из работы в 125 страниц

отведено только одна двадцать пятая часть, и то во многих местах автор высказался о восстаниях очень туманно.

По мнению Антоновича, события 1750 года произошли оттого, что в этом году в пределы Речи Посполитой вторглись многие гайдамацкие отряды «как со стороны степей, так и из киевского округа».[43]

А. Ефименко в своей «Истории Украинского народа»[44] несколько строк посвятила восстаниям 1734 и 1768 гг., но о восстании 1750 года совершенно умалчивает. Других историков, кто бы подробно, или хотя бы контурно нарисовал это восстание, я не знаю.

Причины восстания 1750 года, как и восстания 1734 г., развернувшегося шестнадцатью годами раньше, коренились в самой политике польского панства по отношению к украинскому крестьянству. Эта политика выражалась в том, что они все свое умение прилагали к тому, чтобы как можно больше выжать соков из своих подчиненных, тем более людей не польской нации. В этой эксплоатации крестьян на Правобережье полякам везло, в том отношении, что их ничто больше не беспокоило. Для польского панства складывались благоприятные обстоятельства. В 1739 году Россия заключила мирный договор с Турцией, по которому к России отошла территория между Днестром и Днепром, а Польша потеряла общую границу с Турцией и Крымом. Это обстоятельство почти уничтожило страх вторжения татарских полчищ в пределы Речи Посполитой и дало возможность польским панам удалить заботу о границах.

Теперь шляхта и магнаты сосредоточивают свое внимание на эксплоатации украинских крестьян. Они еще больше увеличивают чинш, барщину, все чаще практикуют экстренные работы, которые превращаются в систему, вводят новые поборы, усиливают религиозный гнет. Все это создавало благоприятную почву для крестьянских восстаний.

Украинские крестьяне, получавшие от пана земли, несколько лет пользовались льготами, после чего они превращались в крепостных. Но мысль о свободе никогда не покидала украинского крестьянина.

До тех пор пока граница между Речью Посполитой и Россией была открыта, население Правобережья могло уходить на левый берег. Граница была как бы отдушиной, через которую бежали все недовольные польскими порядками, и этим смягчалась напряженная обстановка в Правобережьи. В начале 40-х годов масса крестьян устремляется на левый бе-

рег Днепра, селится на гетманище, Слободской Украине или уходит в Сечь Запорожскую.

Усиленная колонизация Правобережной Украины началась в 20-х годах XVIII столетия, а сроки «слобод» в 30 лет кончились в пятидесятых годах. К тому же за два года до восстания на Украине был неурожай, крестьяне голодали. Польские паны, не развивая промышленности, все внимание сосредоточивали на сельском хозяйстве, и этим стремились как можно больше собрать хлеба для продажи на рынок.

Все эти причины готовили взрыв на Правобережье в 1750 году. В противовес утверждению Антоновича, восстание в основном началось еще в 1749 году. Из письма Чечеля, чашника Брацлавского, к канцлеру великому коронному 24 мая 1750 года, видно, что еще за год до этого восстания, активную поддержку оказывали пришедшие запорожские казаки. «... Сколь прошедшего года, — писал Чечель, — сечевые и гардовые казаки, несносные мучения, мучительства и грабления в воеводстве Брацлавском учинили, толь наипаче в нынешнем году не только конные казаки в нашем воеводстве, разные чиня нападения, и как шляхтичей, так и разного чина людей грабят до смерти убивают, но и пешие несколько сот человек».[45] Центром этого восстания была Брацлавщина, но постепенно оно начало расширяться и на другие воеводства Правобережной Украины. Особой силы оно достигло в апреле и мае месяце, во время весеннего сева, и пламя его начало охватывать Подолье, Полесье и Киевское воеводство. Главным лозунгом этого восстания было уничтожение крепостничества в Правобережье и присоединение этой части Украины к России. Призывая народ к восстанию, ватажки ссылались на «позволительные грамоты» убивать поляков, грабить и сжигать их маетки.

Весть о восстании на Правобережной Украине разошлась далеко за ее пределы. На помощь им спешили казаки с запорожских степей, из зимовников и гардов, с Левобережной Украины, городов, Подола — все шли на основании «грамот», «указов», и каких-то повелений, якобы данных свыше. Велика была наивная вера и надежда украинского народа на помощь и сочувствие русского правительства и царицы. Когда спрашивали у возвращающихся из Правобережной Украины крестьян—откуда они, то один из них ответил, что «ездили убивать ляхов и евреев, на что у них есть указ», а на Левобережьи «невелено им никакие обиды де-

лать, а кто будет за ними гоняться, то мяса богато на-робить».[46]

Это был глубокомысленный ответ помогавших крестьян своим собратьям на Правобережье. В этом ответе был намек недовольства на украинских помещиков в лице различного рода старшин. Когда Марко Мамай узнал в 1750 году о восстании, он энергично начал собирать людей на помощь, объявляя, «что имеются позволительные грабовать Польшу указы».[47] С этим же призывом в 1750 году шел отряд Гаврила Хвалинского, к которому пристал один из видных руководителей движения Письменный.[48] Запорожские казаки, сирома спешили на помощь крестьянам Правобережной Украины, прикрываясь якобы разрешением Коша Сечи Запорожской и самого кошевого атамана. Пришедшие отряды оказали огромную поддержку крестьянам, перед которыми не только не могли устоять надворные казаки, но и те военные соединения, которые были высланы против восставших. Главный удар восставшие направили на местечко Мошны, которое принадлежало крупному магнату Радзивилу. Дома шляхтичей и богатых евреев были разграблены. Местечко было опустошено. Отсюда восставшие направились под Белую Церковь, в местечко Володарку. Чигиринское староство пылало в огне пожаров. Гарнизоны (если можно так сказать) этих местечек вместе с губернаторами вынуждены бежать из Чигиринского староства. Здесь движение проходило под руководством польского крестьянина из м. Володарки Мартына Тесли. Этот факт говорит о том, что в крестьянском движении на Правобережной Украине вместе с украинскими крестьянами активное участие принимали польские крестьяне, которые были солидарны в борьбе с общим врагом паном-эксплоататором. Уже в мае 1750 года Тесля вместе со своими товарищами: Володарским Харько Ведмеденко и из местечка Ставищ Степаном Безруковым[49], отправляется в Гард к запорожским казакам, где обращается с призывом помочь крестьянскому движению в Правобережье. С такой же целью обратился и польский житель Алексей Письменный[50] и другие ватажки, фактические руководители этого движения. Призыв доходил до далеких уголков Сечи Запорожской, до зимовников, до рыбных ловлей. Сирома бросала Сечь и уходила на помощь крестьянам. Уже 19 мая 1750 года писарь Коша Сечи Запорожской Петр Чернявский в своем донесении к киевскому генерал-губернатору Леонтьеву писал: «Сего года разными часы из вышеписанного подлого и

легкомысленного народа, многие, учиня разглашение (якобы от кошевого атамана позволения есть на поляков приготовляться), в немалые партии, так от вышеописанного здешнего легкомысленного народа, яко и от Малороссиян с разных местечек, сел и деревень и хуторов, некоторые, **оставя своих жен и детей** (подчеркнуто мною — Н. Г.), також овчары и наймиты собираются, и уповательно есть, что они по своему легкомыслию ея И. в-ва, також турецким, полским народом... немалую причину подадут».[51]

Как видим из этого донесения, на Правобережье пошли «наймиты и овчары», кому был близок и дорог такой же брат, томившийся в польской неволе. Они присоединяются массами к Тесле, к Письменному, идут в их загоны, бесстрашно переходя границу. В гарде вместе с запорожцами Тесля выработал план продвижения на Правобережную Украину. Когда собралось вокруг него 50 человек запорожцев, с ними он переправился через реку Синюху мимо русских форпостов и лесами дошли до Володарки и захватили ее.

Крестьяне еще больше воспряли духом, когда узнали, что им на помощь идут сотни запорожских казаков. На одной только речке Мертвые Воды собрался отряд в 324 человека, во главе которго стал ватажек Кониловского куреня Михаил Сухой, а его помощниками были Петро Гамада, Василий Стреляйбаба, Федор Безродный и др.

Этот отряд отправился на Правобережную Украину «мимо Петроостровский форпост... где их караульные солдаты и казаки видели токмо никакого воспрещения не чинили».[52]

Уже в середине мая 1750 г. много городов и сел было охвачено восстанием. К этому времени относится сообщение Чечеля, что «в местностях Гуманских около Гранова, Рашкова, Ладычева, Немирова, Шаргорода, Винницы, Брацлавы, Литина, Бара и даже до Латинова в городах и деревнях великие обиды приключают и до смерти шляхтичей убивают».[53]

Восстание перебросилось на Подолье. Как сообщает шляхтич Модзеловский, «тамошние (т. е. подольские—Н. Г.) крестьяне, уведомясь о приходе 700 казаков из Сечи в Польшу, возмущение учинили и тревога воспоследствовала».[54] Растерялась в испуге польская шляхта, не знала как потушить разбушевавшийся пожар. В своих рапортах все польские начальники просят о помощи, а помощи никто не присылал.

Крестьяне напали на Умань, уничтожили костел, рас-

правились с шляхтой, разграбили их дома, а затем сожгли город.[55] В первых числах мая вокруг Немирова во всех местечках и селах начали происходить поджоги и разорения шляхетских имений. Восставшие, «учиня нападение на местечко Анушанцы, тамо торговых людей совсем разграбили, а их другие товарищи, собравшись поблизости от Немирова в деревню, принадлежащую к старосту Брацлавскому, также разграбили».[56] Немировский губернатор в рапорте Киевскому воеводе 8 мая писал о том, что восставшие напали на Потехе, имение господ Дорожинских, ранили их и разграбили имущество. В этом же рапорте он доносил, что восставшие напали на губернатора Литинского, разграбили его дом, «наличными деньгами забрали 12 тысяч».[57]

Восставшие, во главе с Алексеем Ляхом, направились на местечко Корсунь, где в это время происходила ярмарка. Досталось тем, кто легко обогащался за счет крестьянского пота и мозолей. Для того, чтобы паны не организовали за ними погоню, Алексей Лях распорядился «подколоть» панских лошадей, а сами пошли дальше по над рекою Росью, через деревню Таганчи в Каневский уезд, к старому заклятому врагу, шляхтичу Щенскому, который много бед и слез причинил крестьянам, «много сала залил за шкуру» запорожцам. Для запорожцев был памятный 1749 год, когда они приехали в местечко Ржищев, а шляхтич Щенский ограбил их и надругался над ними. Не доходя местечка Ржищева, отряд Алексея Ляха встретили крестьяне, которые и провели их к замку. Без особого труда восставшие овладели замком Тарахтемировского старосты. Они забрали все, что можно было взять, а замок Щенского сожгли. Крупный отряд, который смертельно напугал панов, был организован ватажком Подолякой. Решительные действия отряда зависели во многом от ватажка, который среди других был необычным. Человек он был грамотный, всю жизнь провел в наймах, десять лет находился в Сечи в услужении зажиточных казаков, а под тридцать лет решил уйти «на свой хлеб», как сам об этом говорит. Организовав отряд, Подоляка с товарищами сумел захватить несколько местечек и сел.[58]

Восстание 1750 года охватило огромную территорию. Оно охватило даже те районы, где польские паны и не ждали на свою голову беды. Один только отряд Ивана Подоляки сумел побывать в Киевском, Овруцком воеводствах и Мозырском Полесье. Страх обуял всех шляхтичей и богатых

евреев. Когда Алексей Письменный со своим отрядом направился на Фастов, куда до этого ни один гайдамацкий отряд не заходил, то в самом городе он не нашел тех, с кем он хотел свести старые счеты — их дома были пустыми, а сами они отсиживались где-нибудь на севере польского государства и в Варшаве.[59]

Паны покидали Правобережную Украину, покидали свои имения на произвол судьбы. Власти были бессильны что-либо сделать для водворения порядка. Еще до открытого восстания региментарь (Антоний) Ожга оповестил дворян Овруцкого и Житомирского поветов о том, что на их территории появилось больше 1000 гайдамаков. В этом обращении он просит панов мобилизовать всю надворную милицию для борьбы с гайдамаками, посылая ее по лесам для уничтожения «гадамацких скопищ», а также оказывать помощь польской армии в борьбе с крестьянским восстанием.[60]

Но все призывы и просьбы регементаря о мобилизации всех сил на борьбу с восставшими крестьянами оставались не выполненными, потому что каждый магнат стремился укрепить свой замок, свой двор, а что будет с его собратьями — это его меньше всего тревожило. Крупные паны — магнаты, как князь Станислав Яблонский, Белоцерковский староста, пан Калиновский — староста Винницкий считали, что и без посторонней помощи можно отсидеться в своих замках. Послать же свою надворную милицию другим панам, значит подвергнуть себя риску.

Винницкий староста Калиновский объявил, что он не может посылать своих казаков на помощь польским войскам, потому что у него едва хватит сил для защиты самой Винницы.[61]

И все же, боясь за свое существование и за господство в Правобережной Украине, польские паны решили принять экстренные меры. Для принятия мер созывали совещания, собрания и даже заседания сеймиков.

Панам удалось кое-как организовать военные силы, но этих сил было недостаточно. И теперь на помощь панам идут украинские паны — казацкая старшина, которая чувствовала в этом 1750 году как никогда плохо. Казаки — сирома были раздражены крепостническими замашками старшины, которая с каждым годом отдалялась от низов и высокомерно начинала относится к своей меньшой братии.

Чернявский доносил, что во время войсковой рады атмосфера настолько накалена, что старшина опасается за свою

жизнь и что от этих злодеев «кошевие ежечасно переменяются». Писарь Сечи Запорожской Чернявский призывал русское правительство прибрать к рукам «злодейственной и легкомысленной народ», иначе «многие казаки так разсвирепеют, яко малороссийским местечкам, селам, деревням и хуторам по сей стороне Днепра имеющимся, разорение учинят».[62]

Вот почему старшина и русское правительство начало принимать активное участие в подавлении восстания в Правобережье, боясь, чтобы в «малороссийских местечках» не вспыхнуло восстание.

Киевский генерал-губернатор посылает команды для поимки гайдамаков. Ловили их на переправах Днепра, на форпостах и в самом Левобережьи.[63] Ловили их партиями, ловили одиночек. Одна из русских команд поймала отряд в количестве пятидесяти одного человека с двумя пушками, мортирою и множеством оружия.[64]

Из коллегии иностранных дел были посланы гетману Разумовскому указания, чтобы он принял участие в «искоренении злодеев».[65]

Польским панам не сразу удалось подавить это восстание, на протяжении осени и зимы 1751 года оно бушевало. Крестьяне после восстания со своими семьями бежали на Левобережье.

Поляк Янушевич жаловался генеральной войсковой канцелярии, что «заграничные бродяги с холопами... с стрельбою и списами»... нападают на дворы, грабят их, а потом крестьяне сел «совсем их домовством, з сынами, дочерями, лошадьми, быдлом и со всею их рухомостью» отправлялись на Левобережье тайным образом.[66]

Восстание 1750 года в общих чертах напоминает 1768 год, а это восстание имеет что-то общее с восстанием 1734 года. Я бы сказал, что эти восстания однородны и что их отделить друг от друга нельзя. Восстание 1734 года является началом той грозной бури, которая разразилась огненным заревом в Уманской эпопее, а восстание 1750 года является как бы связывающим звеном между ними.

Восстание 1750 года явилось прологом к крестьянскому восстанию 1768 года.

Перед крестьянской войной 1768—1769 годов Польша находилась в тяжелом положении.

В то время, как в Западной Европе экономика прочно становилась на путь капиталистического развития, в Речи

Посполитой она была в отчаянном положении. «Страна, — говорит Энгельс, — которая упорно сохраняла нерушимым феодальный строй общества, в то время как все ее соседи прогрессировали, формировали буржуазию, развили торговлю и промышленность и создали большие города, — такая страна была обречена на гибель».[67]

Сельское хозяйство влачило жалкое существование, промышленность в полном смысле этого слова отсутствовала.

Все было привозное. Польская буржуазия не пользовалась никакими правами. Города в экономике Польши не играли значительной роли.

Где же искать причины трагического положения Речи Посполитой? — «Аристократы несомненно **погубили** Польшу и погубили ее окончательно»[68], так кратко ответил Энегльс на причину гибели Польши.

Этот класс все подчинял своим личным интересам, игнорируя государственные дела, другие классы, упиваясь вином, наслаждаясь другими благами. Все что было заработано кровью и потом крестьянства, все это силой отбиралось ненасытным классом, который все это легко получал в свои руки, так же легко проматывал на бесконечные забавы. Все, что должно итти на укрепление государства, шло в карманы отдельных магнатов, и это не только не считалось преступлением, но даже не принималось за порок.

Часть шляхетского общества видела плачевное положение Речи Посполитой и серьезно задумывалась о реформах, которые, по ее мнению, должны спасти государство. Король Август III далек был от каких-либо радикальных реформ. Основным злом в проведении реформ являлось «либерум вето». Раздавались предложения ликвидировать «либерум вето», запретить конфедерации, увеличить армию, улучшить финансы.

Во время этих споров умер Август III (24 сентября 1763 года). Королем избрали Станислава Понятовского.

Чарторыйским удалось на сейме провести ряд реформ, ограничить «либерум вето». Соседним государствам не хотелось усиления Польши, против реформ выступили магнаты и под их давлением на сейме 1766 года «либерум вето» снова было восстановлено. Екатерина II поддерживала эту группу магнатов. На сейме 1767года русский посол Репнин добился утверждения закона об уравнении в правах диссидентов (не католиков) с католиками.[69] Этот закон являлся

удобным поводом для вмешательства в дела Речи Посполитой. Была восстановлена старая польская конституция.

Тогда сторонники Чарторыйских: Красинский. Пулавский и Потоцкий, в местечке Баре положили начало конфедерации. Каменецкий епископ Красинский начал вести переговоры с Турцией о помощи.

Цель Барской конфедерации, как говорилось в манифесте, заключалась в том, чтобы защищать католическую веру, вольность поляков и Речи Посполитой. В сущности, задачи ее состояли в том, чтобы отменить силой оружия все постановления и освободиться от назойливой опеки русской императрицы. «Объявляя своей целью защиту веры, свободы и народных прав, Барская конфедерация выступала прежде всего против России в интересах независимости страны. Но стремясь удержать разлагавшийся шляхетский строй и выставляя на своем знамени лозунг защиты католической веры против всех диссидентов, «она являлась движением реакционным».[70]

Турция открыто отказалась поддерживать конфедератов, крымский хан отказался от прямого ответа о помощи, ссылаясь на то, что из Порты нет разрешения.[71]

Внутри страны конфедератов поддерживали часть магнатов, многочисленная шляхта, слепо шедшая за магнатами, а также католическое духовенство. Польский народ враждебно отнесся к этому движению.

Избрав центром движения местечко Бар на Правобережной Украине, конфедераты рассчитывали на богатые хлебные районы, способные прокормить конфедератов, а также на помощь соседней Турции.

Но Барская конфедерация послужила толчком крестьянского движения, она определила «тактику и стратегию восставших. Развертывание и подавление ее сказалось также на развертываенении и подавлении крестьянского движения».[72] Как Барская конфедерация есть результат государственного строя феодально-крепостнической Речи Посполитой, так и крестьянская война 1768 — 1769 годов является результатом польской политики и феодального гнета крестьян.

При помощи Барской конфедерации крепостники хотели укрепить пошатнувшийся строй, при помощи восстания крестьяне стремились совершенно уничтожить этот ненавистный им строй.

Организаторы Барской конфедерации начали силой и обманом вербовать крестьян в свои отряды, привлекать на свою сторону надворных казаков.

Украинский крестьянин, носивший жупан надворного казака, не мог стать на сторону конфедератов, а выжидал только момента, чтобы расправиться с угнетателями-панами. В их памяти сохранились образы Богдана Хмельницкого, Наливайка. И там, где появлялись вербовщики конфедераты, надворные казаки прятались в леса, болота или уходили на Левобережье.

Крестьяне, которых силой угоняли в Бар, по дороге разбегались.[73]

Подолье, Брацлавское и Киевское воеводства стали местом грабежа со стороны конфедератов. Украинские крестьяне не хотели подчиняться конфедератам, «оставляли дома свои с имуществом, начали расходиться по лесам и другим местам, где бы только можно прихорониться».[74]

Среди крестьян появились даже слухи, что паны вооружаются с той целью, чтобы «вырезать мужиков» и жаловались русским войскам, — что поляки сжигают их села, угоняют скот, убивают жителей.[75]

Жестокости барских конфедератов вызвали на Правобережье крестьянскую войну. Крестьяне выступали против польских панов не на жизнь, а на смерть.

10. Трудно определить, где первоначально вспыхнул пожар и своим заревом осветил Брацлавское, Киевское воеводства, часть Подолии.

Большинство историков, как русских, так и польских, говорят о том,что искра этого пожара была спрятана в зарослях Мотронинского леса вблизи монастыря, где игуменом долгое время был Мельхеседек Значко-Яворский, ярый поборник православия. Так, православный священник села Прус Гавриил Царик показал, что уже весной 1768 года крестьянский отряд с Максимом Железняком находился в этом лесу.[76]

Место пребывания этого отряда не являлось случайностью. Большинство гайдамацких отрядов поддерживало связь с православным монастырем, получая от него материальную помощь.

В 60-х годах XVIII века Мотронинский монастырь стал центром православия на Правобережной Украине, куда шли крестьяне из далеких мест, где находили пристанище запорожские и гайдамацкие отряды.

Так, еще в 1766 году один казак, по имени Иван, пришел на «послушание» в этот монастырь, собрал ночью в келью православных священников из окружающих сел, говорил,

чтобы они более решительно действовали, вели агитацию против польских панов.[77]

Через 2 года в Мотронинский монастырь приходит на «послушание» Максим Железняк. Он умело использовал благоприятную обстановку для того, чтобы подготовить восстание и стать во главе его. Казак Ивановского куреня М. Высоцкий рассказывает, что первоначально Железняк организовал свой отряд вблизи Мотронинского монастыря и что «набрав там жилых мужиков», отсюда начал восстание.[78]

В подготовке к восстанию Железняк получил поддержку со стороны монастырской братии, которая дала средства на постройку больших сараев для лошадей и 15 котлов для варки каши.[79]

Максим Железняк был сыном крестьянина Правобережной Украины и еще юношей ушел в Сечь Запорожскую. Несладко жилось ему там. Атаман Тимошевского куреня Василий Корж говорит, что Железняк был казаком этого куреня, «родиною Польской области, села Ивкеевки.., с приходу своего годов с пять находился на заработках в услужении».[80]

В этом же донесении киевскому губернатору о Железняке, слова, что он вел себя «честно» были зачеркнуты, так как не в интересах старшины защищать скомпрометированного Железняка. Железняк был на заработках в Очакове, в других местах, где познал жизнь обездоленных людей. Казак он был храбрый, сметливый, грамотный.

По Скальковскому, биография Железняка противоречива и неправдоподобна.

На допросе в Киевской губернской канцелярии Железняк показал, что он сын крестьянина села Медведовки на Чигиринщине, после смерти отца 13 лет ушел в Запорожье и там пробыл 14 лет.

Осенью 1767 года он ушел на Правобережье, где был послушником Ануфриевского, а с весны 1768 года Мотронинского монастыря.

Новые биографические данные о Железняке извлек Гуслистый из Киевского Архива Древних Актов.[81]

В биографии Железняка есть небольшая деталь, которая должна привлечь внимание исследователя. Он имел брата. Брат Максима принимал активное участие в крестьянском движении и особенно развил свою деятельность после ареста Максима. Брат Максима был тесно связан с работными людьми стекольного завода Гуты. На протяжении 2-х лет

работные люди завода прятали его от ищеек польских и русских властей. Через брата Железняк был связан и с работными людьми завода.[82]

...Во все концы далеких уголков Правобережной Украины начали доходить слухи о том, что в Мотронинском лесу создается отряд Железняка. Один из активных участников крестьянской войны, Бондаренко, на допросе показал, что в «Мотронинском монастыре в лесу называвший себя запорожским полковником Максим Железняк собирает запорожских казаков и вольных польских людей для искоренения поляков — узнал и пошел к нему, где было собрано «запорожских и других вольных людей сот семь».[83]

К маю месяцу жестокости конфедератов дошли до предела, и это ускорило выступление Железняка. К нему бежало много украинских крестьян, спасаясь от преследования польских панов. На призыв Железняка начали приходить люди из местечек, городов, далеких зимовников Сечи Запорожской.

18 мая 1768 года Максим Железняк выступил со своим отрядом против польских панов.

Некоторые польские историки утверждали, что Железняк выступал из Мотринского леса с грамотой Екатерины II, в которой как будто бы она призывала уничтожать поляков. Эта «грамота» была помещена потом в одном из сборников в Париже. Железняк выступил 18 мая, а грамота была датирована 20 июня, когда восстание достигло наивысшего предела. Как по форме, так и по содержанию эта «грамота» не соответствует действительности.

Правда, «царские грамоты» в национально-освободительном движении на Правобережной Украине были не новостью.[84]

Сила злобы, сила сознания необходимости борьбы с эксплоататорами объединяла массы крестьян, горожан, батраков и запорожцев в один поток, куда вливались старики и даже женщины.

Вскоре значительная территория Правобережья была охвачена восстанием. Железняк, вместе с лозунгом борьбы с польскими панами за национальное освобождение, выдвинул конкретный лозунг борьбы с конфедератами,[85] который был поддержан крестьянскими массами и горожанами Правобережья. Там, где больше конфедераты бесчинствовали, там более активно выступали народные массы. Это можно показать на примере Жаботина, Медведовки, Канева, Умани[86].

Направляясь на Умань, Железняк со своим отрядом проходил через Медведовку, где к нему присоединились крестьяне и медведовские надворные казаки. Из Медведовки Железняк направился к местечку Жаботин, принадлежавшему князьям Любомирским. Вскоре Жаботин оказался в руках восставших, где сотник Мартин Белуга с большей частью своей команды присоединился к Железняку.[87]

Все, кто из панов и католического духовенства остался жив — все они обратились в бегство.

Чем быстрее Железняк приближался к Умани, тем больше ширилось восстание. Умножались силы, создавались новые крестьянские отряды, которые рассыпались по Брацлавщине, Киевскому воеводству. На помощь восставшим шли из Левобережья, Сечи Запорожской. Пан Казалкевич доносил царскому полковнику Чорбе:

«Бунт возростая в силе, все дальше в Польский край подвигается и умножается».[88]

Он доносил также, что Железняк «успел распустить множество своих воззваний и прокламаций по всей Уманьщине».[89]

Посланные Железняком ватажки как Неживой, Швачка, Бондаренко — поднимали в новых районах крестьян на восстание.

Видный ватажек Неживой изгнал поляков из многих городов Правобережной Украины, устанавливал новые «экономические порядки». Центром Неживого стала Медведовка, откуда он связывался с другими городами и селами. Под его руководством вооруженные крестьяне взяли сильно укрепленный Канев. В руках крестьян, руководимых Неживым, оказалась огромная территория от Канева до пограничного турецкого местечка Балты.

В районе Белой Церкви находились отряды Журбы и Швачки. Как у Неживого центром восстания была Медведовка, так у Швачки — Фастов.

Швачка был тесно связан с другими руководителями восстания как Бондаренко, так и Неживым. Бондаренко всю свою жизнь провел в нужде, работая на пана. Как только узнал о восстании, он немедленно присоединился к нему. Вскоре Бондаренко занял местечко Макаров, откуда руководил другими более мелкими крестьянскими отрядами.

В июне месяце к восставшим крестьянам примыкают работные люди из поташных заводов, они бросают работу и уходят на борьбу с панами.[90]

В Сечи Запорожской остались только зажиточные казаки

Сирома, запорожцы оставляли рыбные ловли, курени в одиночку и группами спешили на Правобережье. Никто не мог уменьшить людского потока, никакие угрозы не останавливали тех казаков, кто сам был родом оттуда, где остались их отцы и матери. Пока такой казак перебирался на Правобережье, он «обростал» людьми, как снежный ком снегом. Много людей уходило на помощь восставшим из Новороссии.[91]

Продвигаясь к Умани, Железняк действовал решительно и умело. Он овладел Смилой, Богуславом, Корсуном. За селами и небольшими местечками начали переходить к восставшим укрепленные города с большим числом надворных казаков.

После того, как Лысянка оказалась в руках восставших, Железняк направил путь на Умань. Это — сильно укрепленный город на Правобережной Украине. Он был окружен валом, острогом и рвом. В центре города находился замок с башней и бойницами.

Владельцем этого города был магнат Потоцкий, который держал в этой крепости полк надворных казаков.

В это время управляющим г. Уманью был Младонович, жестоко эксплоатировавший крестьян, грубо обращавшийся с надворными казаками. Таким образом, почва для восстания была там подготовлена.

Когда жители Умани узнали о движении Железняка к их крепости, они послали к нему казака Дзюбу, который и пересказал, что делается в Умани «и убеждал его (Железняка—Н. Г.) спешить туда, уверяя, что из Умани не втечe навить и дух лядский».[92]

Уманские надворные казаки тяготились условиями, созданными Младоновичем и в душе были на стороне восставших крестьян.

С приближением Железняка в Умань съехались с окружных сел и городов много панов, которые ждали роковой развязки. Часть шляхтичей расположилась в укрепленном городе; другая же часть шляхты и богатые евреи «начали распологаться большими таборами под Грековым лесом», возле Умани.[93]

Младонович энергично начал готовиться к защите города. Не доверяя надворным казакам, он привел их к присяге. К присяге привел и сотника Ивана Гонту. Гонта по своему значению в крестьянском движении не менее замечательная личность, чем Максим Железняк.

Крестьянин села Россошек Иван Гонта служил у пана Потоцкого надворным казаком, с 1757 года старшим сотником Уманских казаков. Он был умным человеком и пользовался большим авторитетом среди крестьян.

И хотя Гонте за хорошую службу отдал магнат в пожизненное владение село Осадовку — уманский сотник пренебрег свим положением и карьерой в шляхетском обществе: он отдал себя в распоряжение народа и через несколько месяцев сложил свою голову на плахе.[94]

Раскаты грома приближались, хотя гроза была еще далеко. Младонович принимал все меры предосторожности. Он приказал закрыть ворота, а внутри города устроить баррикады.[95]

После клятвенной присяги Гонты Младонович и шляхта послали этих вооруженных крестьян против восставших.

На пути к Умани Железняк взял местечко Буки. Чем меньше оставалось расстояние между Гонтой и Железняком, тем больше сыпались доносы в Умань об измене сотника. И тревога Младоновича была не напрасной.

У села Соколовки уманские казаки во главе с Гонтой соединились с восставшими крестьянами.[96]

18 июня восставшие приблизились к городу, рассеяли всех панов, находившихся в Грековом лесу, осадили Умань. Но первый день штурма крепости для Железняка был неудачен. Со стен крепости градом посыпались пули, картечь из пушек. Железняк приказал отступить и перегруппировать силы. За ночь соотношение сил изменилось: На помощь восставшим пришли крестьяне окрестных сел. Общими силами начали делать под стены подкопы. Крестьяне и казаки, оставленные силою в Умани, разбили арестантское помещение, выпустили арестованных на свободу и вместе с ними ушли к крестьянам.

На второй день Умань пала. Железняка и Гонту крестьяне встречали с хлебом и солью. Были арестованы Младонович и паны, с которыми расправились как с классовыми врагами. Польские историки и мемуаристы насчитывают количество убитых панов до 18 тысяч. Эту цифру разоблачает польский документ, написанный в дни, когда восстание еще не было подавлено. Там говорится, что «были замучены... и многие почетные и именитые шляхтичи, числом около 2-х тысяч человек».[97] Последняя цифра более достоверна. После взятия города, восставшие расположились лагерем под Уманью, предварительно забрав пушки и знамена из крепо-

сти, оставив там небольшой гарнизон. Губернатором Умани был назначен один из уманских сотников.[98]

Все польские писатели, а за ними и некоторые русские, утверждали, что в присутствии всего народа, под гул орудийной пальбы Железняк объявил себя гетманом и князем Смелянским, а Гонту полковником уманским и русским воеводою.[99]

Ни один архивный документ об этом не говорит. Популярность Железняка среди народных масс росла с каждым днем. Его имя произносили на огромной территории Правобережной Украины. Все в нем видели своего руководителя. «Многие с тамошних польских подданых католического закона люди, приезжая к нему с разных тех мест, в коих уже ляхи вконец разорены, прося у него, Железняка начальства. И оный Железняк всяко их по достоинству жалует и дает от себя письменный всем людям приказ»,[100] чтобы на местах был порядок и чтобы все подчинялись его власти. Так говорил о Железняке современный документ.

Железняк пытался восстановить какой-то порядок в тех местах, которые принадлежали крестьянам. Он одинаково относился как к православным, так и к католикам, если они не принадлежали к господствующему классу. Всем купцам, кто приезжал на Правобережную Украину или уезжал в другие места, он давал письменный пропуск.

Документы, подписанные Железняком, свято выполнялись народом.[101]

В районах восстания Железняк пытался создать военную организацию, подобную Сечи Запорожской. Лагерь под Уманью был обнесен рвом, укреплен пушками, крестьяне разделены на сотни с сотенным командиром в каждой.[102]

С этого дня Железянк посылает отряды на помощь восставшим; по его указаниям устанавливалась новая власть из представителей народа. «И действительно, — говорит современник, — в местечках Гракове, Теплине, Дашове, Тульчине, Монастырище, Гайсине, Конеле, Басовке, Ладыжине и в смежных деревнях»,[103] крестьяне повторили то, что было создано Железняком в Умани.

11. Весть о восстании на Правобережной Украине разнеслась по всей Речи Посполитой. О восстании узнали правящие круги Варшавы, русский посол Репнин.

Посыльные с донесением торопились в Киев в Воейкову, в Глухов к Румянцеву, в Петербург к Панину. Из Киева Воейков срочно извещал подчиненных начальников Левобе-

режья, боясь, чтобы пламя восстания не перебросилось на российскую сторону, где атмосфера в отдельных местах была также накалена и со дня на день можно было ожидать восстания. Воейков предупреждал кошевого Кальнышевского и всю запорожскую старшину, чтобы они приняли меры к удержанию сиромы в Сечи Запорожской.

Угроза восстания в других районах объединяла польских и русских помещиков. Генерал Кречетников во главе русских войск направился в Брацлавщину и Киевское воеводство. Часть конфедератов пошла на компромисс с польскими и русскими войсками для того, чтобы потушить пожар, угрожавший перекинуться в глубь Речи Посполитой.[104]

Барская конфедерация отошла на второй план. Везде только и говорили о том, чтобы подавить восстание, поймать и казнить руководителей его.

Все крепостники готовили общий удар на врага, а пока что восстание все ширилось и росло. Оно начало достигать границ турецких и татарских владений, проникать в пределы Волыни и Полесья. Поляки на свои силы не рассчитывали и все время обращались за помощью к русским войскам. Многие польские помещики бежали из Правобережной Украины в Киев, Кременчуг и другие города Левобережья.[105]

Большие силы были направлены на подавление восстания в Умани.

Польские, а за ними некоторые русские историки, повторяли версию о том, что Железняка и Гонту русские войска взяли хитростью.[106]

В донесении генералу Кречетникову полковник Гурьев доносил, что он «прибыл под местечко Гумань, нашел в лагере грабителей, к коим послал поручика Кологривова с тем, чтобы они отдались; но оные не допустя его до себя стали стрелять, почему он увидя их сопротивление тотчас атаковал и, не дав им справиться всех взял коих нашлось; наших запорожцев 65, здешних разных казаков 780, при них взято 14 пушек и великое число ружей... и до тысячи лошадей».[107]

Сопротивление восставших под Уманью было сломлено, крестьян отдали для расправы польским панам, запорожцев вместе с Железняком отправили в Киев.

В августе Железняка с другими судили, вырвали ему ноздри и сослали в Сибирь. По дороге в Сибирь он пытался бежать в Новороссию, но его поймали и отправили в московскую тюрьму.[108]

Дальнейшая его судьба неизвестна.

Для подавления восстания на Правобережной Украине послали свирепого и кровожадного пана Стемпковского «с правом меча», т. е. бесконтрольного и неограниченного права жизни и смерти. Ему выдали беззащитных крестьян, уманского сотника Гонту. Судили участников восстания в местечках Троянове, Кодне, Корсуне. Приговор Гонте судебная комиссия вынесла жестокий. Постановили казнить Гонту не сразу, а на протяжении 14 дней. В день казни приговор смягчили до 3-х дней и Гонту казнили в деревне Сербы.

Остальным участникам восстания рубили головы, других вешали или сажали на палю. Трупы казненных паны выставляли по городам, местечкам и селам, вешали на столбах по большим дорогам, запрещая снимать казненных.

Зверства и казни польских панов не прекратили восстания в других районах Правобережья. Восставшие удерживали в своих руках пограничные с Турцией районы, угрожали запорожской старшине расправиться с нею.[109]

И эта угроза была реальной. В Сечи началось брожение, ропот и негодование на старшину, но это пока находило разрядку в другом месте.

После подавления восстания в Умани, русское командование послало войска на подавление восстания в районы Фастова, Канева и других мест. На Правобережную Украину Румянцев послал московский карабинерный полк, из Новороссии—Харьковский гусарский полк, из Киева часть Елецкого полка; Козловский полк, как резерв, был оставлен на польской границе.

Русскими войсками были разгромлены под Белой Церковью отряд Журбы, вблизи Богуслава — отряд Швачки. Такая же участь постигла поздней осенью 1768 и в начале 1769 года и другие отряды.

Часть русских солдат, вступивших на территорию Правобережной Украины против польских конфедератов, была солидарна с восставшими украинскими крестьянами. Поодиночке и группами они начали убегать к восставшим. Русских солдат среди восставших встречаем при нападении на Балту, Палиево Озеро.[110]

Известны два случая, когда на сторону украинских крестьян перешли два офицера царской службы. Офицер русской службы Станкевич организовал крестьянский отряд в 300 человек и выступал не только против польских панов, но и против русских войск. [111]

12. В конце 1768 года в Сечи Запоржской вспыхнуло восстание сиромы, направленное против старшины. Восстание это было неизбежным и предвиделось давно. В Запорожской Сечи все рельефней определялось классовое расслоение, классовая вражда между верхушкой, превратившейся в крупнейших помещиков, и казацкими низами, сиромою. Казацкая старшина не только имела себе подвластных людей в своих богатых хуторах, но постепенно прибирала к рукам всех тех, кого судьба заносила в Запорожье. Почти все документы архива Сечи Запорожской и Генерального суда указывают, что все обездоленные бежали в Сечь для улучшения своего положения. А в Сечи опять попадали в «услужение» казаку-землевладельцу, который эксплоатировал их, как хотел. Дальше путь был один: борьба со старыми и новыми угнетателями, которая выливалась в восстания в самой Сечи. В одном документе 50-х годов XVIII века прямо сказано, что «много казачьего звания поубожили и обнищали... и в посполитые причислено».[112]

Украинские магнаты, выполнявшие службу в качестве старшин, полковников, имели такие богатства, которым мог позавидовать не один польский или русский помещик. Кошевой атаман Кальнышевский имел в зимовниках 639 лошадей, 176 голов крупного рогатого скота, больше 13 тысяч овец, больше 100 коз, кроме свиней, буйволов, ослов, что в общей сложности составляло 16 тысяч голов и оценивалось в 39 тысяч рублей. Только наличных денег Кальнышевский имел 47403 рубля. А сколько недвижимого имущества, построек, ценных вещей было у этого магната!

Запорожский писарь Глоба и войсковой судья мало в чем уступали кошевому.

Казацкая старшина, эксплоатируя низы, стремилась при помощи русского самодержавия ликвидировать всякую выборность в Сечи, но сирома не сдавалась и время от времени открыто выступала против старшины.

Как только началось в 1768 году восстание на Правобережной Украине не без участия сиромы, казаки грозили в Сечи старшине, что «придет очередь и до вас и уже никому пощады не будет».

...К 26 декабря 1768 года в Сечь Запорожскую, по старой традиции на рождественские праздники, съехались из зимовников казаки, для того, чтобы вместе «погулять святки», а главное участвовать в новых выборах старшины, как это делалось в прошлом.

Рядовые казаки были недовольны тем, что старшина способствовала подавлению восстания на Правобережье, а казаков, принимавших там участие, ловили, сажали в пушкарню, ямы и жестоко наказывали.

Наступали рождественские праздники. Казаки внешне были спокойны, ничто не предвещало опасности для старшины. День 25 декабря прошел спокойно. Во время кулачного боя, когда он в отдельных местах начал переходить в драку, 26 декабря пять человек рядовых казаков было арестовано. Это послужило поводом к восстанию. Казаки бросились к пушкам, ударили в литавры, подняли тревогу в Коше, и «вся чернь... с великим криком и стрельбою сбунтовалась».[113]

Восставшие напали на дома казацкой старшины и кошевого. Кошевому грозила смерть, но он сумел «тайным образом через верх потолошный» уйти и скрыться в русском ретранжементе.

Под крыло русских властей бежала и другая старшина. Вскоре весь кош был в руках восставших; дома старшины и кошевого были разграблены.

В ночь на 27 декабря восставшие разбили пушкарню и освободили своих товарищей. На второй день все они были в сборе и решали, кого избрать кошевым и другую старшину.

В это время в целях разведки в Сечь прибыл русский офицер Маркевич, в присутствии которого избрали нового кошевого, старого казака Федорова. Рядовые казаки достигли желаемого и вместо дальнейшей борьбы со старшиною — успокоились.

Новоизбранный кошевой Федоров по совету Маркевича приказал казакам разойтись, что и было выполнено.

В это время по команде майора Микульшина русские войска ворвались в Сечь, многих убили, остальные спасались бегством в плавни и по другим местам.[114]

Старые кошевой и старшина стали у власти. Началось следствие. На протяжении 3-х лет искали виновников этого восстания, многих сослали в вечную ссылку в Сибирь.[115]

Пока в Запорожской Сечи расследовали дело о восстании, на Правобережье оно не утихало. В марте м-це 1769 года в Смелянщине появился новый отряд ватажка Губы в количестве 700 человек. Князь Прозоровский приказал «...стараться оного (Губу—Н. Г.) изловить, дабы из того худые следствия выйдить не могли.».[116]

Только в апреле рассеяли отряд Губы. Не успевали в од-

ном месте подавить восстание, как в другом оно вспыхивало с новой силой.

Два года продолжалось восстание, и только летом 1769 года оно было подавлено. Силы крестьян не были сломлены, мелкие отряды продолжали борьбу с польскими панами до самого падения Речи Посполитой.

Крестьянская война на Правобережной Украине 1768 — 1769 гг. была самой крупной из всех восстаний происходящих там в XVIII веке.

Она охватила почти все Правобережье и своим стремительным потоком разгромила и уничтожила много панских маетков, укрепленных городов и местечек.

В восстании 1768—1769 годов украинский народ боролся против крепостничества, национального и католического гнета. В этой борьбе украинский народ проявил мужество и геройство, показал свою непримиримую волю к освобождению.

Крестьянское восстание Правобережья перебросилось в Сечь Запорожскую, со всей силой обрушилось на старшину, угнетавшую казацкие низы.

Восставшим украинским крестьянам сочувствовали русские солдаты, поодиночке убегавшие на их сторону.

В борьбе с крепостниками народные массы выдвинули таких руководителей как Гонту и Железняка, память о которых будет вечно жить среди народа.

Но силы были неравные. Плохо вооруженные и слабо организованные, крестьяне не могли устоять против регулярной русской армии и польских отрядов. Они были разбиты и были выданы на расправу польским панам.

Восстание потерпело поражение и потому, что оно носило стихийный харкатер, не было достаточно организовано, отсутствовал план и руководство, не было определенной программы.

Основная причина поражения заключалась в том, что тогда не было еще рабочего класса, который мог бы возглавить это движение.

«Крестьянские восстания, — учит И. В. Сталин, — могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями, и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями. Только комбинированное восстание во главе с рабочим классом может привести к цели».[117]

Хотя восстание было подавлено, но оно подрывало феодально крепостнические устои Речи Посполитой и способствовало рузрушению основ угнетения в Сечи Запорожской.

Документы, монографии и статьи, использованные в статье „Колиивщина“

1. Киевская старина 1882, № 1—3 (Описание бедствия, постигшего Умань и всею Украину в 1768 году). Реляция или Нарратыва замишання Украинского (на польском языке) в сборнике «Документы, объясняющие историю Южно-Западного края и его отношения к России и Польше». Спб. 1865 г., Киевская старина. 1882, № 10—12. Отрывок из записок Анонима 1768 г. ...**«Верние описание речи зактов кластора Уманьскиего»** . (на польском языке. Помещ. в сборнике «Документы, объясняющие историю Южно-Западного края. Спб. 1865 г.). Записки Липомана в книге Рачинского «Образы поляков и Польши» т. XV, 1842 г.
2. **В. Кребс.** Уманьская резня. Киев 1879 г.
3. **Максимович.** Собрание сочинений т. I под редакцией Антоновича. 1876 год издания.
4. **Скальковский.** Наезды гайдамаков на Западную Украину в XVIII столетии. Одесса 1845 г., стр. 7, 14.
5. **Скальковский.** История новой сечи т. 2, стр. 281.
6. **В. Антонович.** Исследование о гайдамачестве. Киев 1876 г.
7. Киевская старина, 1893, кн. 1—3, стр. 163.
8. Киевская старина, 1893, кн. 1—3, стр. 166.
9. **В. Антонович.** Исследование о крестьянах в Юго-Западной России по актам 1700 — 1798. Киев 1870, стр. 27.
10. **В. И. Ленин.** Соч. т. 17, стр. 96—97 (нов. изд.)
11. **Д. Л. Мордовцев.** Гайдаматчина т. 1. 1870, том 2, 1902 г.
12. Там же, предисловие.
13. **Я. Шульгин.** Очерк Колнивщины по неизданным и изданным документам. Киев 1890 г.
14. Там же, стр. 104.
15. **Фонды ХАДА.** 10, 7, 16, и другие.
16. Архив Юго-Западной России, часть III, том III, часть I, том II, часть III, том II, часть IV, том II, изданные Антновичем, Лебединцевым, Иванышевым. Материалы для истории Южно-Русского края в XVIII столетии (1715—1774) извлеченные из Киевского архива Андриевским. Одесса 1886. Реляции Киевского генерал-губернатора за 1768 и 1769 гг. Журнал «Чтения в историческом обществе Нестора Лето-

писца». 1893 г. кн. 7, Переписка гр. П. А. Румянцева о восстании на Прав. Украине. Киевская старина за 1882 и 1883 гг., Материалы для истории Колиивщины. Киевская Старина за 1882 г., Журнал Кречетникова. Чтения в обществе истории и древностей Российских. 1863 г. т. III, Материалы до истории Колиивщины в записках Науковского товарищества им. Шевченко № 57, 62; Документы, объясняющие историю Южно-Западного края и его отношение к России и Польше, Спб. 1865, Украинский архив, т. II, 1931 (Кодненская книга), Скальковский. История Сечи или последнего коша запорожского Одесса 1846 г., П. Кулиш. Записки о Южной Руси т. I, II, Спб. 1857; В. Истомин. К вопросу о причинах, порождавших народные реакции в XVIII веке. Университетские известия. Киев 1892; № 2, В. Антонович. Украинский сотник Иван Гонта. Киевская Старина 1882, Мякотин. Крестьянский вопрос в Польше в эпоху ее разделов. Спб. 1889; Н. Костомаров. Последние годы Речи Посполитой, Спб. 1905, том XVII—XVIII; С. Соловьев. Европа в конце XVIII века. Русский вестник. 1863, № 2, Бантыш—Каменский. История Малой России, т. II, III, М. 1843, и др.

17. Материалы для истории Южно-русского края в XVIII ст. 1886, стр. 59; 60; 63. юхэчфющющ
18. Там же, стр. 66—67. Смотри ХАДА фонд 10, дело 943; фонд 26 дело 607, 416.
19. Полное собрание законов, т. IX, № 6534; ХАДА фонд 26, дело 416 лист 11.
20. **ХАДА,** фонд 10 дело 943, 974, 1103, 935, 976, 1124, 1334, 1187, фонд 26, дело 416.
21. **ХАДА,** фонд 7, дело 17.
22. ХАДА, фонд 7, дело 17, фонд 9 дело 2700.
23. Слово «Гайдамак» впервые упоминается в польском универсале в 1717 году. Архив Юго-Западной России ч. III. т. III, стр. 23.
24. Большинство историков этого лагеря рассматривали гайдамаков и гайдамачество, как что-то близкое к разбойникам, нападавших на панов, и преследующих только личные выгоды.
25. **ХАДА,** фонд 10, дело 476, 1565, 974, 946, 943, 1103;
26. **ХАДА,** фонд 10, дело 878, 943, 975, 926, фонд 16 дело 59, 105, 227
27. ХАДА, фонд 16 дело 227, фонд 10 дело 1103, материалы для истории Южно-русского края XVIII ст. 1886, стр. 425—426, стр. 430—431.
28. В. Антонович. Исследование о гайдамачестве... стр. 31, ХАДА фонд 10 дело 775, 776, 1565. П. Кулиш. Записки о Южной Руси, т. II, стр. 114.
29. О зверствах поляков над запорожцами и гайдакамами см. ХАДА ф. 16 дело 5, Антонович. Исследование о гайдамачестве, стр, 98 Скаль-

ковский Наезды... стр: 5; материалы. : : Андреевского стр, 58:
30. История Руссов (припис. Кониcскому), стр: 137; **материалы для истории** православия в Западной **Украине** в XVIII в.; ХАДА фонд 10, дело 2430
31. **В, Герье,** Борьба за польский престол в 1733 году, стр. 34—86.
32. **АЮЗР,** ч. III, т. III, документ 38.
33. Там же.
34. Там же.
35. Там же.
36. Там же.
37. АЮЗР, ч. III, т. III, документ 35—40
38. Там же, документ 38.
39. Там же.
40. Там же,
41. Там же.
42. **АЮЗР,** ч. III, т. III, предисловие, стр. 11.
43. Там же, стр. 124.
44. **А. Ефименко.** История Украинского народа, СПБ, 1906, стр. 348.
45. Материалы для истории Южного края XVIII ст. Одесса, 1886, стр 195.
46. **ХАДА,** фонд 10, дело 935.
47. **ХАДА,** фонд 10, дело 936.
48. **ХАДА,** фонд 10, дело 974.
49. **АЮЗР,** ч. III, т. III, документ 258:
50. Там же, документ 257.
51. Материалы для истории Южно-русского края XVIII ст., стр. 187:
52. Там же, стр. 431—432.
53. Там же, стр. 195.
54. Там же, стр. 204.
55. **АЮЗР,** ч. III, т. III, документ 259.
56. Материалы для истории Южно-русского края XVIII ст., стр. 204.
57. Там же,
58. **АЮЗР,** часть III, том III, документ 252.
59. **АЮЗР,** часть III, том III, документ 257.
60. **АЮЗР,** часть III, том III, документ 208.
61. **АЮЗР,** часть III, том III, документ 227.
62. Материалы для истории Южно-русского края XVIII ст., стр. 189.
63. **ХАДА,** фонд 10, дело 933, 935, 936, 974, 976, 978.
64. Материалы для истории Южно-русского края XVIII ст., стр. 193—194.
65: Там же,
66. **ХАДА,** фонд 7, дело 17.
67. **Маркс и Энгельс**; соч. т. XVI ч. II, стр. 11.
68. **Маркс и Энгельс,** соч. XIII, часть I, стр. 159.
69. В Польше **диссидентами** называлось **некатолическое** население.

70. С. **Иваницкий.** Значение Барской конфедерации в истории крестьянского восстания. Ученые записки Ленинградского пединститута им. Герцена, том XIX.

71. Реляции Киевского генерал—губернатора за 1768—1769 годы. Чтения в истор. обществе Нестора Летописца. книга 7, 1893.

72. **С. Иваницкий,** цит. работа.

73. Реляции Киевского генерал-губернатора... стр. 135, материалы к истории Колиивщины. Киевская Старина, 1882, книга 8.

74. **АЮЗР,** часть I, том III, стр. 691.

75. **И. Франко,** Вирша про Барску конфедерацію: Записки Наукового Товарищества им. Т. Шевченко, том 57, стр. 6, Киевская старина, 1882, книга 8, стр. 307—308.

76. **ХАДА,** фонд 10, дело 2430.

77. Там же.

78. **ХАДА,** фонд 16, дело 227.

79. Документы, объясняющие историю Юго-Западного края, стр. 456—458.

80. **ХАДА,** фонд 10, дело 227, лист 7—9.

81. Гуслистый. Колиивщина в твор. Шевченко: Сборник памяти Шевченко АН УССР, 1933, стр. 133.

82. **ХАДА.** Семейный фонд Поповых, дело 18.

83. Гуслистый, цит. работа, Киевская старина, 1882, книга 3, стр. 546,

84: О подобных грамотах говорили восставшие крестьяне Правобережной Украины в 1734 и в 1750 гг. ХАДА, фонд 10, дело 976, 933. Подложная грамота Екатерины была обнародована в Париже в 1862 году, перевод ее в книги В. Кребс, Уманская резня (предисловие Ревы, стр. 11—12).

85. **ХАДА,** фонд 10, дело 2340.

86. Материалы для истории Колиивщины. Киевская старина, 1882, книга 3, стр. 313.

87. **Скальковский,** наезды... стр. 73—74.

88. Материалы для истории Колиивщины. Киевская старина, 1882, книга, 3, стр. 305.

89. Там же,

90. Украинский архив. Коденская книга Судовых справ. 1931 г. стр. 19, 41, Киевская старина 1882, том III, стр. 308, 541, 544, 572, фонд 16, дело 222.

91. **ХАДА,** фонд 16. дело 227, лист 15, 73, дело 228, лист 103—188.

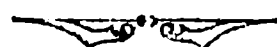
92. **Максимович;** том 1, стр. 635—636.

93. **В. Кребс.** Уманская резня... стр. 19.

94. **Антонович.** Иван Гонта, Киевская старина, 1882; кн. 10—12, В. Кребс, Уманьская резня, стр. 17—18.

95. Описание бедствия, постигшего Умань и всю Украину в 1768 году. Киевская старина № 1—3, 1882, стр. 523—524.

96. Там же, стр: 523.
97. О осаде и взятии Умани. В. Кребс, Уманьская резня, Уманьская беда. . ., описание бедствия, постигшего Умань и всю Украину в 1882 году, 1882, № 1—3.
98. **ХАДА,** фонд 16, дело 227, лист 28—29.
99. **Скальковский,** наезды... стр. 197. Мордовцев Гайдаматчина, том II, стр. 192, Уманская беда. Основа, 1862 № 3, стр 19.
100. **ХАДА,** фонд 16, дело 227, лист 43.
101. **ХАДА,** фонд 16, дело 227, литс 19.
102. Уманская беда. Основа, 1862, № 3, стр. 19.
103. Там же, стр. 20.
104. **ХАДА,** фонд 16, дело 227, лист 53, Сборник памяти Шевченко УАН, 1939 г. стр. 147, ХАДА, фонд 16, дело 228, Киевская старина, 1882, август, стр. 304—305.
105: Материалы для истории Колиивщины. Киевская старина, август, стр. 304—305.
106. Уманская беда. Основа, 1862 № 3, стр. 21,
107. Чтения в обществе истории и древностей российских. 1863, том III, стр. 175.
108. **ХАДА,** фонд 16, дело 227, лист 180, соч. Державина, том VI, С.П.Б., 1871, стр. 454—456:
109. **ХАДА,** фонд 16, дело 227, лист 38—39.
110. **ХАДА,** фонд 16, дело 227; Киевская старина, 1882, № 10—12.
111. Киевская старина, 1883, № 10—12, стр. 266—267.
112. **ХАДА,** фонд 16, дело 345, лист 7.
113. Вестник Екатеринвиского земства, 1804 г. № 26, документ 1-й.
114. Там же.
115. Там же, документ № 3, ХАДА, фонд 16, дело 253.
116. Переписка П. А. Румянцева. Киевская старина, 1883, № 10—12, стр. 273—274.
117. **И: В: Сталин,** Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом стр. 9: Падтиздат, 1933,

Н. П. ГРИЦЕНКО
доцент, кандидат исторических наук

Дело о потомках Сусанина в Симбирской губернии

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Польско-шведские интервенты пытались в начале XVII века поработить нашу Страну.

1611—1612 гг. особенно были тяжелыми для русского народа. 3-го июня 1611 года пал Смоленск. Шведы из союзников В. Шуйского превратились в открытых интервентов, захватили 16-го июля 1611 года Новгород. Первое ополчение, выступившее против поляков, летом 1611 года распалось. В 1612 году поляки проникли вглубь России. Юго-восточные земли русского государства в то время подвергались постоянному разорению со стороны ногайских татар.

И в этот грозный час, когда часть русских земель была в руках интервентов, когда многие города и села были разграблены и сожжены, когда в самом государстве шла ожесточенная борьба — в этот час на защиту своей родины поднялся народ, чтобы изгнать иноземных захватчиков, отстоять свою культуру, обычаи, национальную независимость.

В борьбе с иноземными врагами народ выдвинул таких вождей, как Минин и Пожарский, которые, возглавив второе ополчение, после кровопролитных боев, 26-го октября 1612 г. освободили Москву от поляков.

В период борьбы за освобождение Москвы и русского государства, кроме ополчений, возникло много партизанских отрядов, состоявших, главным образом, из посадского и крестьянского населения.

В борьбе с польско-шведскими интервентами народные герои, имена которых не дошли до нас, показали образцы героизма. Современник поляк Маскевич рассказал об одном безымянном русском герое: «В деревне Вышенце мы пой-

мали старого крестьянина и взяли его в проводники, чтобы не заблудиться и не набрести на Волоколамский, где стоял неприятель. Он вел нас в одной миле от Волока, ночью же нарочно повернул к сему месту. Уж мы были от него в одной только версте. К счастью, попался нам пан Руцкий и от него мы узнали, что сами идем в руки неприятеля, и поспешили вернуться. Проводнику отсекли голову».[1]

Подобные патриоты, как старик крестьянин, жгуче ненавидели своих врагов. Они мужественно боролись за честь и независимость своей страны, во имя ее совершали легендарные подвиги, а если нужно, то отдавали и свою жизнь.

Среди них выделяется яркий образ Ивана Осиповича Сусанина, подвиг которого сохранили века и донесли до нашего времени. Личностью его интересовались в XVIII—XIX веках, его деяние отметили писатели и историки нашей страны[2], его образ запечатлен в гениальном творении Глинки.

Чем дальше в прошлое уходят яркие страницы истории начала XVII века, тем все рельефнее вырисовывается Сусанин перед его потомками.

Он пожертвовал своей жизнью за независимость своего отечества. «Как верный сын отечества, Сусанин захотел лучше погибнуть, нежели предательством спасти жизнь» (Рылеев).

Сусанин любил свою родину и желал ее видеть свободной и независимой. Своим героическим поступком он спасал не Михаила, а русское государство от интервентов.

Монархические историки от Щекатова и С. Глинки, до Платонова и краеведа Мартынова подвиг И. Сусанина использовали в своих реакционных целях. В ответ на монархическую фальсификацию образа Сусанина, некоторые историки выступили против признания исторической личности Сусанина и в частности Н. И. Костомаров, который основываясь на том, что о Сусанине существует только один официальный документ-грамота царя Михаила, данная Богдану Собинину в 1619 году, а в других как русских, так и в иностранных «тогдашних сочинениях, несмотря на множество подробностей хорошо очерчивающих эту эпоху, нет ни слова об этом подвиге». Историк С. М. Соловьев доказал неосновательность доводов Костомарова и восстановил правдивость подвига Сусанина, хотя и он исходил в оценке личности Сусанина из монархических позиций.

В Ульяновском Областном Архиве, в фонде Удельной конторы и частном фонде историка краеведа Мартынова находится целое дело о потомках Сусанина. Оно рассказывает нам о следующем.

В 1619 г. царь Михаил дал жалованную грамоту зятю Сусанина—Богдану Собинину, крестьянину дер. Коробово, в 3-х верстах от Домнино.[3] По этой грамоте Богдан Собинин получил в вечное пользование землю, освобождался от всех податей и повинностей. Этими льготами пользовались все потомки Сусанина.

В середине XIX века потомков Сусанина постигла царская немилость.[4] В 1857 г. Александр II-й посетил село Коробово. После отъезда царя, как видно из письма Андрея и Капитона Тимофеевых к Александру II-му, «вскоре затем по наветам на наше село последовало на нас... чиновничье преследование и мы без суда и мирского приговора лишены были прав и удалены из места жительства».

Расправа была жестокой. Правительство приказало разорить старые гнезда и переселить потомков Сусанина в далекое Поволжье. «За бесценок продали мы наши дома и собственные земли и переселенные Симбирской губернии Буинского уезда в село Бурундуки».

Местному начальству Симбирской губернии было строго предписано: «По высочайшему повелению перечислены в 1858 году в село Бурундуки Баргановского приказа в число удельных крестьян потомки Сусанина, крестьян села Коробова Андрей Тимофеев и Константин Тимофеев с семейством, с подчинением их самому строгому надзору местного начальства».

Прибыв на новое место жительства, потомки Сусанина очутились в тяжелом положении. Они не нашли здесь «для себя возможности изыскивать средства для безбедного существования». В Коробове, как видно из документов, Тимофеевы занимались льноводством, что, повидимому, было источником их существования, в Симбирской же губернии лен плохо родился, поэтому Андрей и Капитон просили, чтобы им разрешили уйти на промыслы.

После бесчисленных просьб мировой посредник Буинского уезда в 1863 году предписал Баргановскому волостному старшине «выдать крестьянам села Бурундук Андрею и Капитону Тимофеевым, бывшим белопашцам села Коробово, согласно их просьбы, билеты на отлучку им для промышленностей в Сызранский уезд, сроком не более 7-ми месяцев».

Невыносимые условия, созданные для них в Симбирской губернии, заставили потомков Сусанина обратиться в 1861 г. к царю с просьбой — «дозволить нам возвратиться в наше прежнее жительство (где у нас осталось 7 десятин земли),

или на общих основаниях приписаться в одну из окрест его находящихся удельных деревень».

Что же послужило причиной гонения на потомков Сусанина? В пятидесятых годах XIX в. перед крестьянской реформой на огромной территории Российской империи происходили беспрерывные крестьянские волнения, когда масса крестьян бежала от своих помещиков. Повидимому, этим беглым крестьянам оказывали помощь жители села Коробова. По донесению протоиерея этого села, Тимофеевы «были главными виновниками возникших в селе Коробове беспорядков и связей с беглыми».

По известным мне архивным документам невозможно восстановить причин «беспорядков» в селе Коробове, но Тимофеевы играли видную роль в этом движении.

На запрос, могут-ли возвратиться в село Коробово Тимофеевы, тот же протоиерей ответил, что они «не могут подать надежды на исправление», а поэтому правительство остановилось на прежнем решении.

После длительной переписки, в январе 1864 года, мировой посредник Буинского уезда, получил следующее уведомление: «...Департамент уделов с утверждения его сиятельства г. министра императорского двора, от 23 минувшего декабря за № 18649 предписал объявить крестьянам Андрею и Капитону Тимофеевым, что просьба их о возвращении в село Коробово оставлена без последствий».

Андрею и Капитону не суждено было вернуться на родину: первый умер в 1875 г., а второй — через 10 лет. После смерти Андрея и Капитона, действительная фамилия которых должна быть Собинины (по имени зятя Сусанина, Богдана Собинина), дети их получили фамилию Сусаниных, которая сохранилась до XX века.

В большой Сайман Ардатовского уезда был выслан потомок Сусанина Осип Гаврилович Валов. Ему удалось переехать в с. Батраки, где он и умер. Потомки его также сохранили фамилию Сусаниных.

Как и Сусанин, так и его потомки были далеки от квасного патриотизма. Сусанин и его потомки были подлинными патриотами: первый пожертвовал своей жизнью в целях сохранения независимости русского государства, вторые, лишаясь всех привилегий и льгот, выступали против существующего порядка вещей, боролись за народное счастье.

Литература о потомках Сусанина в Симбирской губернии

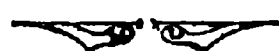
1) Сказания современников о Дмитрии Самозванце, V стр. 116.

2) И. Васьков. Собран. историч. извест., относящихся до Костромы. М. 1792; Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Книга 2-я, стр. 1897: СПБ. Изд. товарищества «Общественная Польза»; Н. Костомаров — Исторические монографии и исследования, т. I, СПБ: 1872; Предания о Сусанине изложены А. Доминиским в Статье «Правда о Сусанине». Русский Архив 1871 г., К. Рылеев. Стихотворения Советский писатель. 1938 г., В. Самойлов. Народный герой Иван Сусанин. Исторический журнал № 5 за 1939 г.

3) Собрание государственных грамот и договоров. Часть 3-я стр. 214, 215. М. 1882, Эта грамота была подтверждена другими в последующие царствования; 1691, 1767, 1837. гг.

4) В Ульяновском Областном Архиве; в частном фонде Мартынова (фонд № 853) находится «Дело по предписанию Департамента Уделов с прошением переселенцев, потомков Сусанина из села Коробова Андрея Тимофеева и Капитона Тимофеева в число удельных крестьян, в село Бурундуки, Баргановского приказа о возвращении их на прежнее место жительства в село Коробово или другое какое-либо селение близ села Коробово... начато 1 апреля 1863 г. Окончено 3-го апреля 1864 года». В фондах удельной конторы Ульяновского Госархива также имеются материалы о потомках Сусанина. Фонд 318, дело 1152.

Об этих материалах упоминалось в протоколе заседания Симбирской губернской ученой архив. комиссии. Журнал 7-го заседания Симбирской губ. Учен. арх. комиссии 3-го июля 1896 г. Частично эти материалы были использованы местным краеведом Мартыновым в брошюре — «Потомки Сусанина на территории Симбирской губернии». Симб. 1913.

П. БЕЙСОВ
доцент, кандидат филологических наук

„Губернская фотография“ Д. Д. МИНАЕВА

Сатирическая журналистика достигает значительного развития в 50—60-е годы XIX в. Из сатирических журналов этого времени выделяются «Искра» и «Гудок» под редакцией Д. Д. Минаева. Они наиболее близки «Современнику» Чернышевского и Добролюбова, а затем «Отечественным запискам» Некрасова и Салтыкова-Щедрина. Творческая деятельность писателей и поэтов в области политической сатиры определялась идейными позициями революционной демократии. О значении поэзии искровцев хорошо сказала Н. К. Крупская: «Поэты «Искры», их сатира имели несомненное влияние на наше поколение, — писала она в статье по поводу сборника «Искры».—Они учили всматриваться в жизнь, в быт и замечать в жизни, говоря словами Некрасова, «все недостойное, подлое, злое». Они учили разбираться в людях ... Мне кажется, что на нашу оценку людей сильнейшее влияние оказали поэты «Искры».

Одним из видных поэтов-искровцев был Дмитрий Дмитриевич Минаев. Он был деятельным сотрудником «Современника», «Русского слова», а с 1860 года—сотрудником «Искры». Нет ни одного номера этого журнала без минаевского материала. В 1862 году он редактировал сатирический журнал «Гудок».[1] В этом году им было написано произведение, которое не получило должной оценки до настоящего времени. Речь идет о «Губернской фотографии», написанной в конце 1861 г. или в начале 1862 года. Это произведение является ярким и своеобразным памятником вольной сатирической литературы 60-х годов.

---

[1] О Минаеве см. И. Г. Ямпольский «Дмитрий Минаев», Ученые Записки Лен. Гос. Ун., серия филологических наук, вып. 9, 1944, стр. 46.

«Губернская фотография», написанная Минаевым в Петербурге, вскоре попала в Симбирск, где она распространялась рукописным путем под названием «Симбирская губернская фотография», без подписи автора.[1]

Минаев начал печатание этого произведения в «Гудке», в несколько измененном виде, с завуалированными фамилиями, под названием «Губернская фотография» «Сеанс 1-й» (Гудок, 1862 г., № 4, стр. 30) и «Сеанс 2-й» (№ 6, стр. 47), за подписью—ж(итель) Симбирский. Последняя часть поэмы (3-й сеанс) не была напечатана. Тем не менее, вся поэма была широко известна не только в Симбирске, но и по всему Поволжью, где она распространялась также рукописным путем. Возникла даже небольшая литература, посвященная этому интересному произведению поэта-сатирика.

Первое упоминание о поэме появилось в 1899 году, в связи с 10-летием со дня смерти поэта.

В связи с этим событием была напечатана статья Н. Никольского, в которой впервые в печати была названа «Губернская фотография». Автор, современник Минаева, рассказывал о том впечатлении, которое вызвало это произведение. Особенно поражало в поэме, что «все лица были названы своими именами, аллегории никакой, и это особенно возбуждало интерес к этим стихам».[2]

Статья Никольского — воспоминания современника. Важным является то, что он впервые гласно в печати назвал произведение, которое широко было известно только в рукописных списках. Выдержки из «Губернской фотографии» появляются только в 1907 году, в статье Суперанского «Из Поволжской старины».[3]

Кстати сказать, Суперанский один из первых деятелей Симбирской Архивной Ученой комиссии упоминает имя Минаева. Архивная комиссия, сделавшая много для изучения Пушкина, Языкова и Гончарова, сознательно обходила Минаева. В протоколах этой комиссии мы не найдем даже упоминания имени поэта-сатирика. Суперанский нарушает эту традицию и, характеризуя Симбирск, как отчизну поэтов, называет не только Карамзина, Дмитриева и Языкова, как это было принято до него, но и Минаева.

В 1909 году в связи с 20-летием со дня смерти Минаева, поэт П. Александров написал воспоминания о нем. «В Сим-

---

[1] «Местные известия, неофиц. часть, Сим. Губ. Вед., 1862, № 10.
[2] Симб. губ. ведом., 1899 г., № 45.
[3] «Истор. вест.», 1907, VIII, стр. 513.

бирске, родине поэта, — пишет Александров, — мне приходилось расспрашивать о нем немногих старожилов, знавших и помнивших его до и после литературной карьеры в Петербурге. От них я получил некоторые биографические данные. Кроме того мне удалось собрать немногие рукописи и документы в качестве материалов для той же биографии»[1]. В Минаеве он видит одного «из самых ярких представителей обличительного направления русской литературы пореформенного периода, выразителя настроений передовых людей того времени (60 — 70 годов), откликом на все, чем заявляла себя жизнь».

Поэт незаслуженно обойден критиками и биографами, — утверждает автор.

Отдавая посильную дань памяти Минаева своими «Воспоминаниями», Александров надеется на то, что придет время и Минаев найдет подробного биографа и достойного литературного ценителя и, что весьма возможно и желательно, издателя полного собрания его сочинений, разбросанных в разных периодических изданиях. В «Воспоминаниях» приводится неизвестное в печати стихотворение Минаева «У нас бульвар устроили», написанное не позднее 1854 г., как первый литературный опыт поэта и «Симбирская фотография». Рассматривая последнее произведение, как «историческое для города Симбирска», отметив его живучесть даже в 1909 году, автор воспоминаний переходит к последнему периоду жизни Минаева в Симбирске, где его ждало тяжелое одиночество и обидное забвение со стороны земляков.

По мнению старожилов, это была месть за «Симбирскую фотографию», но Александров в этом видит простую неосведомленность жителей о приезде поэта, который в первое время мало показывался на улице, а вскоре окончательно слег в постель. Тишайший из городов, чутко прислушивавшийся ко всякой вести о служебном перемещении чиновника или о сватовстве в купеческой семье, конечно, не знал о кончине поэта и потому не мог устроить подобающих похорон. В центре «Симбирских воспоминаний» Александрова стоит произведение, создавшее «рукописную славу» поэту и определившее отношение «тишайшего городка» к земляку, «воспевшему» его. Автор «Воспоминаний» в оценке Минаева сумел стать на объективную позицию, что видно из высказыва-

---

[1] Рукописное отделение Ульяновского Краеведческого Музея «Симбирские воспоминания о Д. Д. Минаеве». Описаны Н. Варламовым, газ. «Прол. путь», 4. 8. 1939 г.

ний, приведенных выше, а особенно из слов, которыми он заканчивает свое воспоминание: «Минаев был поэт-гражданин, никогда не входивший в сделку со своей совестью. Таков отзыв всех, знавших его лично в Симбирске».

В этом же году была напечатана в «Историческом вестнике» статья Н. Державина «На забытых могилах».[1]

Автор статьи, талантливый писатель, исследователь и краевед, восстает против обидного забвения, которое выпало на долю Минаевых, отца и сына. Но в статье, посвященной творчеству Д. Д. Минаева, даже не названа «Губернская фотография». Зато в 1914 году им была написана статья: «Минаев у себя на Родине. Д. Д. Минаев и Симбирское общество», в которой Державин использует «Губернскую фотографию» для характеристики отношения Минаева к Симбирскому обществу.[2] Сама поэма, однако, была известна только в рукописи. В 1913 году» Губернская фотография» была, наконец, опубликована А. Пругавиным.[3] Во вступительной статье отмечается общественное значение поэмы, в которой были «воспеты» симбирские дворяне, помещики и бюрократы и говорится об их мстительности. Они не могли забыть сатирической поэмы и поэтому не отдали Минаеву визита вежливости после приезда поэта в Симбирск и даже из чувства злобы не приняли участия в похоронах поэта. «Таким образом, даже мертвому поэту симбирское дворянство не захотело простить его резкой сатиры»,—заканчивает свою статью исследователь. А Пругавин сделал большое дело, опубликовав «Губернскую фотографию». Однако наличие цензурных изъятий (пусть и незначительных), испорченность текста и отсутствие объяснительного комментария является крупным недостатком этой публикации.

В 1939 г. Ульяновск отмечал пятидесятилетие со дня смерти Д. Д. Минаева. Членами юбилейной минаевской комиссии была проделана значительная работа по выявлению материалов, связанных с деятельностью «Обличительного поэта».

Были собраны указанные ниже списки поэмы, записаны воспоминания племянника, внучки одного из слуг Минаевых, местных старожилов и обнаружены «Симбирские воспоминания о Минаеве» А. Александрова. «Губернская фотография», естественно привлекла внимание общественности. На вечере, посвященном памяти поэта, кроме общего доклада о

---

1 «Истор. вест.», 1909 г., № 6; стр. 976,

2 «Симбирянин», 1914 г., № 2088.

3 «Новая жизнь», 1913, февраль, стр. 114.

творчестве Минаева стоял доклад о «Губернской фотографии», что вызвало значительный интерес, ибо среди присутствующих на вечере многие знали ее в прошлом по рукописным спискам.

Списки поэмы были представлены на выставке, посвященной поэту. Местная городская газета дала минаевскую страницу, где была напечатана оригинальная статья о поэме Минаева.[1]

В ней подчеркивается активное участие поэта-сатирика в политической борьбе 60-х годов. «В разгаре кипучей борьбы поэт-симбирянин не забыл родного города, где он родился и вырос. Не раз он недобром вспоминает его на страницах «Гудка», — пишут авторы статьи.

Новым и важным моментом является указание на то, что появление поэмы было связано с политической борьбой.

Н. Быстров в юбилейной статье «На родине поэта» уделяет большое внимание «Губернской фотографии».[2]

И, наконец, К. А. Селиванов, стремясь «дать преподавателям литературы школ Куйбышевской области нужный и систематизированный материал» по краеведению, повторяет положения, выдвинутые Н. Столовым и Никоновым, и приводит отдельные строфы из поэмы (об архирее, Трубецком и Вишневском).[3] Указанные выше работы, написанные к случаю, не разрешили вопросов, связанных с этим произведением. Во-первых, до настоящего времени отсутствует полный, выверенный и снабженный реальным комментарием текст «Губернской фотографии».[4]

Во-вторых, нет исследования, посвященного комплексу вопросов, связанных с возникновением и бытованием этого произведения. А между тем оно представляет несомненный интерес для характеристики творчества Минаева.

---

[1] Н. Столов и В. Никонов «Губернская фотография» — Пролет путь, 1938, 22 июля.

[2] «Волжская коммуна», 1939,

[3] К. А. Селиванов «Руссие писатели в среднем Поволжье», Куйбышев, 1941, стр. 49—50.

[4] Настоящая статья написана до появления книги «Стихотворения Д. Д. Минаева». Редакция, вступительная статья и примечания. И. Ямпольского, Куйбышевское обл. изд., 1947 г.

Тема «Губернской фотографии» не случайна в творчестве Минаева.

И до и после этой поэмы он не раз черпал материал для своей сатиры из жизни родного города. Еще в 1854 г., находясь на службе в Симбирской казенной палате, он написал стихотворение «У нас бульвар устроили большой». Оно приведено в «Симбирских воспоминаниях о Минаеве».

У нас бульвар устроили
Средь улицы Большой,
Но не блестит уж ныне он
Шумливой суетой.

Когда он был новинкою,
Гуляли стар и млад,
Смеялись и злословили,
Казали свой наряд.

Здесь видно много барышень,
Одетых в пух и прах,
И Венцеля сапожника
С колодкою в руках.

Гуляет Половецкая,
Венера здешних мест:
Давно за похождения
Ей следует дать крест.

А ежели крестов таких
У нас в приказах нет,
Тогда просить полицию,
Пускай ей даст билет.

Вот дочки полицмейстера
Мчат тройкою лихой,
А с ними и их матушка

Заместо коренной.
Невеста неневестная
Рудольф с своей сестрой
Всем нежно улыбается,
Как бы дарит собой.

Вот с Анной Николаевной,
Печальною вдовой,
Гуляет утешителем
Чиновник молодой.

Вот и Салькова длинная
Идет с Соковниной.
Которая так чванится
Своею белизной.

За ними же виднеется
Хоть в жар или мороз,
Советника Грицевича
Истыканный весь нос. . .[1]

Произведение это, по свидетельству П. Александрова, «долгое время ходило по Симбирску в бесчисленных списках». Это еще проба пера, но и в этом юношеском произведении совершенно отчетливо проявляются будущие черты поэта-сатирика, откровенность насмешки и едкость юмора. Здесь—зарождение темы «тихого, губернского городка».

В начале 1860 г., в годы расцвета своего литературного таланта, Минаев снова обращается к этой теме.

В «Дневнике Темного человека» он следующим образом описывает «тихий губернский городок»: «Славные, приволжские места, где русская лень еще найдет себе не один теплый и покойный уголок, где новый беспокойный прогресс ничем не преодолеет общую спячку. Скука стоит в городке такая величественная, что напомнила мне древний Ахен, посещенный Гейне. Когда я шел по древним мосткам улиц, то—

Собаченки бежали за мною толпой
И покорнейше так умоляли:
Чужеземец! Толкни нас хоть в рыло ногой
Может быть мы—бы меньше скучали.

Благодатный край! И как патриархально еще живут там люди!

Завидно делается глядя на них. Ни беспокойства, ни волнения. . .».

А затем писатель переходит к характеристике жителей этого городка. Здесь и Евгений-Борода, которому его подчиненные кланяются в ноги, и взяточник Геннадий Фомич Трегубый, и младший учитель словесности, вообще трудно владеющий своими мозгами, и суровый начальник некого

---

[1] П. Александров, «Симбирские воспоминания о Минаеве», рукописное отделение Ульяновского Краеведческого Музея». Другой список этого же произведения обнаружен нами в бумагах Д. Н. Державина (там же).

учебного заведения Вишневка, и владелец рощи Кинь-Дяк, с седою французской бородкой, и «губернский львенок», позабывший вдруг свой родной язык после поездки за границу, и эмансипированная барыня г-жа Фита, и «дама великолепная во всех отношениях», и многие другие. Фельетон заканчивается многообещающими словами: «Но нам пора из нашего городка, давно пора... когда-нибудь из неясных очерков и силуэтов я составлю целую повесть».[1]

В январе 1862 г. Минаев становится редактором сатирического журнала «Гудок». Уже во втором номере этого журнала печатаются его «Губернские силуэты» за подписью: Д. Свияжский.

Они начинаются с общей характеристики городка и его жизни.

«Под каждой его кровлей кипит теперь деятельная работа, неутомимо трудятся языки, и все говорят, говорят... Нет пощады никому, во всех вливается эта злая, суровая сплетня, преследует вас всюду и начинает жадно и долго сосать... Эта безжалостная и вечно деятельная спутница — сплетня, стоящая за плечом каждого, связывает собою город неразрывною цепью». А затем писатель показывает и «героев» этого тихого, губернского городка. Под его язвительным пером возникает целая вереница образов: «первая львица, уже начавшая увядать» — «Донна Анна, переложенная на наши нравы», «Знаменитые в городке» сплетницы «Пияша» и «Неистовый Верок», глупый «Бочонок», несчастная дочь фон-Умеля, проданная старику.[2] В этом же номере журнала в отделе «Из провинциального быта» мы находим карикатуру на тему, подсказанную «Губернскими силуэтами». Его превосходительство выговаривает «Бочонку», выкравшему свою невесту, хотя в этом не было необходимости, ибо родители давали согласие на брак.

«Бочонок» стоит в почтительной позе перед начальником и виновато говорит: «Виноват... Я вперед не буду».

В № 4 «Гудка» помещен первый, а в № 6 второй «Сеанс» «Губернской фотографии». В этой поэме мы встречаем некоторых героев из «Дневника Темного человека» и «Губернских силуэтов». Не забыл поэт воспеть и «оскопленный наш бульвар», которому в юные годы посвятил стихотворение «У нас бульвар устроили».

---

[1] «Русское слово», 1861, № 10, стр. 18—23.
[2] «Гудок», 1862, № 2, стр 13—14.

В«Гудке» были напечатаны лишь отрывки из «Губернской фотографии» и притом Минаев, по понятным причинам, имена почти всех своих героев должен был завуалировать. В полном тексте поэмы, уже ходившей по рукам в списках, все имена были названы совершенно открыто, равно как названо и место действия — Симбирск.

В том же номере, где появилась первая часть «Губернской фотографии», в отделе «Из провинциального быта» мы находим карикатуру под названием «Черноземная сила». Здесь изображены два идущих в обнимку здоровяка, размахивающих кулаками. Под карикатурой подпись:

Вот замечательных два братца.
Один — как новый Геркулес—
Готов на выборах подраться
И всем итти наперерез.

Другой же брат —достоин брата:
Он мысли здравой вечный враг,
Но стоит пули и булата
Его классический кулак.

Эти строки, как мы теперь знаем, были взяты из тогда еще ненапечатанного полного текста «Губернской фотографии», где братцы, как и все другие герои, были названы: «Бестужевых два братца».

В следующем, пятом номере «Гуд ок» перепечатал передовую статью «Симбирских губернских ведомостей» (1862, № 1) о 50-летнем юбилее председателя Симбирской казенной палаты И. П. Бобылева.

В ней многоречиво и выспренно повествуется о беспорочной службе Бобылева, о награждении его за это золотой табакеркой.[1]

Виновник торжества прослезился и произнес в ответ на приветствия прочувствованное слово. Перепечатав статью без изменения, «Гудок» лишь иронически озаглавил ее: «Замечателньое событие в Симбирске» и тем самым придал ей совсем иной смысл. Соль заключалась еще в том, что в «Губернской фотографии», напечатанной за неделю до этого в № 4 «Гудка», Бобылеву были посвящены строки:

---

[1] Специальное сообщение о награждении Бобылева за «примерно — усердную службу, золотой украшенной бриллиантами табакеркой» напечатано в № 2, «Симбирских губернских ведомостей», 1862, стр. 5.

Где, в взятку веруя, как в фатум,
Пион свой правит юбилей.

Таким образом «Гудок» помогал своим читателям расшифровывать, кто скрывался под кличкою «Пион».

А в рукописном тексте поэмы, также известном в Симбирске, было сказано «без покрывал»:

Где, в взятку веруя, как в фатум,
Живет побором Бобылев.

О юбилее Бобылева Минаев пишет одновременно и в «Дневнике Темного человека» в январском номере «Русского слова» (стр. 24—25). Здесь он фигурирует под фамилией «Краснощеков».

В «Гудке» мы находим и другие произведения Минаева, посвященные симбирским героям, а именно: «Провинциальный публицист», где поэт защищает «Губернскую фотографию» от нападок Д. Соболевского,[1] и «Губернские этюды». В этюдах дается более обстоятельное раскрытие образов, связанных с «почвою городка». Каждому из «монстров» посвящен отдельный художественный очерк: «Приезд маман», «Чем пахнет», «Свободный художник» и другие.

Тему «тихого городка» Минаев разрабатывал в это же время и в «Дневнике Темного человека». В фельетоне этот городок назван Приволжском. «Приволжанин, — говорит сатирик, — попрежнему живет, спустя рукава, и даже местные скандалы не могут расшевелить его покоя». В описании городка мы встречаем знакомых уже симбирских «героев» епископа Евгения, Трубецкого и др.

В Приволжске тишь стоит немая,
Точь-в-точь стоячая вода...
На вдов богатых уповая,
Живет Евгений-Борода.
Шуты смешат у Глупецкого
Шпионов держит педагог,[2]
И судит ближнего сурово
В гостях «неистовый Верок».
Танцуют дамы в дамских клубах,
Шлифует бабка свой язык,
И к поддержанию нравов грубых
Бестыжий драться не отвык.[3]

---

[1] «Гудок», 1862, № 12.

[2] Речь идет о Вишневском. Особенно прославился по части сыска один из помощников классного наставника, носивший кличку «Филатка».

[3] «Русское слово», 1862, № 1, стр. 24—26.

Затем описывается юбилей Краснощекова. Для того, чтобы раскрыть эту клички, автор фельетона берет выдержки из речи председателя Казенной палаты И. П. Бобылева, приводимые в статье «Замечательное событие в Симбирске», напечатанной в «Гудке». Особенное внимание он уделяет той части речи, где юбиляр, обращаясь к чествовавшим его чиновникам, сказал: «Продолжительная служба моя была усеяна и цветами и терниями... лучшие цветы в моей жизни я нашел между вами». Некоторые из этих «цветов» были зарисованы в «Губернской фотографии». Характеристика Приволжска заканчивается описанием скандала в городском клубе, героем которого являлся старшина клуба, многоопытный взяточник Брудершафт.

Приведенные факты со всей очевидностью свидетельствуют об углубленной разработке Минаевым темы «тихого городка», да и сам поэт высказался вполне определенно по этому вопросу. «Когда-нибудь из неясных очерков и силуэтов я составлю целую повесть, — писал он, — в «Дневнике Темного человека».[1]

Повесть написана им не была,но характерно, что через три года в том же «Дневнике Темного человека» Минаев снова обратился к родному «Приволжску», обрисовав его быт, нравы, вернувшись отчасти к своим старым героям — Евгению Бороде, Вишневке, Глупецкому и др.[2] Итак, эта тема разрабатывалась и в прозаических и в стихотворных произведениях Минаева.

Здесь проявилось то единство публицистики и поэзии, которое отметил И. Ямпольский, характеризуя поэтов «Искры».[3] Идейные тенденции фельетонов, очерков и стихов, в данном случае, общие. Они определили творчество поэта и публициста. Объяснение устойчивости интереса к теме Симбирска — «тихого, губернского городка», необходимо искать в литературно-политической жизни того времени.

В 1859 году были напечатаны «Обломов» и статья Добролюбова «Что такое Обломовщина?», блестяще раскрывшая общественное значение романа. Как известно, появление этих двух крупнейших произведений литературы выявило глубокий общественный интерес к поставленным ими проб-

[1] «Русское слово», 1861, кн. 10, стр. 23.

[2] «Русское слово», 1864, № 5, стр. 95—116.

[3] «Вступ. статья к сб. «Поэты», «Искры», под ред. И. Ямпольского Л, 1939, стр. XIII.

лемам. Совершенно естественно возник интерес к родине писателя — Симбирску, к тому городу, где, по словам Гончарова, сказанным, правда, позже, у него «очень зоркого и впечатлительного мальчика, уже тогда при виде всех этих фигур, этого беззаботного житья—бытья, безделья и лежания и зародилось неясное представление об «обломовщине»... «По приезде домой, по окончанию университетского курса, меня обдало той же обломовщиной, какую я наблюдал в детстве».[1] Именно этот образ, образ «обломовщины» и стоял перед глазами Минаева, когда он писал очерки о «фантастическом городке». «Целая вереница полу-знакомых, но милых лиц встает передо мной, кружится и о чем-то просит, — говорит он. А над богоспасаемым городом носится призрак обломовщины и сквозь сонные глаза улыбается кроткая и самодовольная лень... Так бы и полететь к вам добродушные люди, отдохнуть, забыться и уснуть».[2] Однако «богоспасаемый городок» привлекал внимание сатирика не только этой своей особенностью, но и как дворянское гнездо, пытавшееся сказать свое слово в обществвенно-политической борьбе того времени.

Симбирск — дворянско-чиновничий город. Дворянство в жизни города играло роль первой скрипки. Писатель Соллогуб в «Воспоминаниях» отмечает, что «дворянство Симбирское считалось образованным, влиятельным и богатым».

Симбирск во второй половине XVIII в. и в первой трети XIX века, как центр дворянской культуры, занимал одно из первых мест в Поволжье.

С этим Симбирском связаны Дмитриев, Карамзин, Тургеневы, Ивашевы, Языковы, Анненков, Гончаров и др. Все они в детские и юношеские годы были связаны с родным городом и дворянской усадебной культурой того времени. В зрелые годы их интересы и их деятельность определялись интересами русской общественной жизни и русской литературы и культуры. В самом Симбирске проходила довольно интенсивная общественно-культурная деятельность, проводимая культурными представителями дворянства. Тридцатые годы XIX в. в жизни Симбирска характеризуются интенсивным развитием этой деятельности.

Одним из ее проявлений было создание в 1837 году инициативной группы, ставящей своей целью собирание и изу-

---

[1] И. Гончаров, «Воспоминание. На Родине», ПСС, 1889, т. IX; стр. 70—71.

[2] «Дневник Темного человека», Рус. слово», 1861, кн. 10, стр. 21—22.

чение древнейших памятников письменности, истории и устного народного творчества, связанного с Симбирской губернией.[1] Мысль о собирании устного творчества зародилась под влиянием Киреевского. В эти же годы, по свидетельству современников, симбирское дворянство проявляет значительный интерес к литератуной деятельности уроженцев Симбирской губернии.[2] Центром литературных интересов дворянства были дома Петра и Александра Языковых и князя Ю. С. Хованского. Во время дружеских бесед в этих домах чаще всего называлось имя Карамзина. Здесь же зародилась мысль о сооружении ему памятника в Симбирске. Эта мысль нашла поддержку симбирского дворянства и с 1838 г., по инициативе Симбирска, началась Всероссийская подписка пожертвований на сооружение памятника Карамзину в Симбирске, открытие которого состоялось в 1845 году. По выражению одного из участников, это открытие было «семейным торжеством» симбирского дворянства.[3] При открытии памятника, М. Погодин, приглашенный из Москвы на это торжество в качестве докладчика, произнес «Историческое похвальное слово Карамзину», чрезвычайно заостренное славянофильски. Он говорил «о русском духе», который проявлялся «в предприятии Карамзина, о том духе, который мы ученые, полуученые, а больше всего недоученые, всеми силами стараемся погасить в латинских формах и немецких формулах». В речах и высказываниях подчеркивалась роль и значение Симбирска. Мысли и настроения симбирского дворянства удачно выразил М. Погодин в тосте, произнесенном им в дворянском собрании на торжественном обеде после открытия памятника: «Да процветает Симбирск, да являются отсюда беспрерывно к славе отечества преемники Карамзиных, Дмитриевых, Тургеневых, Языковых».[4]

Однако «семейное торжество» симбирского дворянства вышло за пределы Симбирска и нашло живейший отклик в Москве и Петербурге. Н. М. Языков написал и издал в 1845 году «Стихи на объявление памятника историографу Нико-

---

[1] «Симбирский сборник», история ч. 1-я, М., 1845 г., предисловие стр. 3-к,

[2] Симбирский юбилей Николая Михайловича Карамзина», 1 декабря 1766—1866 г. Смб., 1867, стр. 169.

[3] «Записка об открытии памятника в Симбирске, Симбирскому уроженцу, Российскому историографу Николаю Михайловичу Карамзину, в 1845 г. в августе 28 дня». Сб. «Симбирской юбилей Николая Михайломича Карамзина», Смб. 1867, стр. 176.

[4] Там же стр. 11.

лаю Михайловичу Карамзину», посвятив их А. И. Тургеневу. Московские славянофилы, ведущие борьбу с Белинским, откликнулись на юбилей, издав в этом же году «Синбирский сборник», посвященный «незабвенной памяти Российского историографа, Симбирского уроженца, Николая Михайловича Карамзина». В издании сборника приняли участие П. и А. М. Языковы, Валуев, Самарин, К. Аксаков, Киреевский, Популярности «семейного торжества» симбирского дворянства способствовали также статьи и письма М. Погодина. Ему принадлежит «Историческое похвальное слово Карамзину», произнесенное при открытии памятника в Симбирске, августа 23, 1845 г., в собрании симбирского дворянства», «Похвальное слово» и письмо Погодина об открытии памятника, адресованное М. Дмитриеву в Москву, распространялись в Симбирске в рукописных списках. Эта же речь была напечатана в 1846 г. в «Москвитянине». Нетрудно заметить, что во всех этих выступлениях, высказываниях и статьях речь идет о Карамзине—историографе.

«История Государства Российского» была восторженно встречена современниками. Она имела большое значение в развитии русского национального самосознания. Пушкин был прав, называя Карамзина «Колумбом русской истории». Показательны и слова Вяземского: «Карамзин — наш Кутузов двенадцатого года. Он спас Россию от нашествия забвения, воззвал ее к жизни, показал нам, что у нас отечество есть, как многие узнали о том в двенадцатом году». Положительно к книге отнеслись и декабристы. Карамзин привлекал их «жаром, силой, прелестью» воодушевления.

Они видели в его книге героев-патриотов древней истории: Святослава, Ярослава Мудрого, Владимира Мономаха, Дмитрия Донского.

Но и Пушкин и декабристы решительно осуждали консервативно-монархическую концепцию «Истории». Но эта сторона и привлекала симбирское дворнявство. Карамзин в истории выступил последовательным проводником монархической идеологии и, как выразитель консервативных устремлений, был дорог известной части симбирского дворянства. В записке об открытии памятника в таких словах определяется отношение симбирских дворян к Карамзину: «Исторические его труды и самая жизнь его исполненная добродетели, как гражданина, возбуждали постоянно глубочайшее уважение к памяти покойного, а отношение его к почившему в Бозе императору Александру I, изумляли самых

смелых, по чувствам патриотическим, дворян».[4] В этом высказывании отчетливо проявляется идеализация Карамзина и преклонение перед ним, как выраизтелем монархических идей.

Эта идеализация проявилась, в частности, в произведении Н. Языкова «Стихи на объявление памятника историографу Николаю Михайловичу Карамзину», вышедшем отдельной брошюрой в 1845 г .В произведнии дан идеализированный образ историка, который своими трудами «Памятник себе воздвиг чудесный, вечный». В тоже время поэт вкладывает в свое произведение острое полемическое жало, направленное против «новизны» и передовых прогрессивных деятелей своего времени, обвиняя их в приверженности к чужбине. Н. Языков рисует Карамзина, как почтенного собеседника «простосердечной старины», а не «наемщика новизны». Белинский отозвался на это произведение короткой и энергичной рецензией. Отметив, что стихотворение написано «вроде од на торжественные случаи», он иронизирует над Языковым «почтенным собеседником старины». Цитируя выдержку из его произведения о заслугах Карамзина, Белинский пишет: «Блудная и пустая жизнь, по мнению господина Н. Языкова, делает нас преданными чужбине. Интересно знать, кого он разумеет под словом «нас», а что он разумеет под «блудною» и «пустою» жизнью, о том не трудно догадаться, кто читывал дифирамбы г. Н. Языкова»[1]. В этой же рецензии Белинский привел строки из произведения Н. Языкова о Грозном, назвав их «очень энергическими». Это вызвало негодующее выступление Погодина в «Москвитянине», возразившего против цитирования отдельных стихов о Грозном, ибо «эти стихи только в соединении с другими могут быть пущены». «Москвитянин» полностью перепечатал «Стихи на объявление памятника»... для того, чтобы доказать, что «донесения Отечественных записок» при всем известном их благородстве и благонамеренности, неосновательны».[2]

В 1846 году это произведение Н. Языкова было напечатано в славянофильском «Московском сборнике». Этому сопутствовала полемика между гр. Строгановым, запретившим печатание «Слова» Погодина и «Стихов на открытие памятника» Н. Языкова за строки о Грозном, и министром

[4] Там же, стр. 169.

[1] «Отеч. записки», 1846, т. 44, стр. 47.

[2] «Москвитянин», 1846, № 1.

просвещения Уваровым, добившимся напечатания того и другого произведения.[1] Как видим, «семейное торжество» симбирского дворянства вышло далеко за пределы Симбирска. Оно было по существу торжеством славянофилов. Симбирская Карамзинская библиотека, организовавшая этот «торжество», во главе которой стояли братья Языковы, являлась филиалом московских славянофилов, а «Симбирское торжество» — одним из проявлений литературно-политической борьбы 40-х годов между защитниками старины и представителями новизны.

Во 2-й половине XIX века эта борьба обострилась.

В центре общественно-политической борьбы 50—60-годов был крестьянский вопрос. В Симбирской губернии, где крепостных крестьян было 44 проц., этот вопрос стоял особенно остро. Симбирская губерния принадлежала «к группе средне-черноземных губерний, которые отличались наибольшим развитием дворянско-помещичьего землевладения, а следовательно и крепостничества».[2] Губернский комитет для обсуждения проекта «Освобождение крестьян от крепостной зависимости», созданный в 1858 г., разделился на две группы: крепостническое большинство и либеральное меньшинство».[3] Между этими группами происходила борьба и хотя это была борьба «двух крепостнических лагерей» (Ленин), она тем не менее принимала острые формы.

Начальник губернии М. И. Анисимов, обращаясь к участникам съезда симбирского дворянства, призывал их «высказать в суждениях ту просвещенную умеренность, которая составляет существенный признак гражданской развитости». Этот призыв нашел реализацию при проведении реформы. Большая часть Симбирских уставных грамот сохранила характер «издольной повинности, ибо каждый вотчинник считал невозможным немедленный переход на оброк, который бы вконец разрушил потрясенное благодетельною реформою все его хозяйство, многими десятками лет и с большими пожертвованиями устроенное».[4]

Симбирские дворяне показали себя воинствующими крепостниками. В обстановке этой борьбы завершалась канони-

[1] И. Барсуков, «Жизнь Погодина», т. VIII, стр. 211.

[2] В. Левашев, «Реформа 1861 г. в Самарской и Симбирсой губерниях». Куйбышевское изд-во, 1940, стр. 15.

[3] Там же, стр. 25.

[4] Ознобишин, Дворянские выборы в Симбирске (2 февраля 1862 г.) «Симбирские губ. ведом.», 1862, 11, стр. 33.

зация идеальных дворянских деятелей Н. М. Карамзина и И. И. Дмитриева. Всячески идеализировался и самый Симбирск как дворянское гнездо, выдвинувшее этих и многих других выдающихся дворянских деятелей. Имена назывались. Это были Карамзин, Дмитриев и Н. Языков.

Фамилия Тургеневых, не говоря уже о фамилии Ивашевых и Давыдове, в 60-е годы не упоминается. Симбирск — центр подлинной дворянской культуры—нередко противопоставлялся столичным центрам, где эта культура, якобы не находила истинных ценителей. Эта мысль высказывалась еще в 40-х годах, в связи с открытием памятника Карамзину, но наиболее полно она проявилась именно в 60-е годы, во время празднования 100-летней годовщины со дня рождения, в частности в речи сына Карамзина.

Если к этому прибавить, что проведение в жизнь «Положения» 19 февраля 1861 г. сопровождалось в Симбирской губернии многочисленными крестьянскими восстаниями, подавлявшимися военной силой, то мы получим представление о той литературной и политической атмосфере, атмосфере острой общественной борьбы 60-х годов, в которой возник целый ряд сатирических статей, фельетонов и стихотворений Минаева, посвященных Симбирску.

Поэт, написавший на своем знамени «преследование грубого и узкого обскурантизма, произвола и неправды в русской жизни», не мог пройти мимо воинствующего провинциализма. Особое внимание он обратил на идеализацию Симбирска 60-х годов и на противопоставление его столичным центрам.

Разоблачению этих реакционных политических тенденций и посвящены рассматриваемые произведения и в частности «Губернская фотография». Художественный принцип, нашедший выражение в словах поэмы:

Поставив ящик фотографа
И против правды не греша...,

подчеркнутый и в самом названии произведения, призван служить осуществлению этой задачи.

В сокращенном виде «Губернская фотография», как было указано выше, появилась в начале 1862 г. в «Гудке». Здесь название города, о котором идет речь, обозначено так откровенно («всем обитателям С-ка» и «Как певец С-кой саги»), что в сочетании с выражениями: «О, муза Волжская», «друзей Свияги пою гражданский идеал», не оставляло ни-

каких сомнений, что речь идет о Симбирске. Что касается конкретных лиц, скрытых также под прозрачными псевдонимами (например, Глупецкой—Трубецкой, Киньдяков-Скундряков, Наумов—Безумов и др), то отгадать их симбирскому жителю не представляло никакого труда.

Симбирский помещик Юрлов, не лишенный некоторых литературных данных, описывает ту суматоху, которая поднималась в городе при получении «Русского слова», «Гудка», или «Искры». «Под известными псевдонимами,—пишет он, — каждый ищет чего-то с беспокойством, — не говорят-ли о нашем городе? Не вклеили-ли как-нибудь меня? — спрашивают Чичиковы, Ноздревы, Плюшкины, — и, чудное дело, самые недогадливые из них узнают свои портреты, хотя бы они были написаны в профиль и без тщательной отделки».[1] Таких «известных лиц» в поэме названо 26. Но самое интересное в печатном тексте поэмы — это обобщающая характеристика, которую мы находим в конце стихотворения.

Ведь там за каждым гражданином
Стоит Аскоченского тень.
Для них труды печатных литер
Есть порожденье адских сил,
Над их главами сам Юпитер
Свое копье бы притупил.[2]

Появление имени мракобеса Аскоченского при обрисовке гражданского идеала «друзей Свияги» весьма знаменательно. Эта характеристика в сочетании с другими высказываниями убеждает нас в том, что мы имеем дело с политической сатирой. В тексте поэмы, опубликованном в 1913 г., этих строк нет, но, оставляя в стороне вопрос о причинах их отсутствия, мы должны подчеркнуть, что и другие места поэмы, например, стихи воспевающие «землевладельцев плач и гам», с очевидностью свидетельствуют о том, что несмотря на обилие конкретных намеков на «известных лиц», названных своими именами (их 106), «Губернская фотография» — поэма не столько бытовая, сколько именно политическая сатира. Под беспощадным пером «Обличительного поэта», хранитель истинных дворянских традиций — Симбирск выступает как «Отчизма вони, грязи, сплетен». Вереница представителей этого дворянского гнезда проходит перед

---

[1] Архив Юрлова, Ульяновский гос. архив, фонд. 261, оп. № 1. ед. хр. № 28, Л. 1.

[2] «Гудок», 1862, № 6, стр. 47.

глазами читателя: крепостники—самодуры, ханжи, развратники, люди без чести и совести; люди с мелкими страстями. Так выглядит Симбирск «без покрывал», которые набрасывало на него самодовольное и тупое в своем самодовольстве симбирское дворянство 60-х годов.

Если мы обратимся к историческим фактам, то убедимся, что та картина, которую рисует Минаев в «Губернской фотографии», является отражением реальной жизни. Историк Симбирска П. Мартынов, описывая общественную жизнь города, отмечает, что эта история за первую половину XIX века есть прежде всего история симбирского дворянства. Один из ее существенных элементов—развлечения. «По зимам беспрестанно бывали балы, обеды, катания, так, что не доставало дней в неделе, чтобы удовлетворять гостеприимных хозяев...

Тогда симбирские дворяне не вели счетов своим деньгам и жили в полном удовольствии. Так что Симбирск вполне заслуживал наименование дворянского города... Симбирское дворянство не уступало дворянству других губерний в роскоши и блеске, стараясь перещеголять друг друга».[1]

В этих словах историка симбирского дворянства чувствуется известное восхищение и идеализация пустой, но внешне блестящей дворянской жизни. Но и он, касаясь вопроса о времяпрепровождении помещика у себя дома, в поместье, вынужден сказать: «Кутежи, псовая охота, картежная игра, сменялись одно другим и сопровождались всегда какими-либо эксцентричными выходками».[2]

В работе члена архивной Симбирской ученой комиссии М. Суперанского, написанной на основании архивных данных, также идет речь об общественной жизни Симбирска. Историк останавливается на виднейших представителях культурного дворянства: Тургеневых, Карамзине, Дмитриевых, Языковых, Ивашиных, Гончарове, Анненкове и Новоструеве.

Но Суперанский наряду с этим дает характеристику жизни рядового дворянства и говорит об оборотной стороне жизни дворянства, которую тщательно обходил Мартынов. Он говорит о пустоте и бессодержательности этой жизни, заполняемой сплетнями, кутежами, обжорством, карточной игрой, балами и маскарадами.

---

[1] Мартынов, «Город Симбирск, за 250 лет его существования», Симбирск, 1898 г., стр. 316—319,

[2] Там же, стр 325.

Он говорит о помещичьем беззаконии, о произволе крепостников. Так, мы находим в его статье историю о завещании Куроедовой, выведенной С. Т. Аксаковым в «Семейной хронике» и в «Детских годах Багрова внука» под именем Куролесовой. Эта история заканчивается крестьянскими волнениями и избиением крестьян.

Здесь узнаем также об убийстве крепостными прабабки писателя П. В. Анненкова и о расправе крестьян над помещиками во время Пугачевского движения. Интересно отметить в связи с этим, что Суперанский в своей статье для характеристики жизни симбирских дворян привел отрывки из «Губернской фотографии».[1]

Весьма красочно рисует эту жизнь один из «героев» «Губернской фотографии» — помещик Юрлов, которого никак нельзя заподозрить в недоброжелательном отношении к симбирским дворянам.

В статье, предназначавшейся для «Гудка», он рассказывает о некоем Скверницком, который в конце 50-х годов запорол несколько своих крепостных, а при назначении следствия, «виновному ничего лучшего не оставалось, как самому за добра ума скончаться».

Дальше рассказывается о том, как крепостные провожали тело своего господина из города в деревню. Остановившись у питейного заведения, провожатые «вели приятельскую беседу за упокой помещичьей души уже в питейном доме, а затем вся ватага со штофами и стаканами в руках заняла свои места и вплоть до деревни провожала барина с такими причитаниями, которых не выучила бы никогда любая наемная плакальщица». Причину такого неуважения к покойнику автор видит в бесчеловечном обращении помещика с крепостными. Продолжая характеристику представителей симбирского общества, Юрлов пишет: «Но вот перед нами являются лица еще живущие, ядящие и пьющие, прозябающие и играющие в карты, даже цветущие здоровьем, — которых не тревожат никакие идеи, — люди считающие прогресс выдумкою беспокойных голов, люди, крепко тужащие о потере своих прав и власти и печально воздыхающие на развалинах прежнего деспотизма, как вздыхал Марий на развалинах Карфагена. Они произносят знаменитое выражение: «Все потеряно кроме чести» и остаются гордыми в своем неподвижном покое. Иные вспоминают прошлое и лелеют

---

[1] «Из Поволжской старины», «Историч. вест.», 1907 г., № 8; стр. 513.

слух свой рассказами своих старых Ричардов о незабвенной старине, о днях минувших. Иные вскипают гневом и поток брани льется на весь мир, и в особенности на литературу, и тогда известные стихи Некрасова выходят из вдохновенных уст:

Мы пьем с досады
В количестве удвоенном чихирь
И говорим, что авторов бы надо
За дерзости подобные в Сибирь...[1]

Этот фельетон был написан Юрловым в январе 1862 года, т. е. одновременно с появлением «Губернской фотографии» Минаева.

Однако во всех этих работах и отдельных признаниях была сказана только полуправда, а правда была скрыта в архивах различных органов, защищавших неприкосновенность помещичьей собственности и права господ, и только в наше время эти архивы полностью раскрыли свои тайны. Вот одна из них. В 1941 году научный сотрудник Ульяновского гос. архива Н. Смирнов опубликовал материалы о трагической судьбе 17-летней девушки Агафьи Григорьевой, крепостной Курмышского вотчинного имения княгини Дидрихштейн, урожденной графини Шуваловой. Девушка бежала, спасаясь от бурмистра, принуждавшего ее выйти замуж за старика, но была поймана, избита и посажена на цепь. Полтора месяца была Агафья «за караулом без дачи ей на пропитание пищи», а затем опять бежала и опять была поймана и наказана двадцатью ударами плетей. После этого она пыталась повеситься, но неудачно. Ее сняли с петли и избили еще раз. Агафья Григорьева бежала в третий раз, пешком добралась до Петербурга, где ей удалось подать прошение царю. Началось следствие, обнаружившее факты дикого произвола и зверского обращения не только с Агафьей, но и с другими строптивыми девушками, не желавшими выходить замуж по указанию бурмистра. Были обнаружены железные цепи, рогатки, кандалы и другие орудия пытки, применяемые к непокорным крепостным. Дело поступило на рассмотрение Курмышского суда, а затем в Симбирскую палату уголовного суда. Дело было столь вопиющее, что суд вынужден был приговорить бурмистра к наказанью плетьми, а судей, осудивших первоначально

[1] Архив В. П. Юрлова «Из городка», Ульяновский Гос. архив, фонд 261, оп. № 1, ед. хр. № 28, л. л. 2—3.

Григорьеву, к штрафу. Суд вынес также постановление об орудиях пытки: «Найденные при конторах в селах Егорьевском и Тихомирове железные цепи, из коих три прикованы были к стульям, а одна к стене, рогатку, трое кандалов, как орудия жестокости, воспрещаемой законом, продать с аукционного торгу и вырученные за оные деньги отослать в приказ общественного призрения». Агафью Григорьеву Симбирская палата освободила от наказания. Но этим дело, однако, не кончилось. Сенат, куда поступило дело об Агафье Григорьевой в порядке обжалования, освободил от наказания бурмистра и судей. Что стало с девушкой, которая вела упорную борьбу за свое человеческое достоинство, неизвестно.[1]

Это одно из дел, характеризующих крепостническую практику симбирского дворянства, а сколько аналогичных дел осталось неизвестно, крик скольких не был услышан!

В Симбирской губернии были довольно часты и активные выступления крестьян. Только на годы «освобождения» крестьян (1861 — 1863) падает 21 вызов вооруженных команд из 6-й резервной пехотной дивизии, находившейся в эти годы в Симбирской губернии.

Этот подсчет произвел офицер генерального штаба Липинский, но его сведения, как доказывает советский иссле-

---

[1] Н. Смирнов, «Человеческий крик», г. «Пролет. путь», 1941 г., 18 мая.

Уже во время печатания настоящей работы я познакомился, благодаря любезному указанию тов. Перьковой, с «Делом о непослушании и неповиновении крестьян с. Егорьевского княгини Дидрихштейн управляющему ее имением иностранцу Милле и о возмущении ими других крестьян» (ф. 110, оп. № 5, Ед. хр. № 9, 1824—1825 гг.), по которому привлекалась также и Агафья Григорьева. Дело возникло в связи с тем, что крестьяне собрали« тайную сходку», на которой вместо неугодных им мирских начальников избрали своих людей. А. Григорьева принимала в этом деле самое деятельное участие. Находясь на мирской сходке, она приказала старосте «привести к себе на сходку бурмистра» (л. 10), что было сделано.

Во время следствия последний показал, что «девка Агафья делала ему разные устращивания и ругательства и даже начальствовала тем сходом». (Л. 16). Самовольный сход «по возмущению и по назначению Григорьевой избрал в старосты и в соцкие «таких людей, которые с давнего времени делали всегда таковые ослушания и возмущения» (л. 16) .Избранные сходом были арестованы, судимы и наказаны плетьми. Дело об А. Григорьевой, которая «неоднократно судилась, уже в сем суде и по решению уголовной палаты наказана плетьми», было передано в Алатырский уездный суд, где в это же время разбиралось какое-то «криминальное дело» о ней же.

дователь, явно неполны.[1] Все это характеризует ту крутую крепостническую закваску, которая определяла общественно-политическую жизнь симбирского дворянского гнезда в 60-е годы. К этому необходимо добавить еще и то, что «самыми непримиримыми крепостниками были мелкопоместные дворяне, типа Гоголевских «Старосветских помещиков», хозяйство которых носило в большей или меньшей мере натурально-потребительный характер, было очень слабо связано с рынком.

Для этого слоя возможность перейти к капиталистическому хозяйству была почти невозможна, так как размеры земледелия его были незначительными, и та сумма, которую они могли получить за выкуп крепостных душ, была слишком мала, чтобы можно было говорить о какой-нибудь коренной перестройке хозяйства. Мелкопоместным дворянам реформа могла причинить только разорение, и потому они были самыми последовательными ее противниками.[2]

Понятно, что при проведении реформы в дворянском гнезде, каким был Симбирск, стоял — «Землевладельцев плач и гам», заклейменный поэтом-сатириком в «Губернской фотографии». Не случайно также и то, что в поэме значительное место отведено портретам крепостников. Это — потомок Рюриковичей, князь Трубецкой, на лбу которого написаны два слова «Аристократ и идиот»,—это — владелец изб и буераков, Киньдяков, — это либерал, читающий речи в честь плетей, Шидловский; исковерканный развратом Кудрявцев и многие другие. Минаев уделяет им значительное внимание потому, что в 60-е годы шла острая политическая борьба вокруг крепостного права. Симбирская же губерния давала богатый фактический материал для освещения этой борьбы. Уместно напомнить, что у писателей, связанных с Симбирском, мы находим произведения, посвященные этой же теме. Это «Художник» А. Тимофеева, «Антон Горемыка» В. Григоровича, «Крепостное право» Н. Г. Потанина, «Псиша» Беляева Ю. Д. В этих произведениях описываются ужасы крепостного права и раскрывается трагедия крепостной интеллигенции.

Минаев рисует в своей поэме пошлость и пустоту жизни симбирского (и не только симбирского) дворянского общества. Он назвал по именам конкретных носителей этих

---

[1] В. Левашев «Реформа 1861», обл. ГИЗ, Куйбышев, 1940 г. стр. 54,
[2] Е. Мороховец, «Крестьянская реформа» 1861 г., стр. —84—85.

свойств, и в этом особенность его произведения. Но следует при этом отметить, что сплетни, безделье, угодничество и прочее показаны им не как индивидуальные пороки, а как «стихия общественной жизни». Эти слова, сказанные Гончаровым о «Горе от ума», в какой-то мере применимы и к «Губернской фотографии». Подчеркивая, что он изображает жизнь «против правды не греша», Минаев не останавливается на «Губернской фотографии», а продолжает работать и дальше над интересующей его темой. В последующих произведениях, он отходит от принципа фотографирования действительности, провозглашенной им в поэме. В «Губернских этюдах», написанных вскоре после «Губернской фотографии», поэт говорит о том, что образы навеянные городком, преследуют его. Когда он сидит один в темной комнате, тускло освещаемой свечой, то перед ним выплывают из темноты образ за образом. «Тупо, бессмысленно смотрят они на меня, только порой животная злоба освещает заплывшие жиром черты».[1]

В последней главе этюдов Минаев еще определеннее говорит о том, чем привлекала его тема тихого губернского городка.

«Почва городка», пишет он, — непочатый чернозем, — давно идет там гниение; — столбом стоят над ним удушливые газы — продукты беспрерывно разлагающихся животных веществ. Каждый удар лопаты выносит на божий свет какой-нибудь редкостный индивидум из этой кунсткамеры до краев набитой монстрами всех сортов и видов».[2]

Таким образом, Минаев шел по линии создания повести, о чем он мечтал еще в «Дневнике Темного человека». Но и в «Губернской фотографии» перед читателем под беспощадным объективом фотографа «без покрывал» выступили «монстры всех сортов и видов». Подобный художественный принцип изображения был обусловлен общественно-политической обстановкой того времени. И поэма выполнила свою роль. Ее появление произвело огромное впечатление не только в Симбирске. Один из современников рассказывает о том, что вскоре после появления этого произведения «вся губерния читала и декламировала стихотворение Минаева. Стихи вызвали целую бурю негодования, начиная с его отца, но тем не менее, они заучивались наизусть взрос-

[1] «Гудок», 1826, № 13, стр. 110.
[2] «Гудок», 1862, № 23, стр. 182.

лыми и детьми — от мала до велика. В них задеты были все сословия, начиная с архиерея, продолжая дворянством, бюрократом, купцом и кончая мелким чиновником... Все лица были названы собственными именами, аллегорин—никакой, и это особенно возбуждало интерес к этим стихам. Многие стали известны только благодаря этому произведению. На них указывали, что называется, пальцами».[1] Прошли десятки лет, произведение продолжало сохранять свою силу. Поэт А. Александров записал в 1909 году в своих «Симбирских воспоминаниях о Минаеве»: «Это стихотворение историческое для города Симбирска. Краткие и меткие характеристики задетых в нем лиц в общем дают живую картину губернской жизни в половине прошлого века. Все эти лица до сих пор в памяти потомства, так же, как и самое стихотворение. Стоит заговорить о ком-нибудь из этих покойников как от собеседника услышишь соответствующий минаевский мадригал». Александров был прав, говоря о живучести поэмы. Однако, она вызывала в памяти не только имена покойников. Об этом, в частности, можно заключить по списку самого Александрова: он вычеркнул из него ряд стихов и заменил начальными и конечными буквами фамилии некоторых героев поэмы: Бестужевых, Шидловского, Наумова, Манчтета, Руммель, Вишневского, Языковой, Буско, Юрловых, Баратаева, а стих. «Живет Пузинский Константин» приобрел такой вид — «Живет... ин» и т. д. И воспоминания, и многочисленные списки, распространяемые в губернии, свидетельствуют о широкой популярности поэмы. Она превратилась в своеобразное фольклорное произведение», вошла в быт города.[2] При этом совершенно отчетливо проявились две тенденции в ее трактовке.

Одними она рассматривалась как бытовая сатира и воспринималась как локальное явление. Это проявилось от части и в изменении названия поэмы. Она стала называться «Симбирская фотография».

---

[1] Н. Никольский, Симбирские губ. Ведомости, 1899 г. № 45.

[2] Н. Крупская в своей работе по поводу сборника «Поэты Искры» писала: «Это был своеобразный фольклор тогдашней разночинной интеллигенции, авторов не знали, а стихи знали. Ленин знал их не мало. Эти стихи входили как-то в быт. «Поэты Искры», их сатира имели несомненное влияние на наше поколение. Они учили всматриваться в жизнь, в быт и замечать в жизни, говоря словами Некрасова «все недостойное подлое, злое, он и учили разбираться в людях». Это касается, в частности, и Минаева.

Другими — воспринималась как политическая сатира, связанная с конкретной общественно-политической действительностью и дающая широкое обобщение.

Так она воспринималась в частности и широкими читательскими кругами. Об этом свидетельствуют записанные нами в 1939 году воспоминания племянника поэта и некоторых старожилов.

По словам племянника поэта, Д. Д. Минаев выступал, якобы, на одном из дворянских собраний в Симбирске, на котором обсуждался вопрос о крепостном праве. Он предлагал отменить его, но дворяне не дали говорить поэту, не захотели его слушать. Тогда Минаев ушел с собрания, но при этом сказал: «Нет, это еще не все, вы меня еще услышите». После этого и была написана «Симбирская фотография».

Интересны воспоминания одного педагога: «Отец мой рассказывал, — вспоминает он — что когда стихи были написаны, то они стали распространяться в списках. Администрация Симбирска предпринимала все усилия для изъятия рукописи, позорящей многих «отцов города». Люди, связанные с полицией, брали списки почитать и не возвращали. Если было известно, что у человека есть «Фотография», к нему являлись жандармы и отбирали листок со стихотворением. Остроумному и правдивому земляку нашему было дано предписание оставить город в 24 часа». Этот педагог, кстати сказать, получил список «Симбирской фотографии» в 1907 году от инспектора народных училищ Охотина, об отце которого Минаев писал — «поп Охотин кадит Христу и сатане».

В том же 1939 году один симбирский старожил сообщил нам, что в свое время в городе ходили упорные слухи о том, что, когда стало известно о желании Минаева приехать в родной город, то встревоженный губернатор созвал специальное совещание по этому вопросу, имевшее целью воспрепятствовать поэту въезд в Симбирск. О жандармах же говорит в своих воспоминаниях и племянник поэта: «После смерти дяди на квартиру пришли жандармы и забрали все бумаги». Значительная часть приводимых в этих воспоминаниях фактов противоречит известным нам сведениям, но они интересы в том отношении, что воссоздают окружавшую имя Минаева атмосферу. Они — живое свидетельство об общественно-политическом значении минаевских произведений.

«Губернская фотография» вызвала полемическую литературу, направленную не только против автора, но и против

того литературно-общественного направления, к которому он принадлежал. Первыми откликнулись на появление поэмы «Симбирские губернские Ведомости», напечатавшие статью губернского прокурора Соболевского. Автор резко нападает на «Симбирского жителя» и называет его поэму клеветой. Он недоволен также тем, что автор скрывал свое имя под псевдонимом, а это лишает возможности бросить ему перчатку и потребовать удовлетворения за оскорбления, нанесенные симбирскому обществу. В своей статье Соболевский говорит не только о печатном, но и о рукописном тексте поэмы, ходившей в городе по рукам в многочисленных списках.[1]

«Гудок» немедленно отозвался на это выступление иронической статьей «Обличительного поэта», т. е. Минаева, — «Провинциальный публицист (Размышление по поводу одной статьи «Симбирских губернских ведомостей»[2]). «Обличительный поэт» от имени редакции «Гудка» сообщает, что автор поэмы и не собирался скрывать свое имя, оно известно редакции. Что касается заявления провинциального публициста о том, что он не может бросить перчатку и вызвать на дуэль за оскорбление, то автор ответа с иронией замечает, что в городке, пожалуй, и пары чистых белых перчаток не найдешь.

«Гудок» предлагает Соболевскому обличить клеветника, автора «Губернской фотографии», по существу и доказать противное тому, что в ней есть. Эти обличения, обещает Минаев, будут «напечатаны в «Гудке» с приличными комментариями и примечаниями». И, наконец, в статье указывается

---

[1] Симб. губ. Вед.», 1862, № 10

[2] «Гудок», 1862, № 12

[3] С. Н. Терпигорев; «Воспоминания». Исторический Вестник, 1906, № 4, стр. 51. Издатель «Гудка» закончил свою беседу с Терпигоревым словами: «Так вот и вы бы могли сделать с вашей Тамбовской губернией. Мысль была заманчивая, и я помаленьку, полегоньку начал — пишет Терпигорев. В «Гудке» начали появляться статьи о Тамбове, а вскоре он добрался до губернатора Данзаса, «сластолюбивого и развратного старика» Его изобразили в фельетоне: «Цыганский воевода Дурундас и его походы».

«Гудок», где был напечатан этот фельетон, произвел настоящий переполох в Тамбове.

В редакцию журнала поступил запрос от имени предводителя дворянства, в котором было сказано, что если не выдадут ему настоящего виновного (т. е. автора статьи, — П. Б.), то он будет жаловаться в третье отделение». «Гудок» ответил на этот запрос новым фельетоном (там же, стр. 51—54).

причина, побудившая «Симбирские губернские Ведомости» выступить против «Гудка» — это боязнь гласности.

Редакция «Гудка» получила многочисленные письма от лиц, задетых сатирой Минаева. Писатель Терпигорев (Атава) рассказывает в своих воспоминаниях о беседе с издателем «Гудка» Гиероглифовым, который говорил ему: «Посмотрите, вон Минаев из Симбирска, так ведь он в каком трепете-то всю губернию держит. И он показывал мне массу писем, полученных из Симбирска, с подтверждениями, опровержениями рассказанного или нарисованного в «Гудке».[3]

В Ульяновском архиве нами обнаружены интересные материалы, рисующие реакцию одного из представителей местного общества на поэму Минаева. Речь идет о писаниях «героя» «Губернской фотографии» — Юрлова. В его личном архиве имеются черновики статей: «Из городка», «О губернском городке», «Критические замечания о «Гудке» и другие.

Как было отмечено выше, Юрлов до появления «Губернской фотографии» пытался даже сотрудничать в «Гудке». С этой целью и был написан фельетон «Из городка», в котором дана зарисовка Симбирска начала 60-х годов.

Фельетон начинается с описания того, как провинциальное общество воспринимает появление сатирических журна-

---

Необходимо назвать также А. Плещеева, написавшего повесть «Пашинцев» на Оренбургском материале («Рус. Вестник», последняя книга в 1859 г.). Повесть обильно насыщена сатирическим элементом. Многие персонажи имели, повидимому, близкое сходство реальными лицами тогдашнего Оренбургского чиновничьего и военного общества. В Оренбурге эта повесть наделала много шуму. «Русский Вестник» переходит из рук в руки, его читают с жадностью; поля плещеевской повести носят пометки и объяснительные надписи для непосвященных в тайны общественной жизни Оренбурга (П. Л. Юдин, «А. Н. Плещеев в ссылке», Ист. Вест., 1897, V).

Оренбург выведен в повести под названием «Ухабинска». В письме к гражданскому губернатору Оренбурга Е. И. Барановскому Плещеев писал 25 января 1860 г. «Пишут мне из Оренбурга, что меня ругают страшно... во главе ругающих Оголин... Сам же он говорил мне, что надо задеть всех этих добровольных холопов, взяточников и низкопоклонников. Повесть эту я писал еще в Оренбурге в минуты глубочайшего омерзения к окружающему; и оттого она действительно вышла несколько желчной». «Письма А. Н. Плещеева, публикация Н. Пряничникова—альманах «Степные огни», г. Чкалов, 1939, № 2 стр. 180).

Совершенно очевидно, что произведения Минаева не являются случайными... Литература 50—60-х гг. XIX в, довольно широко сатирически, освещала провинциальную жизнь. Эта тема глубоко и остро разработана Салтыковым-Щедриным в «Губернских Очерках», «Письмах о провинции» и др. произведениях великого сатирика.

лов в провинции. Он рассказывает об одном влиятельном, ученом лице городка, затронутом в «Русском слове, которое до того обиделось, что созвало своих подчиненных и произнесло следующую речь: «Господа! Меня три раза уже вывели на сцену эти!!! Вы понимаете... И потому я счел нужным с этих пор быть формалистом и начинаю с того, что вместо обычного моего снисхождения выдавать вам жалованье раньше срока, буду выдавать его аккуратно в срок».[1] Если к этому добавить рассказ фельетониста о похоронах Скверницкого, о характеристике настроения провинциального общества при получении «Русского слова», «Гудка» или —Искры» и если, наконец, вспомнить о его же «живущих, ядящих, пьющих и прозябающих и крепко тужащих» крепостниках из того же фельетона, то картина получится довольно яркая. Сам фельетонист оговаривает, что он описывает отдельные личности, а большинство «мыслят современно». Фельетон не был напечатан в «Гудке». Появление «Губернской фотографии» вызвало у либеральствующего автора совершенно иную реакцию, т. е. заставило его быть самим собой. Он стал открытым врагом обличительной литературы, врагом гласности в литературе. Критические заметки о журнале «Гудок» написаны им как ответ на «Губернскую фотографию». Не скупясь на резкие слова, автор обрушивается на журнал, который «потешая почтеннейшую публику, рассыпает «задирающие намеки, брань и нахальные ругательства». Вместо того, чтобы порицать действительный порок или общественное и частное зло «замечательное по несовременности», — говорит Юрлов, — «Гудок» изощряет свое тяжелое остроумие в том, что ругает в стихах хлебосольное гостеприимство какого-нибудь богатого дворянина и, не зная к чему придраться, упрекает его аристократическим происхождением и безнаказанно и ложно клеймит его прозванием идиота; называет бог знает почему не понравившееся ему лицо отцом чужих детей, вопреки истине и здравому смыслу, смеется над походкой престарелых, но уважаемых людей, делает неприличные намеки на духовных лиц и религию» и т. д. Статья заканчивается стихотворным обращением «К Волжской музе», пародирующим поэтические таланты «гудочных стихотворцев».[2] Конец стихотворения

[1] Архив дворянина В. П. Юрлова, Ульяновский гос. архив, фонд 261 оп. 1; ед. хр. 28, л. 2.

[2] Ульяновский гос. архив, ф. 261, оп. 1, ед. хр, 10, л, 3,

утерян, но совершенно очевидно, что в нем Волжская Муза, которая являла свой лик поэтам с чистою душою, противопоставляется той, которая «с подмосток литературного балагана потешала почтеннейшую публику». При всем желании доказать, что речь идет о бытовой сатире, к тому же еще и недобросовестной, Юрлов уже самим выбором фамилий, наличие которых в поэме его возмущает (потомка Рюриковичей Трубецкого, архиерея Евгения), и указанием на то, что поэма нападает на религию, невольно подчеркивает противоположное, а именно — политическую направленность этого произведения.

В другой своей статье «Голос русского», написанной в 1864 году, Юрлов еще определенней высказывается о «шуме обличительной гласности в литературе». С удовлетворением автор отмечает, что шум этой обличительной гласности затих и что статьи «о равенстве, братстве и чуть ли не о коммунизме» уже больше не появляются.[1]

Таким образом, сам Юрлов, характеризуя обличительную литературу одним из ярких образцов которой была «Губернская фотография», совершенно определенно указывает на свое отношение к ней. Несколько слов о его этюде «Губернский городок». Это вдохновенный дифирамб Симбирску, возникший как ответ «Новому поэту». «Ты дорог мне, Симбирск, тем, что в тебе есть все, что способно вдохновить пылкую душу поэта, — восклицает он. «Волга, леса, тихие заводи и темные луга. Да, действительно, в тебе есть все это. Твоя прекрасная природа вдохновляла многих мечтателей подобных мне». Однако не только красоты природы привлекают внимание пылкого певца, но и «фешенебельное общество» этого города. Губернские города, меньшие братья столицы, призваны играть немаловажную роль в общем прогрессе отечества нашего, — заявляет Юрлов.[2] Какое понятие вкладывал он в эти слова—совершенно очевидно из его выступлений против революционно-демократической литературы. Этюд «Губернский городок» является ответом на фельетоны, статьи и стихи Минаева, показавшего истинное лицо «тихого губернского городка».

Мы привели высказывания Юрлова потому, что они, как и статья Соболевского, выражают настроение той части сим-

---

[1] Там же, ед. хр. 7, л. 3.

[2] Там же, ед. хр. 16, л. 2.

бирского общества, которая была задета произведениями Минаева. Поэта обвиняли в том, что он наносил оскорбления «почетным и уважаемым чинам общества». Но эти и аналогичные обвинения и ругань, раздававшаяся по его адресу, были для него лучшей похвалой, подтверждением действенности его сатиры. В предисловии к сборнику «Думы и песни» Минаев писал, что «ясно видит нелепости, его окружающие, ясно сознает на самом себе тяготение этого зла и откликается на него протестом. К каждому гнусному или комическому явлению, к каждому возмутительному факту, характеризующему эпоху или время, . . . автор считал себя вправе отнестись искренне и прямо, вовсе не думая о том, что он задевает этим множество маленьких самолюбьиц, и страстишек, что он дразнит лягушек в болоте» . . . »

Наиболее полный и развернутый ответ представителю революционно-демократической литературы Минаеву был дан только через несколько лет, в связи с проведением юбилея Карамзина. Политическое значение этого юбилея и настроение симбирского дворянства, собравшегося на него «родной семьей», по выражению автора «Записки о юбилейном праздновании», выражено в словах сына Карамзина, обращенных к симбирскому дворянству. «Та страна достойна производить великих людей, которая умеет ценить их гений и заслуги, — сказал он, — поистине такая страна есть Симбирск, давший России Николая Михайловича Карамзина, Ивана Ивановича Дмитриева, Николая Михайловича Языкова. Симбирское дворянство всегда ценило гений и заслуги своего соотечественника, которого ныне чествует память дворянство. Было недавно время, когда в нашей столичной, так называемой, беллетристике была в большом ходу выставка пренебрежения к ученым и словесным знаменитостям предшествовавшего поколения; в особенности было модно между такими беллетристами заявлять неуважение к трудам русского историографа. Но Симбирск судил эти труды не с чужого голоса, а собственным просвещенным суждением, и в это самое время он особенно чествовал память своего великого соотечественника. Ни один образованный русский не может не воздать чести и славы Симбирску, — колыбели и высокому ценителю гения и талантов. Позвольте же от преисполненного сердца предложить вам тост за духовное и вещественное процветание нашего родного Симбирска, за здравие его высокопросвещенного дворянства, за здра-

вие всех симбирских людей».[1] Громкое, долго не умолкавшее «Ура» было красноречивым ответом присутствующих оратору, сумевшему в своей речи дать достойный, с точки зрения симбирского дворянства, ответ «столичной беллетристике» и одновременно определившему его значение в истории русской культуры и значение Симбирска, как «колыбели и высокого ценителя гения и талантов». Политическая направленность этого юбилея ясна. Совершенно отчетливо чувствуется внутренняя полемика с «Губернской фотографией», показавшей Симбирск «без покрывал» и давшей иную оценку Симбирску 60-х годов. Эта же направленность нашла свое отражение и в юбилейном сборнике, изданном в 1867 году. Сборник объединил материал, связанный с открытием памятника Карамзину в 1845 году и материалы юбилейного празднования 100-летней годовщины со дня рождения, подчеркнув этим внутреннюю связь этих мероприятий.[2] Его необходимо рассматривать как проявление литературно-политической борьбы 60-х годов XIX века.

Более поздним окликом на «Губернскую фотографию» является стихотворение Петра Александрова «Симбирск», написанное в 1898 году, в связи с 250-летним юбилеем города. Поэт воспевает живописную красоту города и «красоту величавой Волги и Свияги лазурной». Он говорит о богатых преданиях старины, об истории города и крупных исторических событиях, связанных с ним. Александров не забыл сказать и о глубоком застое, который «будто общий недуг постепенно объял население». Он отмечает, что началось пробуждение дремавшей мысли и развитие духовной жизни. Город идет навстречу прогрессу. В этом юбилейном стихотворении есть такие примечательные строки:

Край — отчизна поэтов! Здесь всюду жива
Память их, населением чтимая:
Здесь Языковских песен не замер призыв...
Карамзинская статуя медная...
  Гончаровым прославленный в роще обрыв...
  И могила Минаева бедная...[3]

---

[1] «Юбилейное празднование столетней годовщины дня рождения Николая Михайловича Карамзина, бывшее в Симбирске 1 и 2 декабря 1866 г. «см.: Сборн. «Симб. Юбилей Н. М. Карамзина». Смб. 1867 г.,

[2] Он был издан в пользу Карамзинской стипендии при Симбирской гимназии.

[3] Александров П. «Симбирск», «Самарская газета», 1898, № 190, стр. 13.

Эти слова подводят итог полемике с «Жителем Симбирска», автором «Губернской фотографии».

Однако произведения Минаева вызвали к жизни не только полемические статьи, но и рукописную сатирическую литературу. Его произведения «У нас бульвар устроили» и «Губернская фотография» открывают демократическую обличительную литературу города Симбирска. Ее существование весьма знаменательно. Оно свидетельствует о развитии общественной мысли и политической борьбы. Вольнолюбивая рукописная литература известна в Симбирске значительно раньше. В местных архивах нами обнаружены рукописные списки произведений Грибоедова, Пушкина, Рылеева, В. Ф. Раевского и других. Но рукописную литературу, которая откликалась на конкретные общественно-политические события из жизни Симбирска, давая их сатирическое изображение, бичуя произвол и насилие, открывает Минаев. Обследование ульяновских архивов, проведенное нами, дает возможность назвать ряд произведений подобного рода. Вот они: «Раз проявить свое старанье начальник земский захотел», «Я проникся таким убеждением, что для счастья, карьеры не нужно ума», «После городского обеда», «Рыбак и синица», «Из интимной переписки друзей», «Не стая воронов слеталась», «Сказка о том, как подготовлялись к выборам головы в одном городке», «Козел», «Я вам спеть хочу былинушку», «Вот приехал к нам из Казани» и другие. Все эти произведения носят сатирический, обличительный характер. Они отличаются откровенностью насмешки и едкостью юмора, называют конкретных лиц и дают им характеристику в стиле минаевских «мадригалов». Наконец, в этих произведениях мы встречаем образ «Городка». Все это свидетельствует об их связи с произведениями Минаева. После рассмотрения фактов, связанных с историей возникновения и бытования «Губернской фотографии» Минаева, совершенно ясно, что она сыграла большую роль в общественно-политической жизни города.

Создавая «Губернскую фотографию», Минаев имел предшественников, разрабатывавших интересующую его тему. Первым из них по времени был поэт Н. М. Сатин, друг Огарева, сосланный в 1835 году в Симбирск в связи с делом Герцена и Огарева. Здесь он служил в канцелярии губернатора. Ему принадлежит альбом карикатур на представителей

дворянско-чиновничьего общества, который он составил, «мстя всей Симбирской своре за свои нравственные муки злой карикатурой и насмешкой».[1] Сатирическое же изображение симбирского дворянского общества мы имеем в поэме Лермонтова «Сашка». Отец героя, симбирский дворянин Иван Ильич, «муж дородный, был сам богат, имел он ум природный и, что ума полезней, важный чин». Детство и отрочество Сашки проходит в Симбирске. Оно рисуется на фоне нравов дворянского общества. В двух стихах Лермонтов дает общую характеристику города:

Сон и лень
Вполне Симбирском овладели.[2]

О связи поэмы с романом «Обломов» было сказано выше. К этому нужно только добавить, что «Губернская фотография» появилась раньше произведения Гончарова — «На родине», в котором он раскрывает роль Симбирска в зарождении у него представления об «обломовщине».

Таким образом, Минаев в разработке симбирской темы, имеет видных предшественников, но он дал самобытную оригинальную трактовку этой теме.

При рассмотрении вопроса об историко-литературных связях поэмы, мы должны назвать и другие литературные произведения. В какой-то мере мадригалы Минаева напоминают «Каталоги XVIII века», распространяемые в Москве. Это сатирические произведения, имеющие форму каталога книг. Авторами книг указывались известные в обществе лица. Заглавие книги соответствовало какому-нибудь качеству этих лиц или событию из их жизни. Например, «Торжество Вакха», сочинение Б. Бутурлина (Фельдмаршала), «История прошедшего времени», сочинение Г. Г. Шувалова, «Затмение» сочинение княгини Дашковой (Намек на немилость императрицы) и т. д.[3] Несомненно влияние «Горе от ума» с его тон-

---

[1] М. К. Лемке. «Очерки жизни и деятельности Герцена, Огарева и их друзей», «Мир божий» 1906 г., № 3, стр. 131.

[2] Лермонтов «Сашка» (нравственная поэма) — П.СС, ред. В. В. Каллаша, М. стр 211—213.

[3] К. В. Сивков. Очерки по истории политических процессов в России в последней трети XVIII в., М, 1943 г. (Докторская диссертция. Машинопись).

кой и глубокой характеристикой действующих лиц и барской Москвы, в которой как сказал Гончаров, сплетни, безделье, пустота, господствуют не как пороки, «а как стихия общественной жизни». О том, что это произведение имеет отношение к «Губернской фотографии» засвидетельствовал сам поэт, закончивши ее стихами:

Хоть в Вашей жизни темных пятен
Нашел я много, господа,
Но все же сладок и приятен
Нам «дым отечества всегда».

Необходимо назвать также «Евгения Онегина», где мы встречаем эпиграммическую остроту в обрисовке гостей Лариных (строфы XXVI — XXVIII). Здесь и толстый Пустяков и Гвоздев, хозяин превосходный, владелец нищих мужиков, уездный франтик Петушков, советник Флянтов, тяжелый сплетник, старый плут, обжора, взяточник и шут и другие гости, карикатуры которых чертил в душе своей Онегин. Поэма связана также с эпиграммой, с ее сжатой, энергичной и язвительной обрисовкой.

Тема губернского городка разрабатывалась Гоголем и Салтыковым—Щедриным.

Одновременно необходимо отметить, что поэт—сатирик обращался к таким видам народного творчества, как пословица и поговорка, которые иногда слегка переиначивались.

Например: врет до поту, ломать дурака, где очень дорог теперь порох, лезет из кожи, плетет дребедень, клубничку кушает в саду и другие. Вместе с простонародными оборотами они, с одной стороны, формировали языковый стиль произведения, свойственный «Гудошнику», а с другой — служили «конденсаторами мысли» и яркими средствами для раскрытия характера. Таким образом, мы видим что «Губернская фотография» связана с многообразными литературными явлениями.

«Губернская фотография» повлияла не только на создание рукописных сатирических произведений, о которых было сказано выше. В какой-то мере «Губернская поэма» Садовникова связана с поэмой Минаева.

Необходимо также назвать «Головинский проспект, Н. В. Симборского, сотрудника «Искры».[1] Его Тифлисский «обзор», относящийся к 70-м годам, дан в духе откровенной насмешки и едкой сатиры, свойственных «Губернской фотографии», с которой Симборский, уроженец Симбирской губернии, несомненно был знаком.

В 60-х годах в Иркутске распространялась рукописным путем «Ода на отъезд графа Муравьева—Амурского из Иркутска».[2] Это язвительное и острое критическое произведение не только по своей направленности, но и по манере напоминает «Губернскую фотографию» Минаева. Можно полагать, что поэма Минаева послужила литературным образцом для Иркутской «Оды».

Совершенно очевидно, что «Губернская фотография» Минаева незаслуженно забыта историками литературы. Она представляет собой интересное историко-литературное явление. Это не бытовая или невинная шутка, а политическая сатира, вызванная острой классовой борьбой 60-х годов прошлого века.

* * *

Публикация Пругавина не могла нас удовлетворить, ибо в ней имеются цензурные изъятия, искажения и, самое главное, отсутствует реальный комментарий, что обесценивает эту публикацию.

Естественно, пришлось начать работу с установления текста. Для этой цели были использованы: «Губернская фотография», опубликованная в «Гудке», рукописные списки и различные архивные и печатные материалы. В нашем распоряжении были следующие рукописные списки «Губернской фотографии»:

1. Список Е. В. Васильковой, относится к 1908 — 1912 гг. Распространялся в Симбирской женской гимназии, где Василькова училась в эти годы. В списке нет стихов:[3] 76—80, 213—220, 253—256. Расшифровка некоторых имен дана в скобках, например, ст. 101 — Ермолов, 99 — Лебедев, 198 — Волков и др.

2. Список поэта А. А. Александрова. Поэма приводится в тексте статьи «Симбирские воспоминания о Минаеве», от-

[1] В. А. Тихонов, «Театральные воспоминания», Исторический Вестник, 1898 г., № 7, стр. 155.

[2] «Старая Сибирская сатирическая поэзия», составил Б. Жеребцов, Новосибирск, 1938; стр. 35.

[3] В основу для сравнения взят текст, опубликованный Пругавиным.

носится к 1909 году.[1] В этом списке опущено 92 стиха: 17—20, 77—80, 133—160, 168—180, 205—208, 221—252, 261 — 264.

В них затрагивалось духовенство, давалась общая характеристика городу и лицам, не занимавшим должностного положения. Список снабжен краткими примечаниями.

3. Список поэта Орлова. Сводный, не позднее 1939 г. В конце подпись — «житель Симбирска». По словам Орлова, он составил свой список на основании списка Лаптева—банковкого служащего и еще чьего-то третьего списка. В списке приводятся разночтения. Они заключены в скобках в стихах, к которым относятся эти разночтения. Имеется перестановка больших кусков произведения; так, за 22 стихом идет 181 и т. д., а за 181 идет 73—180 ст. В списках имеется 16 новых строк. Есть небольшие примечания. На первом листе списка дата — 1862 г. и примечание: «Стих. «Губернская поэма» относится к 1863—64 гг. На обратной стороне листа: «Собирал Алекс. Ст. Лебедев, преподаватель семинарии, философ».

4. Список А. Лебедева, получен от местного книголюба в 1939 году. Сводный список Орлова. Есть незначительные разночтения.

Разъяснения о некоторых лицах, упоминаемых в произведении, даны на полях рукописи, против фамилий.

5. Список научного работника Ульяновской библиотеки — («Дворец книги») Н. Н. Столова. Устранены цензурные изъятия. При составлении списка (в 1932 г.) Столов пользовался несколькими списками, обнаруженными им в Ульяновске.

Список предваряет небольшая заметка «Д .Д. Минаев и его поэма «Симбирская губернская фотография». В конце поэмы даны примечания.

6. Список учительницы В. П. Юдиной, 1941 г., повторяет список Е. В. Васильковой. Имеется несколько замечаний о лицах, упоминаемых в произведениях.

Остановимся на разночтениях, встречающихся в рукописных списках. К ним относятся изменения, имеющие целью упростить и сделать доходчивыми некоторые слова и обороты.

---

[1] Рукописное отделение Ульяновского Краеведческого Музея, «Воспоминания П. Александрова»,

Например: ст. 31: С кого-ж начну? Хоть с фотографа; 51 — 52: И не посмеет ум Бычковой с тобой тягаться (стязаться) в алтаре; 57: Пою тот край, где за сто гиней; 74 — 75 — Всегда хранящий важный тон; в глаза мне клялся раз Киндяков; 92: Как мордобивец и холоп; 147: лакеев бьющий сапогами; 165 — 166 — и ты Каханова малютка дуришь неистовый зверок: 230: певиц на клиросе бранит; 231: и торс (взор, форс) Красовской Маргариты; 256: что до ослиных доросли и др.

В списках есть новые стихи, которых нет в публикации Пругавина.

Так в сводном списке Орлова за 152 ст. идут следующие строки:

Там дочь Матросову Матрену
Матильдой гордый муж нарек
И в бархат, шелк свою ворону
С боярской пышностью облек.
И гран Матрена возгордясь,
Прислугу вразумляет,
Огарки сальных свеч, бранясь,
По комнатам сбирает.
Там всем известная Гетера
Путем коварства и интриг
В замужестве с штаб-офицером
Вдруг стала барынею вмиг.
Ограбя старого кощея,
Пустилась в свете роль играть,
Былым развратом щеголять.

За этими стихами следует ст. 241 и т. д.

К этому же виду изменений относятся:

ст. 174: Андреев все на свете даст;

ст. 249: Там наш Охотин — поп соборный и др.

Наличие сводных текстов, перестановка основного текста, добавление новых стихов, новых имен, их переосмысление свидетельствует о том, что поэма жила как своеобразное фольклорное произведение.

Изучение указанных списков, справочных материалов и поэмы, напечатанной в «Гудке», дает возможность устранить цензурные изъятия и искажения в публикации Пругавина. Публикуем полный и исправленный текст этого произведения.

ГУБЕРНСКАЯ ФОТОГРАФИЯ

О, муза Волжская, садись-ка
И, не стыдясь, без покрывал,
Всем обитателям Симбирска
Сложи пристойный мадригал.

Воспой помещичьи заразы,
Землевладельцев плач и гам,
И наших барышень проказы,
И прогрессивность наших дам...

Воспой все редкости Юрлова
И оскопленный наш Бульвар,
Гальванопластику Бычкова,
Театр, два клуба и базар.

Почти клобук архиерея
И шлейф игуменьи брюзги,
Житье Фатьянова Андрея
И всех Бестужевых мозги;

Отчизну вони, грязи, сплетен,
Где Тумский — верен старине,
Где наш соборный поп Охотин
Кадит Христу и сатане.

Давно, по милости Зевеса,
Переступив через порог,
Тень современного прогресса
Зашла в наш тихий городок.

И вот теперь друзей Свияги,
Пою гражданский идеал,
И как певец Симбирской саги,
Жду славных лавров и похвал.

Поставив ящик фотографа
И против правды не греша,
С кого-ж начну? Хоть с фата Графа
Или с Хохловских антраша.

Мне все равно: мне каждый житель
И мил, и дорог был всегда,
Ведь даже сам убогий Диттель
Хоть слова стоит, господа.

Благослови-ж ,отец Евгений,
Меня с приволжского Венца,
Чтоб без особых приключений,
Довел я песню до конца.

Пою тебя, святой владыка,
За то, что кистью всей руки
В обедню, близ святого лика,
Дьячкам ты ставишь синяки.

Ты перл российских семинарий,
Резерв для будущих мощей,
С церквей беруций гонорарий
И служек бьющий, как кощей.

На барынь смотришь ты сурово,
Не ешь цыплят на серебре,
И не посмеет уж Бычкова
С тобой шептаться в алтаре.

Пускай она отцветшей львицей,
Оплакав прошлые мечты,
Над Феодотьевой гробницей
Роняет слезы и цветы.

Пою тот край, где на сто милей
Никто собрата не продаст,
Где только Черников Василий
На надувательства горазд;

Где Трубецкой, в проказах чванства,
Всех наглой роскошью дивит
И, к славе дряхлого дворянства,
Жену шутами веселит.

И мужиков лишая крова,
Бросает деньги круглый год;
На лбу-ж написано два слова:
«Аристократ и идиот!»

Где, в взятку веруя, как в фатум,
Живет побором Бобылев,
И неприличным смотрит фатом
Его племяник — Горчаков.

Владелец изб и буераков,
Везде, храня свой важный тон,
Там клялся мне в глаза Киндяков,
Что он — Луи-Наполеон.

И там, блистая высшим тоном,
Щедра на колкие слова,
Роман любви с Наполеоном
Кончает Бабкина вдова.

Там сам Спудитский, друг номадов,
Блуждает грязен и не брит,
И вольнодумец Виноградов
Умом Нечаева дивит.

Глядит Шидловский либералом,
Крестьян считая за детей,
И в то же время за бокалом
Читает речи в честь плетей.

А вот и он, Наумов Павел,
В среде дворянской—медный лоб,
Себя повсюду он прославил,
Как мракобесец и холоп.

Там алчет мужа Лазаревич,
И грязно хвалится Манчтет,
Там слабоумный пан Жиркевич
Живет зачем-то много лет.

Там Эйзрих тянет доппель-кюмель
И уши музыкой дерет;
Там, отговев, святоша Руммель
Дочь старикашке продает.

И ты, дворянский предводитель,
Ты, жертва жениных затей,
Хотя считаешься родитель,
Но не своих—чужих детей.
А вот Вишневский, точно старый
Педагогический нарост,
И всею проклятый Самарой
Бюрократический прохвост.

Поклонник взяток и амура,
Наш стряпчий вьется здесь ужом
И за помещиком Качура
Стоит услужливым пажом.

А вот Иванов пухлолицый:
Он двух дражайших с рук скачал,
И от солдатских аммуниций
Умел составить капитал.

У нас Сегеди процветают:
Они в гостях, как голубки,
А дома спорят и ломают
В кровавой драке чубуки.

И ты, Языкова Прасковья,
С огромной сворою родства,
Предмет похвал и пустословья,
Пример красы и мотовства.

Твои расхожие тетради
Одни наполнят весь сундук,
Хоть раз в Италии в закладке
Тебя оставил твой супруг.

А где ж сестра твоя по крови?
Она, забывши древний род,
Нашла супруга в Белякове,
К нему заехав на завод.

А вот Бестужевых два братца,
Димитрий, словно Голиаф,
Готов на выборах подраться,
У Борушенки все пожрав.

Другой же брат достоин брата:
Он мысли здравой вечный враг,
Но стоит пули и булата
Его классический кулак.

А дядя их—старик мудреный:
Прислуге челюсти ломал,
И в то же время пред иконой
В углу акафисты читал.

А вот великий в разговоре
И полоумный, и буян,
Лакеев, бьющий con amore
Дантист Зимнинский Валерьян.

---

[1] С удовольствием — Ред.

Нам милы Хвощинских два лика,—
Пусть их спасет Далай-Лама,—
Жена высокая, как пика,
А муж высокого ума.

А вот в столыпинских чертогах
Сидит старуха-нетопырь,
А внучки ждут, когда на дрогах
Свезут бабусю в монастырь.

Пою тот край, где Сель до пятен,
Детей колотит кулаком,
И где посредник наш Лопатин
Годиться только в желтый дом;

Где, Ренненкампф ломает Штольца
И врет до поту Якобсон,
Где нет проходу от Бернгольца
И пьет без просыпу Барон.

Блажит Каханова малютка,
Дурит «неистовый Верок»,
И развращает швеек Буско
За пару бронзовых серег;

Где Петр Мещеринов мучнистый
Хитрит сегодня, как вчера,
И Докучаев голосистый
Ну так и смотрит в шулера;

Где за объятия девчонок
Наш Алопеус жизнь отдаст,
И все попрежнему «бочонок»—
Сонлив, и глуп, и коренаст;

Где очень разумом обижен
Издревле Нейковых весь род;
Где Александр Петрович Крыжин
Ползком пред сильными ползет;

Где, исковерканный развратом,
Кудрявцев спит тревожным сном
И отставным глядит пиратом
В своем гареме крепостном;

Где бродят два Юрловых старца,
Как пара высохших акрид,
Где Станислав на шее Шварца
Его и в грезах веселит;

Где наш «казак», беглец из Спарты,
Плывет, как рыба, вдоль реки,
Где служат Лазареву карты ,
Все очищая кошельки;

Гарцует в откупе Алаев,
Косит «Пияша» на софе,
Дрожит пред Глинкой Баратаев
И порет дичь почмейстер Фе.

О модных думая покроях,
Мадам de Volkoff рвется в знать
И о Жорж—Зандовских героях
Ужасно любит рассуждать;

Где ты, затянутый до боли,
Гермафродит между мужчин,
Изящный только в женской роли,
Живешь, Пузинский Константин;

Где на родительской блуднице
Женился юный Каблуков,
И две Сабаниных сестрицы
Во сне лишь видят женихов;

Где Соколовский, наш писатель,
Всех обличать готов в глаза,
И где Арапов—председатель
Ни в чем не смыслит ни аза;
Где прогрессистов каждый Шорох
Везде преследует, как бич,
Где очень дорог теперь порох,
Но дешева ужасно дичь.

Мне мил наш город: там не знают,
Как обойтись без карт и сна;
Там дивят и поражают,
Всех шаровары Фомина.

Там Протопопов по картинке,
Как хлыщ раскрашен и завит,
Там от речей хромого Глинки
У всех проходит аппетит.

Там Скорняков, в душе невинен,
Забрал имущество вдовы;
Там с тонкой сметкою Космынин,
А голова без головы.

Там мать игуменья сердито
Белиц на клиросе бранит,
И фарс Красовской Маргариты
Ничьих сердец не шевелит.

И там Валуев, с кислой миной,
Гербы за деньги уступил,
Там Корф—начальник лошадиный—
В трактире Семячкина бил.

Там для невест, средь молодежи,
Арапов—сын—завидный муж;
Там лезет Нестеров из кожи,
Чтоб отыграть вчерашний куш.

Там от больных здоров Евланов,
Плетет Тельнова дребедень,
С своей супругой Поливанов
Воюет целый божий день.

И Фейербахом мозг разжижа,
Всегда разсеян и здоров,
Лишь страждет умственною грыжей
Неизлечимый Гончаров.

Там Беседовский с гривой черной
Живет с Кокушкиной в ладу
И с вдовицею Подгорной
Клубничку кушает в саду.

Там бьет Герасимов баклуши
И там (к концу мы припасли)—
Теперь Москвитинские уши
До nec plus ultra[1] доросли.

Пока довольно... Берег! Берег!
Но я боюсь, не без причин,
От дам дождаться лишь истерик
И грозной брани от мужчин.

Хоть в вашей жизни темных пятен
Нашел я много, господа,
Но все же сладок и приятен
Нам «дым отечества» всегда![2]

Анализ рукописных списков показывает, что наряду с рукописным вариантом поэмы имел хождение и печатный текст «Губернской фотографии» («Гудок», 1862). Об этом

[1] До предела. — Ред.
[2] Пунктуация сохраняется по списку.

свидетельствует наличие таких выражений, которые встречаются в рассматриваемых рукописных списках, но их нет в публикации Пругавина, а совпадают они с текстом «Гудка».

Например:

Ст. 25 И вот теперь друзей Свияги
28 Жду славных лавров и похвал
82 Блуждает грязен и не брит
86 Крестьян считает за детей и др.

Естественно, что подобные совпадения не могут быть случайными. Однако списки поэмы, напечатанной в «Гудке» мне не встречались.

Обратимся к реальному комментарию. В поэме 264 стиха, в которых даны краткие сатирические характеристики 106 лицам. В отношении «Губернской фотографии» Минаева полностью применимы слова И. Ямпольского о произведениях поэтов «Искры»:

«Для понимания исторической роли и литературного метода искровцев, — говорит он, — необходимо расшифровать многие, иногда очень мелкие, но характерные факты, намеки, вспомнить давно забытых людей, вообще воспроизвести ту непосредственно данную читателям-современникам социальную атмосферу, в контексте которой воспринималась их поэзия».[1]

«Губернская фотография» особенно нуждается в расшифровке фактов, намеков и в сведениях о «героях» поэмы для понимания ее политической остроты и злободневности.

Ст. 5. Воспой помещичьи заразы. «Заразы—заразительный предмет, заразительный яд, вещественный и духовный» (Даль).

9. Юрлов, В. П. — помещик, этнограф. С 1865 года избран корреспондентом Общества любителей Российской словесности при Московском университете. Воинствующий реакционер, выступавший неоднократно против сатирической обличительной литературы и гласности. За поднесение найденного им в рукописном сборнике стихотворения, в котором предсказывалось, что «правнук Екатерины» «свободу возвестит рабам», ему была объявлена «монаршая благодарность».

---

[1] Сб. «Поэты Искры». Вступ. статья, редакция и примечания И. Ямпольского, Сов. писатель, 1939 г., стр. XXIII.

(«Сборник исторических материалов Симбирской губернии на 1868 год», стр. 157). Летом 1839 года «в Карсунском уезде в селе Юрловке было восстание крестьян, которые убили приехавшего в село исправника Калюжнова и бросили в огонь (В. Левашев .«Реформа 1861 года в Самарской и Симбирской губерниях», Куйбышев, изд. 1940, стр. 16).

В 1850 г. в Симбирске были изданы «Стихотворения Б. Юрлова». Книга открывается стихотворением «На высокоторжественный день коронации Его Величества Государя Императора», которое было поднесено царю. Автор получил за него большую серебряную коронационную медаль. Публицис. произведения Юрлова В. П.: «Слово Симбирского старожила по случаю спасения жизни государя Александра Николаевича 19 ноября 1870», Симб. губ. Вед., 1870, № 9; «Голос русского»—Моск. Вед., 1864, 15 янв. и др. Фамилия Юрловых внесена в «Краткий алфавитный список древним Симбирским фамилиям», «Сборник исторических материалов Симбирской губернии на 1868 г.», стр. 258. В дальнейшем для кратости: Алфавитный список, стр...

Ст. 11. Бычков А. Л. — богатый помещик и коннозаводчик, отставной военный; интересовался гальванопластикой, делал домашние опыты для развлечения знакомых.

Ст. 13. Архиерей Евгений см. ст. 37.

Ст. 14. Игуменья-брюзга — Серафима, игуменья Спасского женского монастыря.

Ст. 15. Фатьянов Андрей — помещик села Кротовка, генерал, жил большей частью за границей. Предводитель дворянства в Сенгилеевском уезде; член Симбирского Губернского по крестьянским делам присутствия—в 1862 г. В том же 1862 г. в село Кротково для усмирения крестьян вызывалась военная команда (В. Левашев, «Реформа 1861 г.,»... Куйбышев, 1940, стр. 54). Выражение: «Житье Фатьянова Андрея», повидимому, должно было вызвать, в соответствии с общей направленностью четверостишия, сопоставления жизни помещика Фатьянова и аскетической жизни «блаженного Андрея», симбирского юродивого второй половины XVIII в., пользовавшегося большой известностью «за святость жизни». Это и определяло сатирическую направленность стиха. Древняя дворянская фамилия, внесена в «Алфавитный список», стр. 257.

Ст. 16. Бестужевы — помещики, славились огромным ростом, силой и феноменальным аппетитом, что служило те-

мой многочисленных анекдотов. Василий Борисович — Симб. губ. предводитель дворянства с 1798 по 1799 г.; Григорий Васильевич — губ. Симб. предводитель дворянства с 1835 по 1840 г.; Бестужев Д. А. в 60-е годы — Карсунский уездный предводитель дворянства. Внесены в «Алфавитный список», стр. 254, с указанием на то, что это древний симбирский дворянский род. Бестужевы владели многими имениями в губернии .См. прим. к ст. 133.

Ст. 18. Тумский — отставной штабс-капитан, ростовщик.

В Ульяновском архиве хранится дело «О взыскании с поручика Н. Г. Лопатина денег разными кредиторами, отставным штабс-капитаном Тумским и прочими». Начато 22 июня 1859. Ф. 116, оп. № 11, ед. хр. 14.

19. Охотин П. Н.—соборный протоиерей, помощник ректора духовной семинарии, известный в свое время проповедник.

31. Граф А. С. — надворный советник, депутат удельной конторы. Может быть, А. В. Граф — чиновник по особым поручениям при губернаторе. В «Губернской фотографии», напечатанной в «Гудке» 1862, № 4—6 фамилия его не изменена.

В дальнейшем для кратости — в «Гудке».

Ст. 32. Хохловский Н. В. — архитектор, известный в Симбирске танцор.

В «Дневнике Темного человека» Минаева читаем: Вот при звуке бальной музыки летит по паркету губернский полькер, завитой, раскрашенный и затянутый... Хотя местные зоилы, подтрунивали над ним в глаза, и смеясь говорили:

О, праведные боги!
На место головы вы умудрились ноги!

зато все женское население города носит его на руках, особенно старушки» (Рус. слово, 1861, кн. 10, стр. 20). В «Гудке» фамилия его не изменена. Антраша — прыжок вверх, с перевоем ног, «подскок» (Даль).

«Полькер Хохлик» упоминается и в «Губернских силуэтах» Минаева («Гудок», 1862, № 2, стр. 14, за подписью «Д. Свияжский»).

Ст. 35. Диттель: сын фарнцуза—сапожника, преподававший в гимназии французский язык. В «Гудке» фамилия его не изменена. Воспитанник Симбирской гимназии Л. К. Лебедев в своих воспоминаниях «Симбирская гимназия 1851—

54 гг.», пишет, что «гимназические учителя французского и немецкого языка вообще в те времена рекрутировались не особенно разборчиво; кажется заботились лишь о том, чтобы был немец или француз, безразлично какого происхождения и образования. Пишущий лично знал в одной гимназии старика, преподавателя французского языка из оставшихся в России солдат Наполеоновской армии».

А. С. Агринский «Симбирская гимназия (1809—1909), Симб. 1909, приложение, стр. 8.

Ст. 37. Отец Евгений: Сахаров-Платонов, епископ Симбирский и Сызранский. Был известен своим аскетизмом, мракобесием, жестоким отношением к людям, особенно к подчиненному ему духовенству, и рукоприкладством.

В «Дневнике Темного человека» Минаев рисует такую картину: «Приходит, например, начальник, Евгений Борода, на службу и умиляется духом, видя, что его подчиненные, придерживаясь старины, кланяются ему в ноги. А кто по забывчивости не положит земного поклона, того Борода берет за вихор, или за другое какое больное место, и наставляет...» («Рус. слово», 1861, № 10, стр. 18).

В другом случае, характеризуя Приволжск, Минаев не забывает сказать и о том, что в городке

На вдов богатых уповая,
Живет Евгений—Борода.[1]

О Симбирском епископе Минаев говорит еще раз в «Дневнике Темного человека».[2]

Симбирский старожил П. Я. Асафов вспоминает, что в городе распространялось рукописное сатирическое стихотворение, посвященное епископу Евгению. Он помнит только одно выражение о нем: «Резерв для будущих мощей». Но это была, утверждает он, не «Симбирская фотография», а какое-то другое произведение, название которого он забыл.

И. Ямпольский указывает на то, что в экземпляре «Русского слова» за 1864, № 5 Ленинградской публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина есть ряд интересных пометок, сделанных каким-то уроженцем Симбирска, хорошо знавшим людей, о которых говорит Минаев в своем фельетоне.[3] На стр. 99, возле строк о Евгении-Бороде, бьющем «мальчишек» каждый раз как он приходил в класс, о том,

[1] «Русское слово» 1862, № 1, стр. 24.
[2] «Русское слово» 1864, № 5, стр. 99, 110, 114—116.
[3] «Избранные произведения Д. Д. Минаева,», Куйбышев, стр. 294.

что рука его «разит сильнее молотка», приписано: «Епископ Симбирский» и «действительно, моему брату, когда еще он был в семинарии, епископ разбил лицо посохом». На стр. 115, где рассказано о том, как Евгений-Борода задумал завести библиотеку, он исключил из списка все «дельные» книги, всюду видя «ересь», а о «Лермонтове, Гоголе, Пушкине и Белинском и заикаться не велел» и затем даже Аскоченского «заподозрил в нигилизме», приписано: «Все верно».

Стр. 38. Венцом в Симбирске назывался главный бульвар, расположенный на высоком берегу Волги, с которого открывается прекрасный вид на Волгу и окрестности города.

Ст. 51: Бычкова А. К. — вдова Бычкова (см. ст. 11). Аристократка, патронесса благотворительных учреждений; была известа набожностью и природным умом. В рукописных списках подчеркивается эта особенность в стихах, где идет речь о епископе Евгении и Бычковой:

И не посмеет ум Бычковой
С тобой тягаться (стязаться) в алтаре.

В «Дневнике Темного человека» Минаев, описав ученую даму г-жу Фиту, продолжает: «Вот и другая моя героиня «дама великолепная во всех отношениях» и большая любительница заезжих молоденьких правоведов. Будто вижу, как гордо и плавно ты идешь

И на ленте ведешь собаченку...

Вот там, вдали от шумной толпы, ты усыпаешь богатый памятник цветами, и льешь над ним свои слезы, как Донна Анна над гробницею старого Командора. А дома меж тем хворает твой больной старик муж».[1]

В этом портрете нетрудно узнать Бычкову. В «Губернских силуэтах» Минаев еще раз останавливается на «осиротевшей и полинявшей львице», которая кокетничает с юношей-чиновником, сидящим у ее ног и ласкающим ее собаченку. «Вспомни Дон-Жуана Пушкина и знай, что это Донна Анна, переложенная на наши нравы», язвительно пишет Минаев.[2]

В «Гудке». «Где дряхлых львиц всесильны чары».

Ст. 55: Феодотий — Озеров, архиепископ Симбирский и Сызранский, предшественник Евгения, известный проповед-

---

[1] Русское слово, 1861, кн. 10, стр. 20—21.

[2] «Гудок». 1862, № 2; стр. 14.

ник. Умер в 1858 г. и был погребен в усыпальнице Симбирского кафедрального собора.

Ст. 59: Черников В. В. — губернский секретарь; с 1859 года — владелец первой частной типографии в Симбирске. В «Гудке» — Ерников Василий.

Ст. 61: Трубецкой — князь, владелец имений в Карсунском уезде. Фамилия Трубецких внесена в малочисленный список древних дворянских родов, «происходящих от владетельных русских княжеских фамилий, или предки которых были в родстве с Рюриковичами и царствующим домом». Трубецкие идут от князей Владимирских.[1]

В списке Орлова против этой фамилии стоит короткое: «мот», другие списки обходят ее молчанием. В «Гудке»: «Где Глупецкой, в проказах чванства». О Глупецком—Трубецком Минаев писал в «Дневнике Темного человек», характеризуя Приволжск. — Шуты смешат у Глупецкого,[2]—и позднее: «Глупецкой — звезда первой величины между нашими губернскими звездами... Этот субъект, представляющий из себя только модель человеческого образа, постоянно развлекает себя целою сворою шутов и бездельников... Для потехи завел он даже шутиху, которую заставлял зубами вытаскивать из чашки, наполненной гущею, гривенники. Выудит она таким образом гривенник — ну и весело... Счастливец Глупецкой! Промотает состояние — а тут фортуна ему другое под руки богатство посылает». И дальше приведена эпитафия Глупецкому написана «каким-то губернским зоилом», причем «губернский зоил»—сам Минаев, а эпитафия кончается строками из «Губернской фотографии»: «На лбу написано два слова: «Аристократ и идиот».[3]

Ст. 70. Бобылев И. П. — председатель казенной палаты. В «Гудке» 1862, № 5, стр. 39 напечатана статья «Замечательное событие в Симбирске», посвященная юбилею Бобылева. В «Дневнике Темного человека» описывается юбилей Краснощекова.[4]

В «Гудке»: Пион свой правит юбилей.

Ст. 71: Горчаков С. С. — чиновник особых поручений казенной палаты. В «Гудке»: Его племянник дуралей.

Ст. 75: Киндяков А. Л. — помещик, владелец известной Киндяковской рощи под Симбирском — места действия ге-

---

[1] «Сборник истор. материалов, Симб. губ. на 1868 г.» стр. 24.
[2] Русское слово, **1862, № 1, стр. 24.**
[3] «Русское слово» 1864 г. № 5. стр. 105—106.
[4] «Русское слово», 1862, № 1; стр. 25.

роев Гончаровского романа «Обрыв». Стремился внешностью походить на Наполеона III, но ходил в поддевке. Был известен как бессердечный крепостник. Фамилия Киндяковых значится в «Алфавитном списке» (стр. 255). В «Дневнике Темного человека»: «Вот проходит перед мной владелец рощи с седою французской бородкой Кинь-дяк, который на ухо уверяет меня, что он так похож на Луи Наполеона, что, проезжая через Париж, смутил этим сходством весь город. . .»[1] В «Гудке»:

Там клялся мне в глаза Скундряков.

Ст. 80: Бабкина Е. Н. — помещица. Фамилия Бабкиных в «Алфавитном списке» (стр. 253).

Ст. 81. Студитский — уволенный со службы становой пристав, прикидывавшийся блаженным. В «Гудке»:

Там сам Сфундитский, друг номадов,

Номады, кочевники, кочевой народ, бродячий со скотом и переносным жильем, без оседлости (Даль).

Ст. 83: Виноградов Ф. И. — чиновник Симбирской комиссариатской комиссии, смотритель магазинов и воинской комиссариатской команды. В «Гудке»:

И вольнодумец Спиртоградов

Ст. 84: Нечаев В. Н. — секретарь общего присутствия комиссариатской комиссии.

Ст. 85: Шидловский Д. Н. — крупный помещик. В 1861—1862 гг., член губернского по крестьянским делам присутствия. В «Гудке»:

Глядит Двужильный либералом.

Ст. 89: Наумов Павел — помещик. Фамилия Наумовых внесена в «Алфавитный список » (стр. 256). В «Гудке»:

А вот и он, Безумов Павел

Ст. 93: Лазаревич — неизвестное лицо.

Ст. 94: Манчтет П. Е. — 2-й губернский секретарь, помощник губернатора. Чем мог грязно хвалиться Манчтет можно предположить на основании дела, хранящегося в Ульяновском Архиве — «О присвоении Симбирским помещиком Манчтетом чужого имени в публичном доме и о сопротивлении им полицейской власти», ф. 116, оп. 9, ед. хр. № 3. Сопротивление выразилось в том, что Манчтет отказался назвать свою фамилию помощнику пристава, посетившему,

[1] «Русское слово», 1861, кн. 10, стр, 19.

в целях проверки, публичный дом своего участка. Присвоение чужого имени в том, что Манчтет, после длительного пререкания с помощником пристава, назвал себя Перепердовым.

Ст. 96: Жиркевич И. С. — губернский секретарь.

Ст. 97: Эйзрих — учитель музыки.

Ст. 99: Руммель — генерал. В «Гудке»:

Ст. 100: «Старикашка» — полковник Волошинов В. В.

Где ожиревшая святоша .

В «Губернских силуэтах» Минаев так говорит о судьбе несчастной дочери Фон-Умеля: «С детских пелен до 18-летнего возраста эта девушка была забита тем ласковым и нежным деспотизмом, который убивает в душе женщины все искреннее, все молодое и свободное... И вот этой девочке минуло 18 лет, и у нее явился жених, старый, измятый развратом и болезнью старикашка, который опираясь на свое богатство, смело сделал предложение девушке. Бедная! У тебя даже нет отчаяния, нет полного сознания своего положения! Тебе страшно немного — но ты не смеешь и мысленно протестовать против этого насилия, этого поругания над твоей молодостью и свободой выбора».[1]

Ст. 101: Дворянский предводитель — Ермолов А. И. — действительный статский советник. Был Симбирским губернским предводителем дворянства с 1859 по 1870 гг.; в 1861—62 гг. член Губернского по крестьянским делам присутствия. Фамиля Ермолаевых внесена в «Афавитный список» (стр. 255).

Ст. 105: Вишневский И. В. — директор мужской и женской гимназии, до этого — инспектор гимназий в Самаре. В 1862 г. цензор неофициальной части «Симбирских губернских Ведомостей». Одновременно числился директором народных училищ Симбирской губернии до 1874 г. Деспот, ханжа и взяточник. Гимназисты дали ему кличку «Страшный директор».[2]

В 1878 г. исключил из гимназии группу учеников 6-го класса за чтение произведений Чернышевского (М. Иванов «Страшный директор» газ. «Пролет. путь» 3. 12. (1938). В «Дневнике Темного человека» Минаев описывает «сурового

[1] «Гудок», 1862, № 2, стр. 15.

[2] В экземпляре Ленинградской публичной библиотеки, возле слов о «Вишневке-педагоге» приписано: «Директор Гимн. Вишневский. Ему мой брат обещал пулю в лоб, за что сослан» И. Ямпольский «Минаев, избранные соч., Куйбышев, стр. 295.

начальника частного учебного заведения — Вишневку, который везде, как тень следит за поведением своих воспитанников». Зайдя однажды ночью в спальню учеников, услышав, что некоторые из них храпят, он распекает оторопевшего надзирателя за «безнравственное поведение» учеников: «Я вам говорю первый и последний раз, если я еще застану, что воспитанники храпят ночью, то... то попрошу вас выйти в отставку».[1]

Весной 1879 г. на одном из торжеств в честь Вишневского, когда произносились тосты о его заслугах, подвыпивший учитель рисования попросил себе слова также для тоста и провозгласил: «Иван Васильевич (Вишневский) всю свою жизнь грабил, грабил и грабил». Эти слова вызвали целый переполох среди собравшихся. После этого скандала Вишневский ушел в отставку.

(Н. О. Рыжков. « Симбирская гимназия в годы учения А. И. и В. И. Ульяновых » (1874—1887) Ульяновск, 1931, стр. 12).

См. также «Русское слово», 1864, № 5, стр. 99—100.

В «Гудке»:

Где заменяешь ты, Вишневка,
Педагогический нарыв.

Ст. 110: «Стряпчий» — А. Шауман, исправник.

Ст .111: Качура Д. А. — депутат Симб. удельной конторы.

Ст. 113: Иванов А. П. — начальник внутренней стражи в губернии (начальник Симб. гарнизона), полковник. Может быть Иванов М. С. — чиновник для поручений комиссариатской комиссии.

В «Гудке»: Где ловелас наш пухлолицый.

Ст. 117: Сегедий Н. Н. — губернский землемер.

Ст. 121: Языкова Прасковья — сестра поэта Н. М. Языкова, жена Бестужева, помещица, известнейшая в губернии законодательница мод; под конец жизни прожилась. В «Гудке»:

А ты роскошная Прасковья

Ст. 131: Беляков А. П. — владелец конного завода, основатель в Симбирске рысистого коннозаводства.

Ст. 133: Бестужев Д. А. — Карсунский уездный предводитель дворянства, славился своей физической силой. Второй — мировой посредник 1-го участка Сызранского уезда.

---

[1] «Рус. слово», 1861, кн. 10, стр, 19,

О двух братцах Бестыжих, которые в клубе полезли в драку со всем обществом, говорится также в «Губернских силуэтах» Минаева.[1] О Бестыжем, который драться не отвык, сказано и в «Дневнике Темного человека», «Русское слово», 1862, № 1, стр. 24.

Кроме этого в «Гудке» в отделе «Из провинциального быта» дана карикатура—«Черноземная сила. Под карикатурой «Мадригалы» Минаева.[2]

Ст. 136: Бурушенков — буфетчик дворянского собрания, владелец первой в Симбирске кондитерской (с 1838 г.).

Ст. 87: Дантист губернский Валерьян — возможно, какой-нибудь родственник Минаева, мать его — урожденная Зимнинская.

Ст. 140: Хвощинские В. А. — помещик, один из директоров губернского «Попечительного комитета о тюрьмах»: его жена — начальница училищ. Древняя дворянская фамилия. Внесена в «Алфавитный список» (стр .257).

Ст. 154: «Старуха нетопырь» — помещица Столыпина. В «Гудке»:

А вот в сгнивающих чертогах
Сидит старуха —нетопырь.

Ст. 157: Сель — владелец пансиона «для приготовления мальчиков в младшие классы гимназии».

В «Дневнике Темного Человека» Минаев описывает одно частное закрытое учебное заведение. «Таких заведений нет уже более на свете и только одно мое воображение могло создать его», — пишет он. В этом учебном заведении процветает «древняя педагогика во всей ее патриархальной чистоте и целомудрии». Угрюмый педагог сам при помощи кулаков расправляется со своими питомцами, нарушившими порядок. Он заставляет их также избивать своих провинившихся товарищей. Каждому ученику он дал обидную кличку — Эй, ты, осел! Крикнет он, обращаясь к толпе мальчиков, — выходит один.

«Лошадь! — выходит другой.

Таким образом у каждого есть такое грациозное прозвание».[3]

Ст. 159: Лопатин — один из местных деятелей крестьянской реформы. Мировой посредник 3-его участка Симб. уезда.

---

[1] «Гудок», 1862. № 12, стр. 13.
[2] «Гудок», 1862, № 4, стр. 32.
[3] «Русское слово», 1861, кн. 10, стр. 23.

Ст. 161: Ренненкампф Р. Н. — председатель палаты уголовного суда. В стихе «Ренненкампф ломает Штольца» — использован простонародный оборот — «дурака ломать», что то же, что «дурака валять».

Здесь насмешка над Штольцем, как панацеей от обломовщины. «Ломать Штольца!» — яснее не определишь своего отношения к этому образу.

Ст. 162: Якобсон О. Я. — архитектор удельной конторы.

Ст. 163: Имеется несколько мнений о прототипе М. Волохова. Племянник Гончарова в своих воспоминаниях о дяде утверждает, что образ Марка Волохова списан с племянника Владимира Кирмалова.

«Приезжая из Москвы в Симбирск, он останавливался у Музалевских (семья тетки). Здесь он рисовал карикатуры на Симбирских патрициев, доказывал тетушке, что бога нет, и говорил, что все образы ее он бросит в печку, а старой няне объявил, что у людей такая же душа, как и у животных, что мы в природе такие же букашки, как мухи и комары, что молиться следует не богу, а солнцу, луне и созвездиям. Тетушка жаловалась на него архиерею, а няня Аннушка (воспитавшая Ивана Александровича и моего отца, жившая тогда у Музалевских, а потом переселившаяся к Кирмаловым), прыскала на него святой водой, окуривала его комнаты ладаном и ставила свечу. Говорили, что Иван Александрович с него главным образом списал своего неудачного Марка Волохова»; — К этим словам М. Суперанский делает примечание о статье А. М. Скабичевского «Из воспоминаний о пережитом»,[1] в которой говорится, что жена Владимира Майкова, обладавшая живым и пылким темпераментом, не в состоянии была ужиться с ним и бежала на Кавказ с одним нигилистом, которого впоследствии Гончаров покарал, изобразивши в своем романе «Обрыв» в образе Марка Волохова. В то же время Скабичевский пишет, что встречал этого человека в 1868 г у Майковых и он показался ему «симпатичным молодым человеком, не имевшим ничего общего с карикатурным героем романа Гончарова». (М. Суперанский «Иван Александрович Гончаров и новые материалы для его биографии» — В. Евр., 1908, XI, стр. 33—34).

К этому необходимо добавить еще и новое лицо — это Бернгольц, сосланный в Симбирск. По местному преданию

[1] «Русское богатство», 1907, № 7, стр. 51.

послужил для Гончарова прототипом Марка Волохова в «Обрыве». В своей «Необыкновенной истории» Гончаров признавался: «Вместо нигилиста Волохова, каким он вышел в печати, у меня тогда был намечен в романе сосланный под надзор полиции, по неблагонадежности, вольнодумец».[1]

В Ульяновском Государственном архиве имеется два дела, в которых названа фамилия Бернгольца: «Дело Симб. окружного суда уголовного отделения, о дворянине Владимире Петровиче Бернгольце, обвиняемом в оскорблении словами должностных лиц», ф. № 1, оп. 68, ед. хр. № 11. Второе под таким же названием — ф. № 1, оп. 72, д. 13. Речь идет об оскорблении исправника и члена съезда мировых судей.

Ст. 164: Барон Корф Ф. Н. — генерал, управляющий Симбирской комиссариатской комиссией или комиссией для приемки солдатских сукон от местных фабрикантов. С 1855 года через нее проходило более двух миллионов аршин в год.

Ст. 165: Кахановы: — крупные помещики.

Ст. 166: «Неистовый Верок». В «Губернских силуэтах» Минаев довольно подробно останавливается на обрисовке этого образа. «Остановись еще, неопытный путник, перед этим домом, который с ужасом обходит даже днем каждый житель «городка». А между тем, кажется, чего же страшного в его обитательницах... Можно ли бояться этой старой вдовы и старой девы?... Можно, можно, путник! Страшна провинциалам гласность, страшны все ядовитые обличительные статейки, но ужаснее всего для них со своими языками «Пияша» и «Неистовый Верок». Горе тому, кто возбудит против себя их негодование: тогда они выпускают свое жало, самую художественною сплетнею обовьют, опутают врага своего и предадут общественному поруганию. И — удивительное дело — никто давно уже не верит им, все знают их творческое дарование — а между тем, клевета, распущенная ими, принимает образ правды, по мере своего распространения развивается, растет и принимает, наконец, такие чудовищные формы, что волос дыбом становится... И торжествует «Неистовый Верок» и как-то сладострастно любуется делом рук своих... И разводятся таким образом свадьбы, начинают враждовать между собою старые друзья, чистые, незапятнанные репутации женщин замарываются

---

[1] «Сборник Российской публичной библиотеки», том II, III, 1924; стр. 15.

навсегда, и все эти жертвы неутомимого преследования, всюду куда б ни явились, везде видят едва сдержанные улыбки, ловят двухсмысленные фразы, гадкие намеки».[1] В «Дневнике Темного человека»: И судит ближнего сурово.

В гостях «неистовый Верок»[2]

Ст. 167: Буско — купец, домовладелец.

Ст. 169: Мешеринов — помещик, поставщик муки в армию, в 1862 г. — консультант Губернского по крестьянским делам присутствия по выработке урочного положения. Фамилия Мещериновых в «Алфавитном списке» (стр. 255).

Ст. 171: Докучаев А. И. — пом. начальника станции Моршанско-Сызранской ж. д.

Ст. 174: Алопеус. И. Я. — губернский контролер. Возможно, что речь идет о другом лице — начальнике резервной дивизии 6-го армейского корпуса, генерале И. С. Алопеусе.[3]

В некоторых списках — Андреев Василий Михайлович— владелец чугунно-литейного завода в Симбирске. Фамилия Андреевых в «Алфавитном списке» (стр. 253).

Ст. 175: «Бочонок» — Н. Б. Бестужев, помещик.

В «Губернских силуэтах» рассказывается история женитьбы «Бочонка». Его невеста, начитавшаяся романов и «жаждавшая романической любви с препятствиями, с кинжалами и ночными свиданиями на кладбище», потребовала от жениха доказательства любви и заставила его выкрасть ее из родительского дома, хотя в этом не было никакой необходимости, ибо родители дали согласие на брак. Рядом с «Губернскими силуэтами» в «Гудке» помещена карикатура на ту же тему в отделе «Из провинциального быта».[4]

Ст. 178: Нейковы — дворянский род. Нейков Н. Н. — в 1861—62 гг. мировой посредник. Нейков В. Н. — заседатель палаты гражданского суда.

Ст. 179: Крыжин А. П. — правитель канцелярии губернатора.

Ст. 182: Кудрявцев А. С. — секретарь казенной палаты.

---

[1] «Гудок» 1862, № 2, стр. 14.

[2] «Русское слово», 1862, № 1, стр. 24.

[3] В 60-ые годы эта дивизия неоднократно высылала команды для подавления крестьянских волнений.

[4] «Гудок», 1862, № 2, стр. 14—16.

В «Гудке» —

Где исковерканный развратом.

Подагрик спит тревожным сном.

Ст. 185: Юрловы — помещики. Древняя дворянская фамилия, см. стр. 9.

Ст. 187: Шварц — советник Губернского правления.

Ст. 189: Казак—Лебедев М. В. — бывший казачий офицер. В молодости славился как лучший наездник и пловец. Был богат, но вел суровую аскетическую жизнь: ходил в рубище и питался чуть-ли не отбросами.

Он собирал на базаре рыбьи головы и варил из них суп. Имел специальную деревянную ложку, с которой ходил по базару и пробовал молоко. Так он завтракал. Покупал хворост, а не дрова: обходилось дешевле. Первый день после топки печи спал возле нее, на второй — лез на печь, а на третий — в печь. Анекдотические рассказы о жизни Лебедева сохранились в городе до настоящего времени. В 1893 году завещал городу, накопленный им капитал (66.000) и свой дом для постройки ремесленного училища для сирот. Училище было открыто в 1893 г. и названо именем основателя.

Ст. 191: Лазарев — помощник, картежник. Фамилия Лазаревых значится в «Алфавитном списке» (стр. 255).

Ст. 193: Алаев М. П. — 1-й помощник губернатора, в 1861—62 гг. секретарь губернского по крестьянским делам присутствия.

Ст. 194: «Пияша» см. прим. к «Неистовый Верок». Впрочем, управляющий удельным округом тоже имел прозвище «Пияшка».

Ст. 195: Глинка С. П. — управляющий удельной конторы и директор губернского попечительного комитета о тюрьмах.

Ст. 195: Баратаев М. М. — Симбирский уездный предводитель дворянства, сын известного в Александровскую эпоху масона.

В «Алфавитном списке» — «Баратаевы князья, древний княжеский род» (стр. 253).

Ст. 196: Фе П. Ф. — губернский почтмейстер, статский советник.

Ст. 198: Волкова, помещица. в «Гудке» ст. 107:

Звезда салонов рвется в знать.

Ст. 204: Пузинский К. З. (1836—1915 гг.) — впоследствии популярный артист, игравший на столичной и провинциальной сцене, исполнитель исключительно женских ролей; неподражаемо играл старух в пьесах Островского. За исполнение роли Кукушкиной получил от А. Н. Островского благодарственное письмо.

В 1861 г. служил в канцелярии губернатора 3-м губернским секретарем, а затем, до введения судебных уставов 1864 г., в Симбирском суде следователем. Начинал свою артистическую карьеру в качестве любителя. О нем см. «Театр», 1941, № 1, стр. 158.

Ст. 206: Каблуков — владелец Александровского сада при больнице, места общественных гуляний. Каблуков отец — управляющий Сызранской удельной конторой, пользовался в губернии легендарной известностью насильника и вора. В 1845 г. был отдан под уголовный суд за кражу казенных денег при постройке Образцового села. Крестьяне сложили про него песню-сатиру, которая была известна по всему Симбирскому Поволжью:

Петр Петрович Каблуков
Разорил нас мужиков.
Девки улицу мели,
Каблукова прокляли.
Из Орловки житель-бытель,
Окаянный вор, мучитель,
Петька Каблуков!

Перед ним в струнку тянись,
По струне велит пройтися,
Не пройдешь — дерет:
Кровь пускает, зубы правит,
К пояснице банки ставит—
Только ой-ой! и т. д.[1]

Ст. 207: Сабанины — дочери Н. А. Сабанина, советника питейного отделения казенной палаты.

Ст. 209: Соколовский Н. М. — адвокат, гостивший у Д. Д. Минаева и привезший «Губернскую фотографию» в Симбирск.

В «Дневнике Темного человека» Минаев рассказывает об одном «беспокойном юноше», которого в городке зовут

[1] П. Александров, «Село Царево-Никольское», «Исторический вестник», 1908 г., № 6, стр. 1016.

«сочинителем» за две, за три статейки, напечатанные в журналах». Сочинитель этот, как бельмо у всех на глазах.

Книжки читает, по улицам рыщет
Пищи себе для сатиры он ищет,
Видит повсюду корысть, да порок...
Словом ,встревожил весь городок...

Однажды он написал статейку по поводу крестьянского вопроса. Статья, с разрешения местного начальства, была напечатана в «Губернских ведомостях». «Вдруг оживился круг дворянский — и городка нельзя узнать... Статья сочинителя вызвала почему-то общее негодование. «Распни, распни его — кричали самые озлобленные». Под суд — как пить дадут! — толковали иные.

Когда смятение несколько утихло, составилось заседание, на котором порешили написать адрес по начальству об исключении сочинителя из службы». Но адрес не состоялся, так как никто не хотел подписаться первым, но каждый соглашался подписаться вторым.

Тогда выделили двух делегатов от общества, которые обратились к городской власти с просьбой об исключении со службы зловредного сочинителя. К ужасной их досаде начальство не признало справедливость в этой просьбе и сочинитель попрежнему служит в городке».[1] В этом «сочинителе» нетрудно узнать Соколовского.

Ст. 211: Арапов В. Н. — председатель гражданской палаты.

Ст. 213: Шорохов — непременный член приказа общественного призрения. В «Гудке»:

Где, прогрессистов каждый шорох.

Ст. 215—216: Перефразировка пословицы «Он пороха не выдумает».

Ст. 220: Фомин — землемер, поражавший необыкновенно большим ростом и тучностью. Заняв у кого-то крупную сумму денег, отрекся от долга и дал ложную присягу. В «Гудке» фамилия его без изменения.

Ст. 221: Протопопов — помещик и фабрикант. Отец последнего министра внутренних дел при Николае II-м.

[1] «Русское слово», 1861, № 10, стр. 21—23,

Ст. 224: Скорняков — купец.

Ст. 225: Космынин Н. Ф. — исправник Симбирского земского суда.

Ст. 225: «А голова без головы» — городской голова Загряцков М. М., купец 2-й гильдии.

Ст. 231: Красовская Маргарита — дочь полковника Красовского Н. И.

Ст. 233: Валуев М. В. — депутат дворянского собрания. Валуевы — старинная Симбирская фамилия. Один из них — славянофил, издатель «Симбирского сборника» в 1845 году. Фамилия внесена в «Алфавитный список» (ст. 254).

Ст. 235: Корф — подполковник Э. Э. фон-Корф, управляющий Симбирскими земскими конюшнями. См. также об этом эпизоде в «Губернских силуэтах».[1]

Ст. 236: Семечкин — купец, кондитер.

Ст. 237: Арапов — сын председателя гражданской палаты.

Ст. 230: Нестеров — купец.

Ст. 241: Евланов — инспектор Врачебной управы.

Ст. 242: Тельнова — неизвестное лицо.

Ст. 243: Поливанов — Н. М. — богатый симбирский помещик Карсунского уезда. Товарищ Лермонтова по университету. Ему адресовано стихотворение: «Послушай, вспомни обо мне». Фамилия Поливановых внесена в «Алфавитный список» (256).

Ст. 248: Гончаров Н. А. — брат писателя И. А. Гончарова, учитель гимназии. Н. А. Гончаров отличался необыкновенной рассеянностью. «Он ходил что-то всегда бормоча и все забывал. Этим пользовались ученики и долго изучали в русской грамматике, которую он преподавал в низших классах гимназии, одно имя существительное, или иногда отвечали «Отче наш» вместо заданного урока».[2]

О нем в «Дневнике Темного человека»: «Давали раз в пользу воскресных школ спектакль, где было играно «Доходное место» Островского. Один из присутствующих, готовый «всеми силами своего комиссариатского красноречия отстаивать порой милую, неизменную рутину, сидел в

---

[1] «Гудок», 1862, № 2, стр. 13.

[2] А. С. Агринский «Симбирская гимназия» Симб, 1909; стр. 7,

ложе и, недовольный пьесой, только по солидности не свистал.

Что это такое? говорил он в антракте. Разве можно на благородные спектакли ставить такие безнравственные комедии! Если бы была моя воля, я бы самого автора этой пьесы туда бы запрятал, куда Макар и телят не загонял... Да!

Младший учитель словесности, вообще трудно владеющий своими мозгами, шопотом высказывал свое сочувствие городскому Цицерону».[1] В «Гудке» — «Неизлечимый педагог». Об Н. Гончарове см. воспоминания его сына — М. Суперанский «Ив. Ал. Гончаров и новые материалы для его биографии».[2]

Ст. 249: Беседовский — учитель гимназии.

Ст. 250: Кокушкина — вдова заседателя Симбирского уездного суда.

Ст. 251: Подгорная — вдова заседателя уездного суда.

Ст. 253: Герасимов — исправник.

Ст. 255: Москвитин — помещик, коллежский советник, один из местных деятелей по проведению реформы 1861 г.[3]

---

[1] «Русское слово», 1861 г., кн. 10, стр. 18—19. См. также «Русское слово», 1865; № 5, стр. 111.

[2] В. Евр., 1908, XI.

[3] Сведения о лицах, упомянутых в поэме, почерпнуты из следующих источников:

1. Адрес календарей Симб. губернии и особенно за 1861 г.

2. Справочная книжка и адрес календарь Симб. губернии на 1916 г.

3. Сборник исторических материалов Симб. губернии, 1863 г.

4. П. Л. Мартынов, г. Симбирск за 250 лет существования, Симб. 1898.

5. Его же — «Селения Симб. губернии».

6. Его же — «Краткий словарь Симбирских деятелей и уроженцев, чем либо выделившихся из общего уровня повседневной жизни, 1916, Рукопись, гос. архив.

7. «Симбирские воспоминания о Д. Д. Минаеве», П. А. Александров, рукопись.

8. Ульяновский Государственный архив — «Фонды личного происхождения».

9. Примечания к рукописным спискам «Губернской поэмы», описанным выше.

10. «Гудок» за 1862 г.

11. «Русское слово» за 1861 г, 1862, 1864 г.

12. Печатные и архивные материалы исторического музея, Областного книгохранилища и Ульяновского Гос. архива, «фонды личного происхождения».

А. БИРНБАУМ

Значение рисования для педагогической работы

„Страна в которой учили бы рисовать также, как учат читать превзошла бы скоро все остальные страны во всех искусствах".

ДИДРО

Есть предметы которым, несмотря на их огромное общеобразовательное и прикладное значение, наши школы, начиная с начальной и кончая вузом, не уделяют достаточного внимания. Это рисование и черчение. Немалую долю вины в этой недооценке графического искусства падает на самих преподавателей данных дисциплины. За недостатком педагогов со специальным художественным образованием, нередко эти дисциплины ведут математики, знающие черчение, но не имеющие достаточных знаний и навыков в рисовании. Художники же часто не идут преподавать рисование только из-за того, что им вменяют в обязанность вести и черчение.

За преподавание рисования берутся «по совместительству» случайные люди, которые чувствуют себя гостями в художественном мире. Они не только не стараются привлечь общественное мнение к развитию графического искусства в советской школе, но, не имея сами достаточных специальных знаний, не работая систематичсеки в этой области над собой, снижают только авторитет этих дисциплин в школе. Возможно, отчасти и по это причине в широких преподавательских кругах до сего времени нет ясного представления о настоящем месте и значении графических предметов в общей системе народного образования.

Что требовал от искусства В. И. Ленин? Он говорил: «Исскуство принадлежит народу, оно должно уходить своими глубочайшими корнями в самую толщу широких труд-

щихся масс. Оно должно быть понято этими массами и любимо ими. Оно должно объединять чувство, мысли и волю этих масс, подымать их». (Из воспоминаний К. Цеткин о Ленине).[1]

Великая Октябрьская революция дала возможность двинуть искусство в широкие народные массы и приобщить их к подлинному художественному творчеству. В деле распространения художественной культуры огромная роль принадлежит графическому искусству, большое значение которого подтверждает и тов. Калинин. Он пишет.. «Рисование и черчение приобретает теперь особенно большое значение, потому, что мы вплотную подошли к овладению техникой, что механизация процессов труда развивается не только в городе, но и в деревне».[2]

Рационально поставленное преподавание рисования и черния прежде всего воспитывает глаз учащегося, а это важно не только для художника, как специалиста, но имеет большое практическое значение для каждого человека, в особенности же для педагога. Рисование приучает глаз учащегося сознательно видеть предмет, сравнивать его отдельные части, их пропорцию, вырабатывает уменье быстро схватить основные очертания предмета, его точные размеры, формы, цвет, давая тем самым ясное конкретное представление о предмете изучения. Как отвлеченные понятия нашего внимания в письменном виде обычно выигрывают в своей ясности и определенности, так и наши представления, воплощенные в рисунки, чертеже, благодаря своей конкретности глубоко запечатлеваются в нашей памяти. Рисование является также важным дидактическим средством, т. к. при строгой системе преподавания занятия этими предметами дает разнообразный материал для мышления. Систематический курс занятий графическими предметами выявляет и развивает творческие способности учащегося, образное воображение, что весьма важно для успешного прохождения учебного материала. Программы общеобразовательных учебных дисциплин тесно связаны с необходимостью соответствующей технической подготовкой учащегося в области графического изображения. Эта тесная органическая увязка, существующая между графическим искусством и общеобразовательны-

---

[1] Ленин В. И. «О культуре и искусстве». Сборник статей и отрывков. Составил Лившиц, Изогиз. 1938 г.

[2] Калинин М. И. «О молодежи». Статья «На борьбу за качество работы советской школы». Изд. 1940 г. стр. 134.

ми предметами в нашей школе, в корне изменила программу и методы преподавания рисования и черчения. Если в дореволюционной школе рисование проводилось без всякой связи и оторванно от других предметов, в наше время графическое искусство мыслится в постоянном соприкосновении и увязке со всем учебным материалом школы. Рисование во всех его разнообразных формах должно вливаться в учебный материал школы. Карандаш, кисть, циркуль — это такие же вспомогательные инструменты при усвоении общеобразовательных знаний, как мел, перо, тетрадь. Далеко не все можно хорошо выразить человеческим словом и очень часто нам нехватает слов, чтоб с достаточной ясностью описать какой-либо предмет. Зарисовав же его на доске, или карандашем на бумаге, мы легко справляемся со своим затруднением, потому, что лучшим средством передачи конкретных представлений нашего зрения является не слово, а рисование. Самая красноречивая словесная передача никогда не заменит, например, графического изображения цветка, птицы. Графический язык тем и могуч, что через форму, размер, цвет он дает ясное понятие об изучаемом предмете. Поэтому так широко и применяются графические изображения в наших учебниках по естествознанию, математике и техническим дисциплинам, и чем больше учебник насыщен хорошо исполненными рисунками, тем больше мы его ценим.

Раз наши конкретные представления графическим способом передаются лучше, чем словесным, то и изучение этого искусства в средней школе и высшей школе должно стоять наравне со словесным. Уменье рисовать мелом на доске перед аудиторией приобретает большое педагогическое значение, помогая лучше усвоить преподносимый материал. Набросанная для наглядности диаграмма, выросшая под рукой педагога, схема строения корня растения — все это возбуждает гораздо больший интерес учащегося, чем стопы готовых таблиц и картин. Студенты с большим уважением и любовью относятся к тем педагогам, которые умеют подкреплять свои лекции рисованием на доске. «Так становится все ясно и понятно, когда педагог и нарисует на доске и расскажет», — говорят студенты. Один преподаватель вуза, беседуя на тему: «Наши любимые педагоги», сказал: «Мы, будучи студентами вуза, очень ценили одного доцента за то, что он обладал редким даром не только хорошо излагать лекции, но и иллюстрировать их рисунками на доске». Это же можно сказать и об учащихся средней школы.

К сожалению, графически грамотный педагог у нас, действительно, редкое явление. Слишком еще глубоко укоренился взгляд на рисование, как на удел избранных одаренных натур. Мы забываем, что для простого грамотного рисования с педагогической целью, надо иметь знания основных приемов схематического изображения, нужна и регулярная работа по приобретению графических навыков. Каждый может научиться правильно писать и правильно рисовать, но не все грамотные люди становятся знаменитыми писателями, как и все рисующие известными художниками. Для целей педагога и не нужно владеть в полном смысле слова художественным рисунком. Задача рисования на доске, сопровождаемая живым словом педагога, носит упрощенный, эскизный характер. Грубый примитивный рисунок на доске часто бывает гораздо понятнее и доступнее разговорного языка и лучше запоминается. Наша письменность обязана своим возникновением тем же рисункам. Желание выразить графически свои мысли возникло еще у людей каменного века, высекавших грубые рисунки в своих жилищах — пещерах. Несмотря на свою примитивность, эти рисунки наших далеких предков служат прекрасным дополнением для изучения той далекой эпохи.

Графический язык имеет много своих специфических преимуществ. На графическом языке вы можете разговаривать и быть понятным человеку любой национальности. Огромно педагогическое значение рисования также и в развитии наблюдательности у рисующего. Рисуя предмет, мы начинаем обращать внимание на такие детали, которые обычно ускользают от нашего внимания. Рисуя скелет собаки, студент впервые узнает, сколько у нее позвонков, ребер. Навыки графического искусства служат большим подспорьем при проработке всех научных дисциплин, придавая их изучению большую конкретность, чем только их словесное выражение. Графический язык, являясь одним из доступных и могучих орудий по передаче представления о различных явлениях и предметах, требует известного овладевания приемами и методами рисования и черчения. Рисование у нас проходят в школе, кончая 5-м классом, далее по программе идет черчение. Через 5 лет, поступив в вуз, студент имеет самые смутные представления о приемах рисования. Графические навыки, полученные когда-то в школе, забылись, нет твердости, уверенности в руке. Беря карандаш, циркуль, мел студент не знает с чего начать, как приступить

к рисунку. Не требует особых доказательств и то, что изучение таких дисциплин, как ботаника, физика, биология, химия, география, математика, кроме теоретических занятий, требует параллельных практических занятий в лабораториях. При проведении практических лабораторных занятий давно назрела потребность овладеть навыками грамотного рисунка, который необходим при копировке иллюстративного материала (из учебников, альбомов, таблиц) для всех факультетов вуза. Эти навыки необходимы при составлении несложных чертежей на занятиях по математике, при разнообразных измерениях, для изображения и анализа физических явлений, для использования графиков, при наброске на доске схемы растения, скелета животного, на занятиях по ботанике, зоологии и т. д.

Большое практическое значение имеет рисование и графическое искусство на факультете естествознания. Зарисовка наблюдений под микроскопом за жизнью растений и живых организмов, сделанная под руководством преподавателя графических дисциплин, может быть использована для студенческих докладов, рефератов, исследований, а также поможет студенту разобраться и усвоить техническую сторону рисования под микроскопом. Без помощи руководителя студент теряется, у него пропадает интерес, т. к. он не знает, правильно ли передал рисунок и как его выправить.

Особенно большое применение может иметь графическое искусство при изучении студентами растительного и животного мира. Зарисовка растения, животного, насекомого заставляет студента лично более близко ознакомиться с ними, чем это может быть достигнуто другим способом.

Навыки рисования очень ценны также при изучении биологии, физиологии, анатомии, где необходимо внимательное наблюдение и тщательное знакомство с деталями. Например, зарисовка скелета рыбы, лягушки и т. д.

Графической грамотой требуется овладеть и студенту истфака. Уменье зарисовать деталь характерного памятника, набросать эскиз орнамента, изобразить старинную утварь, одежду — все это поможет закрепить пройденный материал. Альбом с беглыми набросками с натуры должен быть неизменным спутником и студента географа, особенно при экскурсиях, для собирания географического материала. Студент географ должен уметь нарисовать карту, составить график, показать в разрезе почву, показать гра-

фически постепенное развитие оврага, вычертить горизонтали и т. д.

Не менее важно преподавание рисования и в математике. Математическая истина, выраженная графически, становится доходчивее, яснее и легче поэтому усваивается.

В Ульяновском педагогическом институте эскизное рисование впервые введено на 1 курсе естественно-географического факультета. Рисуют студенты охотно, увлекшись просиживают даже перерывы. Сделанные зарисовки с натуры на бумаге свободно по-памяти уже воспроизводят на классной доске.

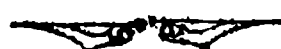
Приобретенные навыки по рисованию студенты успешно применяют на практических занятиях в лабораториях института.

Даже этот, небольшой по времени, опыт применения эскизного рисования в ВУЗ'е со всей очевидностью показал на практике, насколько необходимо освещать графически проходимый студентами материал. Давно назревший вопрос о преподавании рисования и черчения в средней и высшей школе получил, наконец, свое положительное практическое разрешение.

В соответствии с распоряжением правительства и указаниями Министерства Высшего образования, в 1948 учебном году Министерство Просвещения РСФСР решило организовать подготовку учителей рисования и черчения для школы, путем предоставления права студентам институтов получения второй специальности в порядке факультативных занятий.

Актуальное и своевременное решение правительства имеет огромное значение. Забытые предметы— рисование и черчение, наконец, займут свое настоящее место в общей системе обучения и воспитания учащихся Советской школы.

Забота партии и правительства открывает блестящую возможность поставить в нашей советской стране, стране широкого размаха техники и промышленности, рисование и черчение на такую высоту, чтобы каждый учащийся, студент умел читать чертеж и рисунок так же, как он читает книгу.

ОГЛАВЛЕНИЕ,

Тех. ред. *Я. М. Хахам*

*

ЗМГ6293—Заказ 2444
Тираж 550 экз.
Подписано к печати 22/VII 1948 г.
Форм. бум. $60 \times 84^{1}/_{16}$
12½ печ. листов
11,8 уч. изд. л.

*

Типография
Облполиграфуправления
г. Ульяновск, ул. Ленина 112